

ЧАСТЬ 1

Он посмотрел на себя в зеркало, потер седую щетину. «Да, годы идут, Ларик. Куда быстрее, чем хотелось бы, — сказал мужчина своему отражению. — Вот и преклонный возраст подбирается. А проблем меньше не становится. Как так получается? Вся жизнь борьба. Ох, как я устал бороться! Хочу покоем насладиться, хочу тратить деньги, тискать молодых баб...»

Открыл дверцу бара, взял коньяк и налил немного в бокал. Свет в квартире был приглушен, не давил на глаза, создавал спокойную обстановку. Сколько нервотрепки было за последние месяцы, это невероятно. Как все достало: разрывающийся от звонков телефон, скверные новости, льющиеся изо всех щелей, многолетние партнеры, теперь вставляющие палки в колеса. И все надо решать, решать, решать. Слишком беспокойно, будто вернулись 90-е годы. Нет, это нынешнее время, скорее всего, даже хуже.

Вышел на балкон. Вид — обалденный. Не прекрасный, завораживающий, живописный, вдохновляющий, а именно обалденный. Это стало решающим фактором в покупке этой квартиры. Внизу — многовековой Киев. Автомобили мчались по своим делам, неимущая молодежь показывала свою дурь, плебеи уныло возвращались с работы. Толпы народа приезжали сюда ежечасно, чтобы вкусить столичной

жизни, пробиться из своей теплицы на элитную плантацию, гоняться за неосуществимыми мечтами. Студенты, простые работяги, молодые предприниматели. Жизнь их обламывала пачками.

Но не Иллариона Романовича. В столицу он перебрался уже состоятельным человеком, с солидными счетами в различных банках. Он владел несколькими крупными предприятиями на Донбассе: горнообогатительным заводом, угольной компанией, предприятием по производству удобрений и химикатов, швейной фабрикой, мясокомбинатом... И это только самое прибыльное и крупное в его небольшой империи. Успешный бизнесмен крепко стоял на ногах к моменту окончательного переезда в Киев. В родном Донецке жить стало просто неудобно — главные деловые контакты находились в столице Украины. Для роста и развития требовалось сделать следующий шаг. И постепенно из местной, региональной элиты он начал уверенно переходить на новый, государственный уровень.

Карьера удачливого и решительного Ларика началась еще в советское время, но по-настоящему его жизнь преобразилась в 1993-м, когда удалось заработать свой первый миллион. В самом разгаре была эпоха первоначального накопления капитала. Кто смел, тот и съел. Самым удивительным для коллег Иллариона, если можно их так назвать, было то, что он всегда выходил сухим из воды, удача любила его.

«Сколько я сломал... — это была не ностальгия, а, скорее, тревога. Его осознание, что придется расплачиваться. — Многие пытались сломать и меня. Но не смогли. Я оказался более увертливым, хитрым и решительным».

Его бизнес-империя год от года расширялась на всю Украину. Вскоре появились предприятия в Винницкой, Львовской, Хмельницкой областях. С Одессой как-то не заладилось, не получилось. Но ущерб был минимальным.

Контакты с администрацией президента, инвестиционные проекты, меценатство, благотворительность. Все это сделало из Иллариона Романовича очень серьезного человека, имеющего влияние практически на всей территории страны. Он постоянно сбивался, когда пытался подсчитать свои деньги. И решая, куда вкладывать их, заключил, что выгоднее всего вкладывать в президента.

Зазвонил мобильный. Илларион Романович вернулся в комнату и, прежде чем ответить, снова отхлебнул коньяка.

— Алло, Ларик! — жесткий и властный голос неприятно резанул слух.

— Да, Борислав. Здравствуй!

— Как самочувствие и настроение?

— Могло бы быть и лучше. Сам понимаешь.

— Где наша не пропадала! Разберемся.

— Что-то не уверен я в этом, — хрипло отозвался Илларион Романович.

— Ничего. Один развал государства пережили, переживем и второй.

Он ничего не ответил.

— Ты уже выводешь деньги? — спросил собеседник грубым, но тревожным голосом.

— Да, постепенно.

— Надеюсь, в Россию?

— На Запад, — неопределенно ответил олигарх.

— Ты с головой дружишь? Они же могут в любой момент заморозить счета, как только получат запрос от этих новых властей. Я свои перевел в Россию. Советчики сказали, что так надежнее.

— Может быть. Но у меня много западных партнеров, в том числе и банков. Поэтому я так решил.

— Ну смотри, не прогадай. Что с предприятиями?

— Борислав, я немного занят. Давай завтра переговорим.

— Как знаешь, я всего лишь хотел помочь. Мы не первый год вместе работаем. У меня доля в твоём бизнесе.

— Я понимаю, но что мы можем сделать сейчас? Мы стремительно теряем власть.

— Деньги никогда не теряют власть. И пока они у нас есть, мы можем влиять как нам надо. Не хворай.

Илларион понимал, что надо предпринимать какие-то действия, заручиться гарантиями безопасности и сохранности своего бизнеса. Но на него накатила странная апатия. «Как же все надоело... Что за жизнь такая?.. — тягостно вздохнул он. — Что можно предпринять? Связаться с представителями новой власти? Устроить встречу с нужными людьми, решить вопросы своей безопасности и неприкосновенности? На это уйдет уйма времени и огромная сумма». Илларион лег на пол и решил попробовать другой вариант, менее затратный по деньгам и силам. Он набрал Вику. Безотказную любительницу денег и развлечений, нашедшую состоятельного мужчину. Ее мечта сбылась, она сумела, она смогла! Олигарх в его лице презирал эту куклу, но она помогала снимать напряжение. Когда у тебя много денег, то искренних людей вокруг не остается. Но неформальное общение необходимо любому человеку. Остается лишь презирать льстящих и ищущих выгоды. Илларион Романович закрыл глаза и захотел заплакать, подумав о своей бывшей жене Полине и двух детях — Владе и Розе. Не сумел он много лет назад сохранить свою семью. Бывшая супруга его ненавидит, дети не общаются и носят другую фамилию, чтобы откреститься от отца. Вместе с ними из его жизни ушли последние люди, остались лишь куклы на веревочках, которыми можно манипулировать.

Алкоголь усиливал эмоции: ему хотелось плакать, но слез не было, они высохли когда-то давно вместе с совестью. Да, эти проблемы, моральные терзания состоятельных людей стары как мир. Тогда почему другим поныне не удастся избежать ошибок? Рефлексия всегда была чужда Иллариону Романовичу. Но тут, видимо, старость начала брать свое.

Вика не принесла облегчения, она не была той женщиной, которые спасают. Не избавила от терзаний, не утешила, не сказала доброго слова. Она все болтала и болтала, лежа на его руке, а олигарху становилось только хуже. Он встал с высокой кровати, открыл ящик резной тумбочки, достал пачку долларов и кинул в нее, словно камнем.

— Пошла вон отсюда. Чтобы никогда я тебя больше не видел.

— Что это такое? Ты обращаешься со мной, как с проституткой!

— Это для тебя открытие? Не смей меня. Сама знаешь, кто ты есть. Тебе ведь деньги нужны? Так вот они! Хватит на несколько месяцев твоего жалкого существования. За это время успеешь найти нового папика. И не говори, шмара, что я не забочился о тебе! — он злобно, как в фильмах, рассмеялся. Жест и речь были ну уж очень театральными. Только Вика этого, естественно, не поняла.

— Ты как-то изменился... — собирая вещи, со слезами в голосе произнесла она.

— Какое тебе дело до этого, — хмыкнул Илларион Романович и презрительно добавил: — Шавка.

После того как Вика ушла, на душе стало еще хуже от осознания того, в какую сволочь он превратился. Что он взъялся на бедную девочку. Ну не наградили ее высшие силы талантами, живет как умеет. Разве заслужила она такого обращения?

— Заслужила! — выкрикнул он в ответ на свои терзания. И тише добавил: — Мы все получим то, что заслуживаем.

Несколько часов Илларион Романович провел в дреме. Из сонного состояния его вывел звонок. Трезвонил директор агрокомпании в Виннице.

— Егорка, чего ты посреди ночи...

— Илларион Романович, началось!

— Что началось? — глаза олигарха округлились.

— Щемить нас начали.

— В каком смысле? Кто?

— Судя по всему, националисты. Они явились ночью на наш агрокомплекс и захватили его. Позвонили мне и сказали, что им требуются все документы на собственность, что у меня есть.

— Подожди. Как вломилась? А охрана где была?

— Наша охрана, видимо, нас не очень долюбила. Короче, они без проблем впустили наиков. Да и что десять мужиков, хоть и с оружием, сделают против трех сотен? Стрелять они не стали, конечно же. В общем, охрана предала. Комплекс в руках националистов. Что мне делать?

— А что милиция, власти?

— Простите, Илларион Романович, но не мне вам рассказывать...

— Да, я тебя понял. На них надеяться не приходится.

— А может с Серьезным связаться?

— Егорка, да это все уже бессмысленно. Решаться все равно будет не там. Ты, в общем, все документы спрячь, если вдруг к тебе придут. А лучше вообще уезжай, давай ко мне в Киев. А то попадешь под раздачу.

«Ну вот и началось... — напряженно подумал Илларион Романович. — Первый кирпичик из здания выбили. Нет, все-таки надо что-то делать!.. Если пустить ситуацию на самотек, то все развалится».

Новость о рейдерском захвате ничуть не удивила его. Он всего этого ждал. Единственное, в чем заключался шекспировский вопрос, — это бороться за свое или уже хватит, пора уходить на покой? Никак Ларик не мог четко для себя определить план действий и цели. Лет в сорок он не задумываясь раздавил бы и уничтожил своих противников, нашел выход из ситуации и стал победителем. Но сейчас лень упала на плечи, причем не сиюминутная, а всеобъемлющая, тяжелая.

До утра он валялся на кровати с закрытыми глазами и обдумывал сложившуюся ситуацию. В семь направился в душ. Чтобы взбодриться, пустил на всю холодную воду.

Вернувшись в комнату, включил телевизор. Многие презирали это пережившее свой век устройство, неуважительно именуя его зомбоящиком. Илларион Романович не понимал таких недалеких людей, не умеющих использовать информацию, откуда бы она ни приходила. Ведь все это могло повлиять на его бизнес. На его империю.

Телевизор вещал про какую-то ерунду. Илларион Романович включил ноутбук и полез читать новостные сайты. Наткнулся и на статью, которая касалась непосредственно его самого.

«В Украине продолжают происходить вооруженные конфликты, и неизвестно, когда они закончатся. На руках у людей много оружия, в том числе травматического и огнестрельного. Несмотря на то, что Евромайдан закончился, бывшие участники стольковых продолжают применять на практике полученный опыт. Так, в Виннице три сотни человек захватили агрокомплекс, который принадлежит известному стороннику бывшего президента Виктора Януковича Иллариону Романовичу Ерофееву. Недовольные жители Винницы вышли, чтобы высказать свое мнение об олигархе.

— Пусть он валит вслед за своим Януковичем, пусть на пару обворовывают Россию, а нашу Украину не дадим!

— Это наша земля и наши заводы! Они принадлежат народу, поэтому мы

имею право здесь находиться! Я считаю, что новая справедливая киевская власть должна арестовать Ерофеева, он спонсировал преступный режим Партии регионов!

В составе нанятых бойцов выделялись два основных типа. Первые — это совсем молодые парни, одетые во что попало, которые просто ломали и крушили все вокруг битами, обрезками труб и даже гаечными ключами. Другая группа — опытные бойцы, одетые в синюю камуфляжную форму. Они были основным ударным отрядом с пистолетами, обрезками охотничьих винтовок, дымовыми шашками и светошумовыми гранатами. При этом часть нападавших называла себя бойцами самообороны Майдана, а другие — бойцами «Правого сектора». Во время штурма агрокомбината раздавались патриотические выкрики «Слава Украине!»

У предприятия дежурили две кареты скорой помощи. К медикам обратились три охранника — двое с резаными ранами и один с огнестрельным ранением в ногу».

— Все-таки охрана что-то предприняла! — практически восторженно вскрикнул Илларион Романович.

Скромно позавтракав, он нашел в записной книжке контакты необходимого человека, непосредственно связанного с новой властью. Долго не мог дозвониться. Но через час это дало результат.

— Какие люди серьезные меня беспокоят! — с сарказмом ответил собеседник. Важный человек из новой администрации президента по имени Тарас Ковш. Раньше работал уборщиком в Верховной Раде, но волна «Революции Гидности» вынесла его из пучины, сделав за короткий период видным деятелем. Конечно, помогло то, что раньше он стучал на депутатов нужным людям. Те, в свою очередь, не забыли, что есть такой замечательный сподвижник, адепт прозападных идей.

— Приветствую. Я думаю, ты в курсе уже, что у меня стряслось в Виннице.

— Ну как же. Сейчас сюжеты о тебе в топе новостей, — неприязнь звучала в каждом произнесенном звуке.

— Мне нужно решить все эти вопросы. Мне надо встретиться с ними.

— А как мы можем помочь-то? Народный гнев — он неуправляем, сам понимаешь.

— Хватит меня за идиота принимать. Я заплачу много денег, взамен мои предприятия должны остаться и работать.

— Много — это такое неконкретное число...

— Тебе лично я заплачу пять миллионов долларов, если замолвишь за меня словечко.

— Лет десять назад я бы даже не задумывался. Но сейчас для меня это не такие уж и большие деньги. Все твое добро стоит в тысячи раз дороже. Лучше я получу часть от твоего пирога.

— Да пошел ты!

Илларион Романович мало верил в то, что удастся договориться полюбовно, но попытаться стоило. Понятно, из него решили сделать показательный пример. Наверняка у многих его соратников начались или начнутся похожие проблемы.

Буквально в считанные дни его империю, если действительно представить ее в виде пирога, значительно понакусывали и поделили. Практически все значительные компании и имущество на западе Украины забрали. Помочь, понятное дело, ни прокуратура, ни милиция не могли. Да и вряд ли хотели. Но крупные промышленные гиганты на территории Донбасса оставались еще в его руках. Он понял, что надо договариваться с людьми на местах. Даже лучше самому туда отправиться, чтобы лично вести дела.

Несколько часов усиленной работы мысли привели к возникновению в принципе неплохого плана. Он собрал некоторые важные документы, паспорта и деньги из сейфа. После этого вызвал своего водителя. Направились они в аэропорт: небом и быстрее, и безопаснее. По дороге можно встретить кучу неадекватных отморозков.

Все прошло без сучка без задоринки, и самолет взмыл в облака.

В Донецке его встретили управляющие компаниями, повезли в ресторан, где можно было и поговорить, и поужинать. Илларион Романович заметно выделялся даже среди этих солидных мужчин. Видно было, кто вожак в стае. Окружающие понимали, что весь их успех и богатство — благодаря Ерофееву.

— Ну что будем делать, Романыч? — сказал Федор Леонидович, пожалуй, самый авторитетный после самого олигарха.

— Мы должны во что бы то ни стало сохранить все наши заводы на Донбассе. С запада страны нас вытесняют. Егор Пономар из Винницы до меня в Киев так и не добрался. Не могу ничего узнать про то, куда он делся... Надеюсь, с ним все в порядке... Но на востоке мы сильны, это наша вотчина.

— Что конкретно надо делать? — влез нетерпеливый и самый молодой Ростик.

— Конкретно? Продолжать вести бизнес.

— К власти приходят люди из народа. Это чревато, они нас не особо любят...

— Это понятно, — моментально отреагировал Илларион Романович, и будто стал еще больше, нависая над всеми горой. — Мы должны продумать шаги, быть очень аккуратными. Все должны быть осторожны в своих политических высказываниях. Никто на словах не должен поддерживать киевский режим, там я сам буду разбираться. Не высказывайтесь и в поддержку Донбасса. Любое ваше слово в такое время может уничтожить все, над чем мы так долго работали.

— В общих чертах все понятно... — протянул Федор Леонидович. — Но как избежать эксцессов?

— Никак. Они в любом случае будут. Надо быть готовыми морально и физически к этому. Без моего ведома не предпринимайте никаких важных шагов, потому что это аукнется всем. Я всем буду заниматься лично, — Илларион Романович окинул присутствующих внимательным взглядом. — С Киевом надо разговаривать с позиции силы.

— Да, Романыч, — поддержал Федор Леонидович. — Мы должны выстоять, другого выбора нет. Будем царапаться до конца.

— И я так подумал. Нам есть, что терять. И свалить нас не так-то просто, как они думают.

Ерофеев торопливо попрощался со всеми. Вместе с ним ушел и Федор Леонидович, в машину которого они сели. Илларион медленно провел рукой по седым волосам, вздохнул. Федор Леонидович сделал вид, что не заметил его усталого жеста. Водитель-телохранитель медленно покатил по широким улицам Донецка.

— После церкви направо поверни, — сказал ему Илларион Романович. И обратился к другу: — Ты детство вспоминаешь?

— Конечно. Сейчас все чаще, — отозвался Леонидович. — Родителей вспоминаю, как с ними было хорошо в детстве. И сердце так щемить начинает. Так тяжело становится. Время-то уже прошло...

— И как ты с этим справляешься?

— Переключаюсь на мысли о внуках. Сразу легче. Семья должна процветать.

— Семья... — протянул Илларион Романович, вспомив о своей жене и детях. —

Не всем повезло так, как тебе!

Ерофеев попросил водителя остановиться возле многоэтажки, окруженной небольшими домами. Он сказал, чтобы они ждали его здесь, а сам уверенными шагами ушел и затерялся в глубине строений.

Дух здешне сохранился тот же, что и пятьдесят лет назад. Да и облик родного двора практически не изменился. Видно, что дороги ремонтировали, но они снова износились. Видно, что люди стали чуть богаче жить, вставили пластиковые окна и отделали балконы. Для детишек места стало меньше из-за обилия машин, припаркованных то на площадке, то на газоне, то еще где. Но воздух... Он пьянил. И Ерофеев почувствовал себя снова мальчишкой, счастливым и непоседливым. И причудилось ему, что вся его жизнь еще впереди.

Удивительно подействовал на Иллариона Романовича родной двор. Он отогнал сомнения и укрепил в решении, что нужно бороться. И он уже не сомневался. Ерофеев почувствовал себя обновленным, молодым, готовым сломать хребет любому, кто покусится на его добро.

Дорога в Киев показалась быстрой и даже приятной. Возвращаешься назад всегда почему-то быстрее. Он был готов бороться за свое место под солнцем, но не предполагал, с какими неприятностями столкнется. Но все это будет потом.

Сейчас, уже в своей киевской квартире, он набрал набивший оскомину номер, выученный наизусть.

— Алло, Вика. Привет. Очень хочу тебя видеть, приезжай немедленно. Папочка соскучился.

От любительницы красивой жизни не последовало ни одного возражения. Ее достоинство... Собственно, его никогда и не было. Через полчаса они кувыркались в постели, Илларион Романович проявлял юношескую прыть, а красавица выполняла все его прихоти. И вроде все было как всегда.

* * *

Внешность его не особо располагала. Нельзя сказать, что он был симпатичным или хотя бы приятным. Черты лица — острые и резкие. Он походил на какого-то грызуна, людей это отталкивало на подсознательном уровне. Спина сутулая, телосложение худощавое. Единственное, что в нем могло привлечь внимание, — это голос, совершенно не соответствовавший внешности. С таким голосом можно было работать диктором на радио или заниматься озвучкой фильмов. Чистый, спокойный и бодрящий, как холодная вода поутру. Поэтому его всегда слушали в компаниях, хотя рубахой-парнем он не был. Но голос его имел магические свойства; как только он начинал говорить, внимание друзей поневоле оказывалось у него в кармане. Он словно гипнотизировал. Сквозь веселый шум его слова без препятствий проникали прямо в мозг.

Что сказать о его характере? Очень замкнутый, осторожный и недоверчивый. При этом имел силу, но не пользовался ею. Его никогда никто не трогал в школе, хотя был он щуплым. Какое-то неосознанное уважение вызывал он у старшеклассников. При этом почти никогда не дрался. В нем был потенциал директора фирмы, но он всю свою недолгую пока карьеру работал лишь разнорабочим у себя в станции Мироновской. Вот так в нескольких словах можно описать Егора Медянова, простого двадцатипятилетнего парня из Луганской глубинки.

Сейчас он был далеко от дома, в стольном украинском граде искал место, где можно заработать. Но ничего не клеилось. Отгремел Евромайдан и кругом была разруха. Не столько территорий, сколько умов людских и жизней. Очень не повезло Егору. Приехал, чтобы попытать счастья, а тут этот Майдан, свержение власти, убийства, выстрелы, разбои. Все не в руку. Он чувствовал себя самым большим неудачником. Приехал в Киев как раз под Новый год, и тут понеслось. Небольшая накопленная сумма уже почти закончилась, а работы не было даже на горизонте. Он бродил по темным и холодным улочкам, размышляя над своими дальнейшими действиями. И ничего лучшего, чем вернуться домой, он не мог придумать.

«Дома одинокая мама, ей надо помогать. И так уже несколько месяцев не видел ее», — размышлял Медянов. Свою маму Егор считал лучшим другом. Без нее ему было бы невероятно одиноко и тоскливо.

А еще дома его ждала Вероника. Ждала Егора с хорошими новостями и хорошими с деньгами. Но ни того, ни другого не было. В затруднительное положение попал Медянов. Он не знал, что делать. Разве он виноват в том, что сейчас никто не берет на работу? Разве он устроил этот переворот? Нет, ему всего лишь не повезло, не угадал со временем. Что он мог с этим поделаться? Была ли здесь его вина? Однако Ника все повернет именно так. От этого на душе становилось противно, ведь она его не поймет, не простит и не поддержит. Многие думают, что основной стартовый капитал — это деньги. Нет, друзья мои, на самом деле это — вера. А в него она не верила. Из-за этого он и сам в себе разуверился и разочаровался.

«Почему мне так не везет? — думал Егор. — Неужели назад придется возвращаться с пустыми руками? Даже с убытками. Все деньги, накопленные за последние годы, сожрала столица. Как жить-то?»

Он сидел во дворах на окраине города. Темень, холодно, грязь, ветер и противная слякоть. Никого не было, даже свет в окнах домов почти не горел. Вдруг появился, пошатываясь, какой-то мужчина, несколько раз споткнулся и рухнул в грязный снег. Начал что-то нечленораздельно, но громко говорить, ругаться. Он барахтался, пытаясь подняться, только ничего не получалось. У Медянова закралась нехорошая мыслишка. Егор быстро, но внимательно огляделся по сторонам. Убедившись, что никого поблизости нет, он поглубже укутался в куртку, ссутулится и медленной походкой направился к пьяному. Егор сделал вид, что проходит мимо, как вдруг с размаху ударил мужика ногой. Тот перевернулся на спину, попытался что-то сказать, но получил удар ботинком в лицо и затих. Медянов разглядел, что одет мужчина довольно прилично. Он пошарил по карманам пьянчуги, нашел два телефона, один из которых был явно дорогой, и портмоне. Из кошелька приветливо улыбалась пара тысяч гривен. Для Егора это были хорошие деньги. И вдруг в голове как вспышка...

Он возле церкви. Вокруг горят факелы, молодые парни в балаклавах, с цепями и битами окружили храм. У некоторых красно-черная символика. Они выкрикивают ругательства. «Прочь с нашей земли, русские оккупанты! Нам не нужны ваши церкви! Прочь! Мы их уничтожим!» — летят слова из их глоток. Настроена толпа более чем агрессивно. Все понимают, что трагедии не избежать. Сотни человек стоят возле храма. Вскоре он вспыхнет и будет гореть. А внутри — люди! Простые прихожане, пришедшие помолиться и поставить свечку, священнослужители, ключницы... Они в ловушке. На мороз в одной рясе выходит настоятель храма. У батюшки большой крест на груди, уверенный взгляд. Он молча смотрит вокруг и, перекрестившись, возвращается в храм. Вслед ему летят камни, кто-то кинул несколько факелов. Вдруг дверь храма снова открывается и начинают выходить люди, в основном женщины, с батюшкой во главе. Они полукольцом безмолвно становятся вокруг храма. Егор, стоявший чуть поодаль, неожиданно для самого себя, повинувшись какому-то необъяснимому порыву, бросается к прихожанам и становится с ними в один ряд. В этот момент они берутся за руки и несколько женщин начинают благоговейно петь молитвы. А камни и ругательства все летят. И все же в тот вечер ничего плохого не случилось. Митингующие в итоге разошлись. Церковь отделалась несколькими разбитыми стеклами.

— Господи, что же я делаю?.. — вслух сказал Егор, вернул мужику награбленное и бросился бежать.

...Поезд привычно шумел. Народ развлекался как мог: одни разгадывали кроссворды, другие выпивали, третьи пытались познакомиться с молодой проводницей. Обычная жизнь любого поезда на территории бывшего СССР. У Егора были

противоречивые чувства — радость от возвращения домой после нескольких месяцев вынужденного одиночества и тревога от предстоящего очередного разочарования Ники. Вероника наконец утвердился в своем мнении, что Егор — никто и не способен ничего добиться.

Через час его остановка — Станица Мироновская. Егор редко уезжал из дома, но всегда с удовольствием возвращался. Поезд сбавлял обороты, колеса крутились все медленнее. Маленькая полузаброшенная железнодорожная станция приветливо встретила его родными, хорошо знакомыми местами.

— О, Медный! — окликнули его. — Ты что ли? Давно тебя не видно было... Где пропадал?

К нему подошла небольшая компания, с пивом и сигаретами. Подростки кутались в старые куртки, шмыгали носами и терли замерзающие руки.

— Да в Киев ездил.

— А, точно. Кто-то говорил. Ну и что там, в столице-то?

— Да ничего, беспредел сплошной. Майдан очередной. В этот раз они таки скинули власть.

— Уроды. Слышал, в Крыму уже вежливые человечки. Скоро там референдум проведут о присоединении к России.

— Нет, я как-то пропустил это.

— Да весь юго-восток гудит. В Луганске недавно стрельба была, разборки. Харьков бунтует, Донецк, Одесса.

— Судя по всему, не утихнет скоро, — резюмировал Егор.

— Медный, давай бухнем. Деньги-то есть?

Выпить ему сейчас не помешало бы. Не хотелось ни домой к матери, ни к Нике. Но и денег не было.

— Я с дороги, устал. Потом как-нибудь.

— Ну смотри сам, как знаешь.

— Вы это, Нику мою не видели? — зачем-то спросил Егор.

— Да нет, она же не выходит. Холода, а у нее уже пузо какое!

Медянов махнул рукой и побрел к дому. Уже вечерело. Темный дым густо валит из труб. В домах станицы Мироновской включали свет. Где-то еще весели новогодние гирлянды, возле некоторых дворов стояли украшенные елки. Но это только усугубляло убогий вид поселка. Вот появятся свежие листья, раскроются цветы, разыграются птицы, тогда и воздуха будет не такой заметной.

Он дошел до своего тупичка. Улица, на которой жил Медянов, заканчивалась высоким кирпичным забором, за ним умирали пустующие цеха небольшого завода, который раньше кормил всю станицу. После развала Советского Союза завод пришел в упадок и через несколько лет закрылся. Но даже после этого предприятие продолжало какое-то время кормить здешний люд своим металлоломом. «Медный» тоже лазил туда с друзьями и забирал все, что плохо лежит.

Мать уже спала, окна не горели. Он присел на лавочку за двором и закурил. Облокотился на холодный шифер и посмотрел на красный кирпичный забор в тупике, его еще можно было разглядеть. Егор размышлял, почему все пришло в запустение, кто виноват в этом. Распавшееся государство или распадающиеся люди? Вот и сейчас Украина рушится. А может быть нет? Может, мы слишком пессимистичны?

«В чем смысл этих твоих рассуждений, ведь ты все равно ни на что повлиять на самом деле не способен... — вздохнул Медянов. — Это действительно так. Ведь ты неудачник. Тебе осталось только смотреть истории успешных людей по телевизору. Я, кстати, запомнил: я тебе уже говорил, что ты неудачник? Да? Хорошо. Запомни это на всю жизнь!»

У Егора были ключи от дома, но он предварительно сильно постучал в окно. Зайди он в дом без стука, сонная мама могла бы просто испугаться.

Услышал, что в доме начали ходить, в дальней комнате зажегся свет. Открыл калитку и вошел в небольшой дворик, поднялся по хлипким деревянным ступеням, споткнувшись, и вошел в сени. Мама уже выглянула к нему навстречу.

— Привет, мамочка. Ну чего ты плачешь? Хлебом тебя не корми, дай поплакать.

— Сынок. Да ты с того Киева проклятого вернулся?! Знал бы ты, как я переживала.

— Ну с Киева. Не с войны же.

А сам снова вспомнил про оборону церкви, про живую цепь, защищавшую храм от националистов.

— Да нам тут показывали, что творилось у вас там. Как я переживала...

— Мамуль, ну что ты, в самом деле. Это все только в центре было. Я этого Майдана и не видел толком. Раз только прогулялся на Площадь Независимости.

— Ну главное, что живой. Ты кушать хочешь?

— Да утром уже. Устал я что-то с дороги.

Нормально поспать не получилось. Он то проваливался в сон, то снова накатывали переживания и мысли о дне завтрашнем. Все сходилось в одной точке — Вероника. Не повезло ему. Не всегда получается, как хочется и мечтается. Впереди предстояла встреча с главной девушкой его жизни. Не было никого до нее, не будет после. Она единственная. А он ее разочарует. И снова упреки: «Ты не мужик. Вон на других посмотри. У всех машины, дома, работа в Европе. А ты — нищерброд». Вот такие тупики почему-то постоянно образуются в его жизни, думал Егор. И кто так криво строит дороги судеб, что они постоянно приводят в тупик? Взять бы базуку и разнести его!

Пасмурное утро давило на голову. Вставать не хотелось. Мать Ульяна, которую все называли Уля, пришла в комнату, и они долго говорили. Он позавтракал свежее испеченными пирожками, запив их компотом. На улицу не хотелось. Казалось, что прямо за дверьми стоит Ника и ждет его, а в руках у нее древнегреческий пергамент с сакральными претензиями, написанными еще во времена сотворения мира. Он побродил по дому, пытаясь найти себе применение. Сел у окна и смотрел на капающий дождик. Не хотелось ничего.

Ощущение ненужности заполонило его. «Вот говорят, что нужно ценить каждый день, использовать каждую свою минуту, чтобы она не пропала даром. Помоему, это бред. Я, наоборот, хотел бы промотать несколько лет, как на кассете. Несколько неприятных лет», — думал Егор. Однако сам он не мог ответить на один простой вопрос: какие годы надо промотать, предыдущие или последующие?

Выйдя покурить за двор, он встретил Андрюху Шишкова, который жил у самого кирпичного забора. Оба учились в разных классах, Андрей был на пару лет старше, но это не мешало им дружить. После того как Шишков окончил школу и уехал учиться в Луганск, они редко общались, виделись всего пару раз.

Егор обрадованно улыбнулся, увидев старого друга. Хоть какие-то положительные эмоции! Андрюха сначала не поверил своим глазам.

— Медный, ты что ли? — наигранно выпучил глаза.

— Ну а кто еще?

Андрей подбежал к нему, подхватил.

— Старик, сколько я тебя не видел, а? Года три уже! — с широкого лица Шишкова не сползала улыбка. — Как поживаешь, брат? — тоже достал сигарету.

— Да... Могло быть и лучше. Только из Киева вернулся. Но ни копейки там не заработал. Только потратил. Короче, не буду тебя грузить. А так нормально все. Все как всегда, Андрюха!

— Ты все так же с Никой встречаешься?

— Если это можно назвать отношениями вообще. Она ждет ребенка, а у меня денег нет. То есть, то совсем нет. Вот, плодим нищету.

— Да не вешай нос. Ты знаешь, жизнь — это синусоида...

— Мы что, на уроке геометрии?

— Э-э-э, жизнь — это волна, Медный. Иногда ты на ее гребне, иногда она тебя сбивает с ног. В общем, ты либо на коне, либо под конем.

— Да понял я твои аналогии. Только что-то я белых полос сосчитать на своем пути не могу, — съязвил Егор.

— Так, брат, что-то не нравится мне все это. Хватит хандрить. Бери ноги в руки — и вперед!

— И в тупик, — Медянов махнул рукой на кирпичный забор.

— Веришь, что в этой жизни не бывает совпадений?

— Не верю.

— Правильно я понял, что ты без работы сидишь, так?

— В точку.

— Смотри, я могу тебя пристроить в автосервис. Правда, он находится в Ленинске.

— И как ты меня устроишь туда?

— Я тебя найму. Я совладелец бизнеса.

Егор, сам того не заметив, повеселел.

— Какие люди... так ты бизнесмен теперь? — без тени иронии сказал он.

— Ну а ты как думал? Все наладится, братишка. Но учти: мне такие унылые рожи, как у тебя была только что, не нужны, — засмеялся Андрюха. — Придется ездить, конечно, в Ленинск, но что уж поделать, все равно город близко. Не в станице же торчать. Тут вообще делать нечего.

— Ты все это серьезно? Реально возьмешь меня на работу?

— Я бы такими вещами не шутил. Ты же мой друг, хоть не виделся много лет. Но я помогу всегда, если в силах. Поэтому приезжай завтра в автосервис, там поговорим о делах. Кстати, да, телефон свой оставь.

Они постояли еще немного. У Медного появилась надежда: будет работа, будут и деньги, так что он сможет прокормить семью. Может действительно белая полоса началась? Стоило вернуться домой, как подвернулись новые возможности.

«Это очень хорошо, — думал Медянов. — Я смогу смягчить Нику. Может быть, она даже обрадуется». Он хотел верить, что дела пошли на лад.

Друзья крепко пожали друг другу руки, и Андрей пошел по своим делам. Случайностей не бывает, но Егор об этом не знал в тот пасмурный и холодный весенний день. Свежие запахи новой жизни, нового расцвета уже летали в воздухе. Природа готовилась к очередному буйству красок и запахов. К новому бою за свои отношения готовился и он, и ему верилось в лучшее.

Ближе к вечеру Егор снова вышел за двор взглянуть на станицу. Неспешно прогулялся по своей улице, свернул после этого направо, в сторону центра поселка, где находился неработающий дом культуры, магазины и бар. Рядом с центром жила и Вероника. Стены ее дома казались новыми и прочными, в отличие от покосившихся соседних домиков. Понятно было, что здесь живут люди не бедные и работающие. Новый кованный забор, пластиковые окна с жалюзи, большой гараж, рассчитанный на несколько машин. Хотя у отца Ники был только один старенький джип. Медянов выкурил сигарету, стоя напротив ее дома. Недалеко играла детвора, каталась на велосипедах, радовалась, предчувствуя скорое тепло. В доме зажегся свет, появились силуэты. Он узнал Нику по округлому животу. Решительно шагнул к воротам и позвонил. Вышла ее мать, тетя Зоя. Хмуро глянула на жениха, попросила подождать, в дом приглашать не стала. «Собак на порог не пускают», — весело хмыкнул Егор. У него было обоснованно хорошее настроение после встречи с другом. Минут через десять вышла Вероника. Сначала из-за ворот показался ее большой живот. «Богатырь будет», — улыбнулся будущий отец.

У нее были немного раскрасные глаза, которые делали ее похожей на азиатку, совсем чуть-чуть. Недлинные кудрявые волосы, вздернутый носик, тонкие розовые губы. Ника зачастую выказывала недовольство без слов, но ее настроение было понятно. Кислое выражение лица. Она могла одним своим присутствием испортить настроение. Она могла напугать и сделать безрадостной даже весну и грядущее тепло. Не Снежная Королева, но ее младшая сестра. Как судьба связала этих двух совершенно разных людей? Ведь не в беременности же дело.

— Вернулся-таки, нагулялся в Киеве? — она при помощи Егора тяжело села на лавку.

— Ну зачем ты так? Я скучал.

— Знаю я ваши скучания, до первой юбки.

— Да хватит уже. Как беременность?

— Нормально, солдат спит, служба идет, — усмехнулась Ника.

— Тебе когда рожать?

— Через три недели. Скоро уже.

— Не волнуйся, все пройдет хорошо.

— А что мне волноваться. Я-то рожу, а дальше что?

— Я работу нашел. В автосервисе. Представляешь, Андрюху Шишкова встретил, а у него свой бизнес...

— Андрюха-то молодец. Да и ты молодец, что нашел работу. Только поздно. Я много думала, у меня было на это время. Все равно у нас ничего не получится. Понимаешь, я не вижу нас вместе в будущем, — бесстрастно говорила Вероника. — Ты, конечно, вроде как отец ребенка. Видеться я не буду запрещать. Но мы не семья.

— Ника, послушай, мы ведь даже не пробовали... Ни дня вместе не жили, — начал нервничать Егор, пытался найти какие-то аргументы.

— Да мне легче и не начинать с тобой жить, понимаешь? Будем снимать свой угол? Я в декрете, а ты? Копейки будешь приносить? Это не то, о чем я мечтала. Мне легче со своими родителями остаться жить. А там, глядишь, какой-нибудь нормальный мужик с дитем и возьмет. Между нами давно все было кончено, просто мы этого не понимали. Я доверяла тебе, верила в то, что ты чего-то добьешься. Но ты неудачник. Прости, конечно. У меня будет ребенок, я должна думать о его будущем, если ты уж не думаешь о нашем.

— Да я думаю! Я все время ищу работу, чтобы заработать на кусок хлеба! В этот Киев поганый ездил.

— Видишь, ты даже в большом городе не смог устроиться. Вернулся ни с чем. Люди уезжают в столицы, возвращаются с большими деньгами. А ты... Что ребенку скажешь? Чему научишь? Что оставишь?

— Ты сама боишься менять свою жизнь. Ты чего достигла? — сказав это, Егор понял, что его понесло совершенно не туда.

— Я? Я хрупкая женщина. И именно я решила, что буду рожать, когда залетела. И это ты мне должен быть благодарен, что выносила твоего ребенка. Я вижу, что уважения между нами нет. С твоих слов это понятно.

— Вспомнить, сколько ты мне гадостей наговорила? — Медянов осознавал, что вся суeta последних лет сейчас провалится в тартарары. Нормальной семьи не будет. Не получилось.

— Послушай, у нас будет ребенок. Общий, — решила подытожить Вероника. — Давай сохраним крупницы того хорошего отношения друг к другу, что остались.

Егор в сердцах выругался, плюнул на ворота и ушел, даже не помог подняться беременной Нике. Удивительно, но, несмотря на все, ему стало немного легче. С него сняли ответственность. Последние месяцы, а то и годы, он делал то, что хотели от него окружающие. В частности, Вероника. И ничего из этого не получалось.

«Может заняться тем, что нужно мне?» — подумал он. Да, ребенка оставить решила именно она. У него же тогда вообще не было четкой позиции. Сам Егор вырос без отца и особо не жаловался. Но оставлять своего собственного ребенка без отца тоже не хотел. Он долго метался, пока Ника сама не приняла твердое решение.

Легче стало совсем на чуть-чуть. После этого накатило чувство потери. Сколько лет они пытались построить отношения. Десять или пятнадцать? Если брать за начало отсчета младшие классы, большая часть жизни была связана с этой девушкой. И вот она скоро станет матерью его ребенка, а... а они чужие люди. Всегда можно сказать, что, мол, девки нынче пошли корыстные и недостойные. Но он понимал, что именно на нем лежит большая вина за то, что у них ничего не вышло.

Медянов шел куда глаза глядят. Просто чтобы отвлечься. Подумать о хорошем. Например, как он на быстрой скорости едет на дорогой иномарке по ночному городу. Неосознанно он пришел к Мосту влюбленных. Да, такой мост есть даже в захолустной станице Мироновской. Тоненькая речушка задорно бежала, освободившись ото льда. По ней мелкими каплями бил холодный дождик. Металлический мост был скользкий, ржавый и неприветливый. Самое место для влюбленных. Здесь висели десятки замков с чужими именами, но где-то был свой, родной. Да вот он, с облезшей надписью «Егор и Ника вместе навсегда» и какой-то покоренный, точно его фомкой ломали. Сколько им было, когда они, целуясь томным вечером, повесили этот замок? Лет шестнадцать. «Господи, восемь лет назад!» — удивился Медянов. Он резко сошел с моста, нашел увесистый камень и, подойдя к замку, сбил его, бросил в реку. Прощай, любовь, здравствуй, взрослая жизнь. Егор положил руки на перила, уткнулся в них лицом. Он хотел заплакать, даже несколько всхлипов выдавил из себя. Но слезы не шли. «Может, я и не любил ее?.. — подумалось ему. — Или давно уже все перегорело...»

Надо было учиться жить без нее. Самое противное, что Нику все равно не вычеркнуть из жизни, ведь она родит его ребенка. Справится ли он с этим? Вдруг у них снова разгорятся чувства? У женщин так бывает. Наверняка после родов в ней что-то изменится, она станет мамой. Она станет мягче и добрей. «Поэтому нельзя ставить крест на этих отношениях. Все может быть впереди», — размышлял Егор, выйдя на окраину поселка и всматриваясь в серые поля. «Что сейчас главное? Показать, что я на что-то гожусь. Самому себе доказать. Андрюха на работу позвал. Вот завтра прямо с утра к нему и поеду, договоримся, начну работать. А там, глядишь, все наладится, если суждено».

«И всё буде добре у кожного з нас», — заиграла песня украинской группы у Егора в голове. Он улыбнулся, вдохнул свежий ветер и пошлепал домой, отряхивая с кроссовок комья грязи. Наверняка дома ждала мама, переживала, беспокоилась. Знала, что он ходил к Веронике. Егор спешил домой, чтобы поделиться с мамой своими планами.

* * *

Егор начал работать у Андрея в автосервисе. Он каждое утро рано вставал, чтобы успеть на автобус в Ленинск, который ходил раз в час. Быстро завтракал, целовал маму и, накинув легкую куртку и захватив рюкзак, мчал на остановку.

Работа была несложная, но довольно грязная. Медянов мыл машины, помогал механикам чинить поломанные автомобили, убирал небольшую территорию вокруг здания. Автосервис имел два этажа, на верхнем находился офис компании. Иногда Егор поднимался туда, чтобы попить кофе с Андреем.

— Ну как тебе работается? — спрашивал друг.

— Да нормально, грех жаловаться. При деле — и ужо хорошо.

— Отлично. Ты вникай во все, смотри, как дела делаются. У нас бизнес хорошо идет. Если так будет, то где-то через полгода мы хотим открыть еще один автосервис — в южной части города, на выезде. Понадобится помощник. А толковых людей, которым я мог бы доверять и на которых можно положиться, мало. Поэтому имей в виду. На повышение пойдешь!.. — по-доброму усмехнулся Андруха.

— Да у меня же и образования нормального нет. Я не знаю, что там делать.

— Твоя главная обязанность будет организовывать работу, следить за людьми и решать текущие вопросы с клиентами. На самом деле, ничего сложного. Как там с Никой?

Любое упоминание Вероники для Егора было болезненным. И не столько из-за нее самой, сколько из-за ребенка, который вот-вот должен был родиться. У него в душе был полный раздрай. В своих мечтах он видел себя примерным отцом и семьянином, а в жизни все получалось совсем не так.

— Никак.

По внешней лестнице они спустились на первый этаж. На улице пели весенние птицы, их голоса отзывались в душе детскими воспоминаниями и верой в успех. Апрель вступал в свои законные права, одаривая теплом. Светло-зеленые маленькие листочки на деревьях украшали город, делали Ленинск нарядным и молодым.

— Сокол, скажи мне, мужик на БМВ приезжал? — крикнул Андруха одному из рабочих.

— Да, приезжал, — отозвался тот из-под машины. Говорят, руки у Сокола были золотые, он мог починить практически все, даже танк на постаменте заставил бы помчаться в бой.

— Ты все сделал?

— Да, все!

— Ладно, я поехал, — обратился Шишков к Егору. — Знаешь что? Давай на выходных встретимся, посидим, выпьем пива?

— Я не против, — отозвался Егор.

Они пожали руки, и Андрей направился к своей «Мазде».

Из-под машины вылез Сокол — Владимир Соколов. Он поднялся и взглянул на Егора. Тот заметил взгляд и махнул головой, мол, чего смотришь?

— А вы с шефом дружбань? — спросил механик.

— Вроде того. Мы вместе в школе учились, — ответил Егор. — Давно не виделись. А тут встретились, он работу предложил. А что?

— Да не, ничего. Нормальный он мужик, — Сокол подошел к заваленному хламом длинному столу и грязными руками взял из пачки сигарету. Отошел ближе к входу и закурил. — Я до этого в другом месте работал, в Лисичанске. Начальник у меня был — гнида редкая. Я даже не говорю про то, что зарплату постоянно задерживал. Вел себя с рабочими как скотина. А этот, я смотрю, нормальный.

Егор кивнул в подтверждение. «Что он от меня хочет?» — пытался понять Медянов.

Бренчало радио, музыка вдруг прекратилась и ведущий начал рассказывать о новостях. На Донбассе набирало силу народное недовольство, во многих городах люди выходили на митинги, требуя от киевских властей справедливой политики в отношении русскоязычного населения.

— Вот уроды, — зло сказал Сокол.

— Кто уроды? — не понял Егор.

— Да эти киевские барыги. Продажные бизнесмены, американские агенты. Тыфу, тошно смотреть на все, что там происходит.

— А-а-а-а, да, — отозвался Медянов. — Да был я в Киеве...

Он заметил, как Соколов напрягся и резко встало повернулся к нему, поддался чуть вперед для «доверительного разговора» по душам, по-мужски. Его ладонь начала сжиматься в кулак.

— Ты че, за этих скакал? — не понял механик.

Егор рассмеялся:

— Да нет, конечно. На заработки ездил, но так ничего и не заработал.

Ответ не убедил Владимира Соколова, он оставался напряжен. Видя, что атмосфера накалилась, Егор решил рассказать историю про церковь, которую чуть не сожгли радикалы в Киеве. Владимир слушал внимательно, а потом внезапно пожал руку Медянову.

— Ну ты, брат, даешь! — восхитился он. — Не каждый бы вписался. Видел я по новостям этот сюжет. Удивительно, что ты там был. Непростое время наступает, — тяжело сказал Сокол. После рассказанной истории напряжение спало и разом установились доверительные отношения.

— Думаешь?

— А что тут думать? Тут готовиться надо...

— К чему? — не понял Егор.

— Заговорился я что-то с тобой. Меня машина вон ждет, — достаточно грубо буркнул Владимир, но напоследок дружески хлопнул Егора по плечу.

* * *

Андрей и Егор сидели в пабе в центре города. Они уже опрокинули пару кружек пива. Разговоры становились все более откровенными.

— Не знаю я, что мне делать, — театрально схватился за голову Егор. — Надо было родиться сыном миллионера.

— Надо было родиться нормальным человеком. И у тебя это получилось! — попытался сгладить Шишков.

— Да нормальных людей бесплатно не кормят, деньги не дают. Не ровня я, видите ли, ей. Семья у них зажиточная, богатая, обеспеченная. А я нищерброд. Да и хрен с ними! Уродами. Что мне с ребенком делать? Я не хочу, чтобы Вероника растила моего ребенка одна или с чужим мужиком. Я не могу оставить их, понимаешь, Андрюха? Но у меня нет абсолютно никаких вариантов! Я не знаю, как переломить ситуацию в свою пользу. Даже если бы я выиграл миллион гривен в лотерею, думаешь, она бы вернулась? Нет! И что делать, я даже не представляю. Я ночами не сплю, пытаюсь решить уравнение. И ничего на ум не приходит!

— Молодые люди, не могли бы вы потише? — обратилась официантка.

Егор зло глянул сквозь нее.

— Пошла прочь...

— Да, конечно, извините, — ответил Андрей.

— Вот так, короче. Ты-то жениться не надумал?

— Жениться? Не, не хочу. Со своей-то мы вместе живем, а официально расписываться не хочу пока. Я в ней еще не уверен. Хочу сначала жилье себе купить, бизнес развить. А там посмотрим. А то отберет еще все, что я нажил.

— Хитрые нынче они, — усмехнулся Егор. — Все с выгодой для себя. Да только разве в этом дело? Дело-то в людях, в человеческом отношении. А эти девки все только о деньгах парятся.

— Медный, а куда без них? Не мы придумали их, не нам и менять эту систему. Егорка, забудь обо всем этом. О Нике, о ее родителях, о ребенке. Не говорю, что навсегда. Хотя бы сейчас перестань о них думать.

— В том-то и дело, что не могу я забыть о ребенке. Даже на минуту. Да и о Нике. Я сам без отца рос, у меня не было примера. Я не имею права бросить свое дитя,

понимаешь? И придумать ничего не могу, чтобы все вернуть в нормальное русло. Ты сейчас смотришь на самого большого неудачника. Можешь всем обо мне рассказывать, я не обижусь.

Андрей рассмеялся:

— Егорка, что ты несешь? Ты не знаешь еще, какие бывают у людей проблемы. Прорвемся как сперматозоиды через презерватив! — фраза прозвучала словно тост.

Медянов от смеха поперхнулся пивом.

Друзья вышли проветриться. Весенняя прохлада пахнула в лицо, приведя немного в чувство. На улице оказалась шумно — рядом, в двух шагах от мэрии, проходил митинг. Несколько сотен людей пришли сюда высказать свое недовольство новой киевской властью.

— Пойдем посмотрим! — толкнул Егор товарища.

Они влились в толпу, подошли ближе ко входу в мэрию. Там стояло несколько десятков милиционеров, загородивших путь в здание. Люди требовали нового главу Ленинска, который был назначен новым губернатором Луганской области. Последнего в свою очередь на днях назначили новые украинские власти. Руководство менялось во всех городах и районах, в Луганске в связи с этим проходили масштабные митинги. Ленинск был одним из городов области, в которых протестное движение было особенно сильно.

— Пусть выйдет к народу! — кричали люди, желая увидеть мэра.

— Бандеровец! Пусть выходит! Пусть расскажет нам, кто он.

Люди опасались, что те, кто учинил беспредел в Киеве, придут сюда и установят здесь свои законы. Многие не подозревали, что члены «Правот сектора» уже действовали на территории региона. Однако действовали осторожно и не так открыто, как на западной и центральной Украине, где они захватывали администрации, вооружались и грозились пойти походом на юго-восток.

Егор всматривался в лица, в каждого, кто стоял рядом, кто что-то кричал или держал в руках казачий флаг. Вдруг он заметил знакомое лицо и начал пробираться к нему сквозь толпу. Андрей пристроился за ним.

— Сокол! Ты-то чего тут делаешь?! — выкрикнул Егор.

Владимир Соколов стоял в военной форме, на груди у него было две медали. Медянов мельком взглянул на них, но не разглядел, что это за награды. Володя повернул голову, улыбнулся.

— А, мужики, здорово! Да вот вышли требовать главу города. Надо тут вопросы уточнить, куда двинемся, так сказать.

Только сейчас Егор заметил, что рядом с Соколовым стоит еще десяток людей в военной форме — афганцы и десантники. За ними, в другом конце толпы была группа казаков, бородатых, здоровых, с нагайками.

— А мы вышли из бара. Слышим шум, а драки нет, — усмехнулся Медянов.

— Ничего, брат, драка еще будет.

Егор был немного навеселе, поэтому не воспринял слова Владимира всерьез. И очень зря. Спустя годы Егор понял, что именно этот день стал решающим в его судьбе. После него не было возврата...

Митинг длился долго, расخодиться никто не собирался. Мужики были настроены на серьезный разговор. Егор с Андреем отошли покурить к лавочке в центре небольшого сквера, который располагался чуть поодаль от мэрии. В этот момент в другом краю толпы начался сильный шум и послышались женские крики.

— Ироды, вы что же творите!

Началось что-то непонятное. Егор запрыгнул на лавку и растерялся: с другой стороны митинга появились силовики и начали дубинками бить всех, кто попался им на пути. Они явно шли по направлению ко входу в мэрию.

Егор нахмурился. Даже после беспокойного Киева ему эта картина показалась

жесточкой и несправедливой. Он взглянул на Андрия и кивнул ему в сторону входа в администрацию города. Они ринулись туда. Расталкивая толпу, друзья снова оказались рядом с Соколовым и его товарищами. Егор сначала думал, что мужики сейчас кинутся в бессмысленную драку с силовиками. Но он ошибся. Десантники и казаки выстроились в цепь и продвигались так, чтобы стать между жителями и милицией, чтобы защитить горожан от дубинок. Сами при этом неслабо получали. Егор и Андрей присоединились к этой цепи, плотно стали с незнакомыми мужиками плечом к плечу.

— Вы что творите? Вы своих бьете! Суки продажные! — кричали казаки и афганцы, отмахиваясь от ударов.

— Медный! Помоги! — раздался рядом голос Соколова.

Егор повернулся и увидел, как Владимир держит под руки здорового мужика, который едва стоит на ногах. Темные волосы его слиплись от крови. Медянов сначала не поверил в увиденное, ему показалось, что это спектакль. Глаза незнакомца были закрыты.

— Надо перевязать его. Хватай, оттащим его отсюда.

Взяв под левую руку мужчину, Егор вместе с Владимиром повели его в сторону, подальше от силовиков. Много людей пострадало. Среди избитых были и женщины. Приехали медики, которые оказали первую помощь и забрали некоторых, пострадавших сильнее остальных.

— Его бы тоже в больницу, — сказал Егор, когда они усадили мужика на лавку.

— Нельзя. Его там найдут. А через него и нас всех.

Подсел Андрия, оценил ситуацию.

— Давайте его ко мне в автосервис.

Они вызвали такси и прождали совсем немного. Однако таксист не спешил везти раненого.

— Да он мне весь салон испачкает.

Сокол был раздражителен. Все произошедшее у мэрии вывело его из себя. Все пошло не по плану.

— Дружище, — сказал он очень зло, — я тебя дважды просить не собираюсь.

Таксист хотел еще поспорить, чтобы набить цену, но потом решил, что выйдет себе дороже.

По дороге они видели не только машины скорой помощи, но и автозаки, милицмейские патрули. Власти усиливали центр города.

— А ведь могли просто поговорить, — произнес в пустоту Соколов.

Доехали быстро. Подняли мужика на второй этаж и уложили на диван.

Расплачиваясь с таксистом, Владимир сказал:

— Кому-то сболтнешь... я твой номер запомнил.

Водитель забрал деньги, показал ему средний палец и удрал.

Наверху Андрей уже перевязал голову избитому. Тот лежал с закрытыми глазами и, казалось, спал.

Троица вышла покурить.

— Это Боря, мой товарищ, — глубоко затянувшись сказал Соколов. — Мы с ним в Югославии были. Не мог я его бросить. Мне надо было там оставаться, а тут Боря под раздачу попал. Да как саданули сильно, скоты.

— Что теперь дальше будет? — спросил Егор.

— Да хрен его знает. Разгонят всех и вывешят флаги «Правого сектора», — смеялся Андрей.

— Не вывешят, — уверенно сказал Сокол. И достал из-за пояса пистолет Макарова. — Мы же по-хорошему хотели. Поговорить. А они не захотели даже выйти. Сразу ментов на нас кинули. Это их большая ошибка. Теперь разговор будет другой. У нас, мужики, боевое оружие есть.

Андрюха растерялся и как-то по-детски произнес:

— И что, война будет?

— Война против русских уже давно идет. Даже раньше Майдана, — ответил Соколов. — Надо делать выбор: либо Россия, либо Запад. Для меня ответ очевиден. У меня с американцами старые счеты, еще с Югославии, с развала Советского Союза.

Егор вдумчиво слушал, ловил носом весенние запахи, приносимые ветерком. Он отчетливо понял, что стоит на краю неизвестности. И ему очень захотелось жить.

— Сокол, я с тобой, — тем не менее, произнес Медянов. — После Киева... я там насмотрелся на этот бред. Надо помешать им устроить здесь то же самое.

— Егорка, — пристально взглянул на него Владимир. — Киев — это лишь начало. Скоро здесь будет намного хуже.

— И? Я уже сказал. И слов своих назад не беру.

— Может, еще наладится? — голос Андрея прозвучал глухо.

— Будем надеяться, — ухмыльнулся Владимир. — Но готовиться надо к худшему. Сейчас по всему городу и району пойдут облавы.

— Здесь мы будем в безопасности, — уверенно отозвался Андрей. — Я своих на улицу никогда не выгоню.

— Ты рискуешь, — сказал Егор. — Ладно — мы. Нам терять особо нечего. Но у тебя бизнес.

— Когда все летит в пропасть, о каком бизнесе может идти речь? Но надо быть осторожными.

— Ничего, мужики, у меня есть на этот случай план, — заявил Соколов. — У вас есть надежные друзья? Одноклассники, сослуживцы?

— Да не служившие мы, — отозвался Егор. — Но созвать пацанов можно.

— Медный, только запомни одно: среди них может быть крыса. Среди нас может быть крыса. Помни это всегда. И будь осторожен. Никогда не говори больше, чем необходимо.

Помолчав, Владимир деловито добавил:

— Надо поднимать народ на протест. Ждать дальше — контрпродуктивно.

Друзья кое-как переночевали в автосервисе. Егору не спалось. Борис тяжело и громко сопел, но Медянову не это мешало. События разворачивались стремительно, и Егор перестал чувствовать себя самим собой, будто со стороны все наблюдал. Он открыл глаза и долго всматривался в темноту. Тоскливо как-то стало. Одно слово — «тоска», — но насколько оно всеобъемлющее... Во вселенной непременно есть место и для любви, и для радости, для счастья. Но в каких ее неведомых уголках они прячутся?

Утро говорило о том, что надо работать. Но мысли парней были заняты совсем другими вопросами. Они стояли и курили. Со второго этажа, держась за поручни, спустился Боря, поблагодарил за помощь и отправился по своим делам.

Соколов, понятное дело, к началу рабочего дня не появился. Егор тоже скукал — никто в этот день мыть машину почему-то не хотел. Один Андрей занимался делами у себя в кабинете.

Егору не сиделось на месте, он постоянно двигался, ходил вокруг автомойки. Отогнал собак, пнул камень и пошатал поручень. Потом присел на ступеньки и закурил.

Ближе к обеду приехал Соколов с двумя мужиками. Из автомобиля, который принадлежал одному из незнакомцев, они достали несколько сумок и понесли их наверх. Егор отправился за ними. Все разместились в кабинете Андрея, который отложил все другие дела. Приезжих звали Семен и Армен. Они были людьми проверенными.

— Значит, так, — заговорил Соколов. — За это время мне удалось многое узнать. Самое первое — по поводу вчерашнего разгона. Менты были не наши, их привезли откуда-то с Винницы. Власти посчитали, что местные откажутся устраивать такое побоище. У меня есть знакомые среди наших силовиков. Многие готовы поддержать нас. Не буду посвящать во все детали, это лишнее. Скажу лишь одно — мешать нам не станут. Это первое. Теперь второе. Нужно брать администрацию. Срочно. Немедленно. Надо устанавливать свою власть. В Луганске и Донецке сейчас то же самое происходит. Наша главная задача — взять мэрию, объявить о поддержке курса на самоопределение и потребовать вывода с нашей территории украинских войск и Национальной гвардии.

Владимир взял одну из сумок и поставил ее на стол.

— И третье. Надо вооружаться. Оружия у нас недостаточно.

Он расстегнул сумку. Внутри лежало несколько автоматов Калашникова, пистолеты и боеприпасы.

— Берите, мужики. Оружие применять только в случае прямой угрозы для жизни. Мы должны избежать стрельбы во время штурма мэрии. Но в крайнем случае... Мне пообещали, что все пройдет тихо.

— Сокол, — подал голос Егор. — Ты сам вчера говорил... Может, это ловушка? Может, они просто хотят одним ударом зачистить самых недовольных. После этого народ разбредется...

— Светлая твоя голова, Медный. Что делать? Тут без риска никуда. Вечером мы будем либо в мэрии города, либо в застенках СБУ.

— Может, лучше оружие не брать? — предложил Андрей.

— Я думал об этом. Менты нам больше не помешают. Но могут приехать киевские нацики. А те с тобой разговаривать не будут.

— Я вообще не очень знаю, как стрелять, — отозвался Егор.

— Ничего, научишься, — уверенно заявил Соколов. — Сейчас это больше для устрашения. В общем, так. Через два часа народ выйдет на митинг. Не опаздывайте. Будем творить историю.

Владимир, Семен и Армен ушли, оставив друзей вдвоем. При этом сумка с оружием так и продолжала лежать на столе.

— Надо куда-то ее убрать, — сказал Андрей. Но прежде он достал АК-47 и начал рассматривать. — Впервые оружие в руках держу.

— Да, — откликнулся Егор, разглядывая пистолет и патроны. — Дела... Я до сих пор не до конца верю в происходящее. Все слишком быстро происходит. Жизнь на глазах меняется. И не в лучшую сторону, — он пристально глянул на оружие.

— «Чует мое сердце, мы на пороге грандиозного шухера!» — рассмеялся Андрей, пытаясь разрядить обстановку. — Я верю, что все будет нормально.

* * *

Возле мэрии собрались сотни людей. Они кричали и выдвигали требования, и хотя все вели себя не агрессивно, но обостренное недовольство чувствовалось. Вчерашний разгон митинга вызвал у горожан не страх, а возмущение. Так что этот стал массовым. Приехали люди из соседних поселков и сел.

Спустя час Сокол повел большую группу людей, среди которых были Егор и Андрей, прямоком в здание мэрии. На входе стояло оцепление, но оно состояло из местных, поэтому они расступились и без стычек пропустили группу Владимира Соколова. Для многих митингующих и сотрудников городской администрации это было совершенной неожиданностью. Они не понимали, что произошло. Большая часть подумала, что это группа переговорщиков отправилась донести свои требования назначенному Киевом мэру. Люди даже немного затихли, ожидая, что же будет дальше.

...Мало кто знал, что милиционеры из Винницы сейчас были заперты в одном из общежитий МВД. Их охраняли местные правоохранители, следили, чтобы те не вышли. Приказ отдал лично начальник милиции города Роман Овчаренко...

Дальше произошло то, что вызвало ликование митингующих. Окно второго этажа открылось, и оттуда показался российский флаг. Площадь перед мэрией в одну секунду наполнилась криками радости. Из соседних окон появились флаги ВДВ и Всевеликого войска Донского.

Через полчаса из здания вышел Сокол с несколькими людьми. В руках у Владимира был мегафон. Он волновался. Егор, стоявший рядом, это заметил. Но в то же время от него шла уверенность и сила.

— Меня зовут Владимир Соколов, — громко сказал мужчина в защитном камуфляже и с двумя медалями на груди. Люди затихли, слушая каждое слово. — Я официально объявляю, что власть в Ленинске отныне и навсегда принадлежит народу!

При этих словах горожане одобрительно загудели.

— Город переходит под защиту народного ополчения. Я призываю всех мужчин, которые могут держать оружие, вступить в наши ряды, чтобы защитить свои дома. Прежде всего, это касается профессионалов.

Владимир впервые выступал перед сотнями людей. Он напряженно всматривался в их лица и находил в них одобрение. Это придавало уверенности.

— Мы присоединяемся к требованиям Луганска и Донецка, обращенным к киевской власти. Требуем автономии! Сегодня мы подготовим официальное заявление по этому поводу и опубликуем его. Ленинск — вместе с Донбассом!

— Да! — раздались крики из толпы.

Милиция стояла рядом и не препятствовала Соколову. Люди кричали: «Милиция с народом!» Через время силовики покинули площадь.

— Победа будет за нами! — подытожил Владимир и, выключив мегафон, развернулся и направился назад в мэрию. Рядом с ним были Армен и Егор.

* * *

— Сделай чаю, родная. Да не дрожи, все хорошо, — успокаивал Андрей секретаршу. — Мы свои. Думаешь, обидим тебя? Глупости. Никто тебя не тронет. Ну, давай. А то в горле пересохло и зябко что-то у вас в администрации.

Девушка, пытаясь прийти в себя после того, как в здание ворвались неизвестные люди, некоторые с оружием, встала и сделала несколько шагов. Андрей вовремя подхватил ее, так как она, вероятно, потеряла сознание. Тихо выругался. Взял ее на руки и положил на стол. Ничего лучшего ему в голову не пришло. В этот момент в предбанник кабинета мэра вошел Сокол с мужиками. Он удивленно посмотрел на все это.

— Андрюха, что ты делаешь? Не время развлекаться!

Все засмеялись.

— Да ну вас, — отозвался парень. — Надо нашатырь найти. Перенервничала девчонка.

— Оно и немудрено, — согласился Егор.

В кабинете сидел мэр, поставленный Киевом. Рядом с ним стояли два человека. Автоматы висели у них на плечах. Градоначальник старался держаться спокойно, в целом у него это получалось.

— Ну что, пора в путь-дорогу, родной! — сказал Сокол, как только вошел. — Отправляйся к себе домой, в Киев. Или откуда ты там?

— Я из Чернигова... — зачем-то вставил тот.

— Ну вот, давай в Чернигов. К семье, к друзьям. Ты нам даром не нужен. Вали отсюда.

Мэр испытал облегчение и собирался уже уходить.

— Но сначала ты расскажешь всю информацию, которую знаешь, — остановил его Владимир.

— Да вы что, я обычный чиновник. Что я могу знать? Меня поставили сюда, а я месяца не проработал в Ленинске. Все бумаги лежат в столе, еще часть у секретарши. Что от меня-то надо?!

— Нам на твои бумаги начхать! Нужна неофициальная информация, — надавил на него Соколов.

— Что вы имеете в виду?

— Мне нужны наики, «правосеки». Их схроны, их базы в нашем районе. Все, гнида, рассказывай! И не говори, что ты им не помогал. Все на тебя тут завязано было. Я уверен в этом, — Владимир злился. Егор впервые увидел его таким агрессивным.

Соколов хорошо использовал психологический прием. Сначала он вроде бы отпустил мэра, чему тот несказанно обрадовался. Но потом остановил его, как будто схватил за ворот своими вопросами. Градоначальник расстроился, он понимал, что нельзя упускать такую близкую свободу. Надо что-то рассказывать, ведь его не отпустят. Он скривил лицо. По реакции градоначальника и Владимир, и Егор поняли: тот явно что-то знает.

Прерывая мысли-терзания мэра, заговорил Медный:

— Ну не бить же нам тебя. Мы этого не хотим. Но ты сам вынуждаешь.

И демонстративно правой ладонью потер левый кулак.

— Мы, наверное, слишком вежливы с ним, — вздохнул Владимир. Он обошел длинный стол и занял пустующее кресло мэра. Сам градоначальник сидел на обычном стуле сбоку от стола. — Да киньте его за решетку. Пусть мечтает о своем мирном Чернигове. Будет ценным заложником.

— Ладно, ладно. Я расскажу, что знаю. Только отпустите меня!

— Другое дело!

И мэр заговорил. Рассказывал около часа.

— Мы тебя отпустим, как я и обещал, — сказал Соколов. — Но пока, чтобы ты своих дружков не предупредил, ты все же побудешь у нас. Никто тебя не тронет. Как только все будет кончено, мы тебя отпустим.

Егор вышел из кабинета. В предбаннике на столе сидел Андрюха. В кресле пила чай секретарша. Шишков что-то ей рассказывал, девушка даже улыбалась.

— Пойдем на улицу покурим? — предложил Медянов.

— Да курите прямо здесь, окно только откройте, — предложила она.

— Спасибо.

Курили они молча, думая каждый о своем. А на самом деле об одном: что будет дальше? Выкидывая окурки на улицу, Андрей спросил:

— Как думаешь, по сколько нам светит за все это? Лет десять?

— Не знаю. Наверное, где-то так и есть. А что?

— Да нет, ничего. Еще вчера мы жили как обычно.

— Так, да не так. Маховик войны уже был запущен, и не нами, — нахмурился Медянов. — Я был в Киеве, я помню, что там творилось. Видимо, все это было неизбежно. К сожалению. Но не мы это начали.

— Да, эпоха перемен. Что дальше-то будет? Думаешь, они услышат наши требования? — с надеждой сказал Андрей.

— Нет, про нас они уже все решили. Давно. А мы теперь дали им повод с нами расправиться. Но они бы его и так нашли.

— Продажные политиканы. Как думаешь, «Правый сектор» уже едет сюда с нами воевать?

— А что им ехать? — хмыкнул Егор. — Они уже здесь.

— Seriously? — удивился Шишков.

— Серьезней некуда, брат. Мы вот с мэром поговорили. Много интересного узнали. Я сперва даже не поверил. Думал, он приукрасил.

В окне было синее небо, чистое, без облачков. Глубокое и непостижимое. Яркое и приветливое. Казалось, что такое небо сейчас над всем миром. Но где-то были и грозные тучи, которые несли в себе молнии. Ветер подул в сторону Ленинска.

* * *

Медный зашел в кабинет к мэру, который сейчас занимал Сокол.

— Я домой хочу съездить, — сказал он Владимиру. — Я маму давно не видел. Да и на ребенка хочется взглянуть.

Лидер ополчения Ленинска отвлекся от бумаг, которые внимательно изучал, и пристально посмотрел на парня. Затем демонстративно достал пистолет и положил его на стол. Егор понял этот жест: Владимир еще не мог полностью ему доверять, слишком мало они были знакомы. Порой казалось, что Соколов никому не доверял.

— Мне правда надо. Я завтра вернусь.

— Ты понимаешь, что обладаешь, по сути, секретной информацией.

— Ну ты думаешь, что я сейчас побегу к ним и все расскажу? При всем уважении, Сокол, ты в своем уме?

Владимир тяжело вздохнул. Он колебался, потому что не хотел совершить ошибку.

— Ладно. Ты водить умеешь?

— Да, немного.

— Вот тебе ключи от синего «жигуля», он во дворе стоит. Чтобы к вечеру уже был здесь. Понял?

— Договорились, вечером вернусь.

Он забрал ключи и вышел из кабинета. Спустился на первый этаж. Андрюхи нигде не было. Наверное, тоже решал свои личные дела. Или выполнял какое-то поручение. «Машина — это хорошо, двадцать минут и дома», — обрадовался Медный. На автобусе дорога заняла бы не менее часа. К тому же ходили они в Станицу Мироновскую редко — три раза в день.

Ямы на дороге мешали разогнаться как следует. Солнце слепило глаза. Егор приоткрыл окно — свежий весенний воздух словно прибавлял сил. Он очень соскучился по маме за эти дни. Ему казалось, что он не видел ее уже целый месяц. Она, наверняка, беспокоилась. Он позвонил ей всего один раз, сказал, что занят, много работы. А Ульяна чувствовала что-то, как и все любящие матери.

Он остановился у своего дома. Мама сажала цветы во дворе. Она очень обрадовалась, увидев сына. Обнялись.

— Это ты на машине приехал?

— Ага.

— А я думаю, кто ездит здесь. С кем ты? С Андреем?

— Нет, сам.

— Как сам? А машина откуда? — удивилась мать.

— Да ребята дали.

Мама Уля насторожилась.

— Какие ребята? — с недоверием спросила она.

— С работы.

Она не поверила, почувствовала, что сын врет.

— У меня сейчас работы много в Ленинске, — как можно веселее сказал Егор. — Поэтому дома буду редко появляться.

— А где ты там ночуешь?

— Да в автосервисе и ночью. Удобнее так, на дорогу время не тратишь.

Он достал из кармана деньги, которые заработал за неделю и отдал матери.

— Вот, на огород.

— Спасибо, сынок.

Они снова обнялись, и в этот раз руки Ульяны почувствовали за поясом неизвестный предмет. Она отстранилась, распахнула его зеленую ветровку и увидела пистолет.

— Это что такое? — мама была одновременно и удивлена, и разгневана.

— Успокойся.

— Зачем тебе оружие?

— Для защиты. Мам, давай не будем.

— Сынок, ты бандитом стал?

— Что ты болтаешь? — рассмеялся Егор. — Ну каким бандитом...

— Я так и знала! По новостям слышала про захват мэрии. И чуяло мое сердце, что ты в этом участвуешь.

— Я тебя защищаю! Все, разговор окончен. У меня нет времени! Нужно идти, меня ждут.

— Сынок! Сынок!

Он резко развернулся и направился к машине.

— Ты хоть людей не грабишь? — тихо сказала Ульяна вслед ему.

Егор остановился и произнес, не оборачиваясь:

— Я никогда не буду их грабить. Я ради них и взял это оружие.

Он уехал, а мама Уля осталась стоять на улице со слезами на глазах.

Медянов неспешно ехал по станице. Он знал все закоулки, все особенности этих мест, их историю, людей, живущих здесь. Включил музыку, чтобы отвлечься. По радио играла какая-то попса. Он нашел станцию со старым добрым русским роком. Остановился прямо посреди пустынной улицы, откинулся в кресле и закрыл глаза. «Надо заехать к Нике. Но надо ли на самом деле?» — пытался понять Егор. Он долго размышлял об этом, пока его не отвлек сигнал другого автомобиля, который не мог проехать. Убрал машину с дороги, развернулся и поехал к Веронике. Даже не столько к ней, сколько к своему ребенку.

Подъехал к ее дому и посигналил. Стал ждать. Понимал, что она быстро не выйдет, так как беременна. Да и навряд ли хочет. А раньше порхала, как бабочка, к нему навстречу, в его объятия.

«Как у людей так быстро проходит любовь? Почему у меня не так?»

Посигналил еще раз и вышел из машины. Ворота открылись, вышла Ника. Уставшая, невыспавшаяся.

— Привет, — сказала она довольно доброжелательно. — Это что за машина?

— Привет. Да ребята дали покататься.

— Дела у тебя идут на лад, я смотрю.

— Ну это вряд ли, — пространно ответил он. — Как ты себя чувствуешь? Как твоё состояние?

— Да более или менее. Малыш брыкается, шевелится постоянно.

— Ты ему музыку включай, — посоветовал Медянов.

— Включаю. И читаю.

— Ты хорошая мама, — с теплотой произнес он.

Вероника улыбнулась. Ей действительно были приятны эти слова. Она с грустью вздохнула.

— Когда тебе рожать?

— Да уже вот-вот. Мы, кстати, решили уехать.

Егор сначала не понял.

— В смысле? После родов отдыхать поедете?

— Нет. Мы в Россию уезжаем. Как раз сейчас вещи собирают родители.

У него потемнело в глазах. Сколько раз еще он потеряет эту девушку? Когда это кончится? Медный отошел подальше от нее и, присев на корточки, закурил.

— Я хочу, чтобы у малыша было российское гражданство. На Украине беспредел такой творится. У нас в Ленинске мэрию захватили. Хочу для ребенка спокойствия, чтобы он лучше, чем мы, жил. А тут проблемы долго будут продолжаться. Папа говорит, что война возможна.

— Да. Знаешь, я ведь штурмовал мэрию. И в ополчение вступил.

— Я не удивлена. Вот поэтому и хочу уехать.

— Наверное, это правильно. Но... я ведь смогу увидеть ребенка?

— Как обживемся, приезжай.

— Я постараюсь денег привезти.

— Егор, да какие с тебя деньги?

— Ты имя для малыша выбрала?

— Он, стало быть, будет Егорович. Что звучит с этим отчеством? Алексей Егорович, Роман Егорович, Дмитрий Егорович? Не знаю. Еще будет время. Сейчас другим голова занята.

— А дом кому?

— Если получится, то продадим.

— Значит, навсегда уезжаете?

— Надеемся.

Сердце сдавило. Тяжело стало на душе. Настроение у Егора пропало, а лицо стало каким-то безжизненным.

— Доча, давай. Иди маме помогать. Нечего тут стоять, — вышел отец.

— Здравствуйте, — сдержанно сказал Егор.

— Что ты, папаша, попрощаться приехал? — недружелюбно отозвался Павел Николаевич.

— Да просто навестить, — без эмоций ответил Медянов.

Вероника улыбнулась ему и скрылась за воротами.

— Ну теперь вы не скоро увидите. И слава Богу.

— Ты не умничай, — зло ответил Егор. Ему хотелось пойти на конфликт. Он моментально вскипел.

— Когда мы с тобой на ты перешли? — съязвил Павел Николаевич. — Сопляк.

— Сопляк — это ты. Ублюдок. Все время нам мешал. Из-за тебя мы расстались!

— А зачем ей такой нищеброд? Но ты успел-таки ее обречь, сукин сын! Я был против этого ребенка! Хотел, чтобы она аборт сделала. Да девчонки настояли...

— Из тебя будет хороший дедушка, — саркастично заметил Егор. — Скажи мне, богатынский буратино, ты все меряешь деньгами. От смерти сможешь откупиться?

Медянову очень хотелось достать оружие. Нет, не для того, чтобы выстрелить. Просто, чтобы эффект был еще сильнее. И он все-таки немного отодвинул рукой куртку, чтобы Павел Николаевич смог заметить рукоять пистолета.

— Ты щенок еще, чтобы мне угрожать! Думаешь, я боюсь? Я всю жизнь пахал, чтобы своих девчонок обеспечить. Видел я вас таких в девяностые. Пуганые, знаем. Иди отсюда и забудь про Веронику и ребенка.

— Да пошел ты...

Егор сел в машину и погнал по бездорожью в сторону Ленинска. «Что же у меня все через задницу получается? Что ни разговор сегодня, то провал!» — злился Медянов. Он выехал из станицы, бросив последний взгляд на нее через зеркало заднего вида.

— Пошло все оно! — прорычал Егор.

В здании администрации происходила суета. Владимир Соколов в уже своем кабинете работал над официальным заявлением киевским властям. У входа дежурили несколько человек. Остальная часть отряда заняла первый этаж, приготовившись к обороне в случае штурма украинскими силовиками. Укреплялись окна и двери, приносили оружие и боеприпасы. Ополченцы располагали бетонные блоки так, чтобы к зданию нельзя было подобраться на машине или бронетехнике. У многих уже был опыт боевых действий: они знали, что делать, и без указаний.

Начальник милиции города Роман Овчаренко руководил укреплением здания управления МВД. Созвонился с Соколом и рассказал ему, что часть силовиков сдала оружие и ушла из милиции, но большинство остались. Они патрулируют улицы, поддерживая порядок в городе, чтобы не наступил хаос и люди не решили, что сейчас нет власти и можно заняться черт знает чем.

После разговора Владимир встал, распахнул окно и невольно улыбнулся крепнущей весне. Хотел было закурить, но воздух был таким свежим и пьянящим, что он передумал. Попытался насладиться моментом, запомнить его.

...Что ты делал весной четырнадцатого года? Я смотрел в окно из кабинета мэра и наслаждался первым настоящим весенним теплом. Вполне приятное воспоминание. А еще выдвинул ультиматум киевской власти. А еще готовился к обороне здания, вооружившись всем, что удалось достать. А еще планировал провести силовую акцию против националистов «Правого сектора»... Да, ты сложа руки не сидел! Ну еще бы, время такое было...

Владимир вернулся в кресло, достал карту района и принялся детально изучать. Он и так неплохо знал эти места, но все равно требовалось кое-что освежить. Нужна тщательная подготовка. Еще в школе учителя заметили, что у него аналитический склад ума, он неплохо мыслит, всегда критично настроен и даже сказанное педагогами не воспринимает на веру, часто спорит. Вот и сейчас Владимир хотел лично все спланировать, а уже после этого выслушать замечания.

Он смотрел на карту, изучая окрестности города и района. К северу от Ленинска был мост через широкую реку Уголек, до него всего километра три-четыре. «Его необходимо подорвать», — сразу отметил Сокол. Именно через этот мост шла основная автомагистраль из Харькова в Луганск.

— Мы первый форпост, — сказал вслух. — По нам будет первый удар. Надо превратить город в крепость.

Он не верил, что все обойдется. Володя надеялся на одно — что хватит времени подготовиться к отпору. Лишь бы вот прямо сейчас войска не подвели к городу — тогда конец. Соколов не сомневался, что война будет, она уже на пороге.

«Итак, на востоке — граница с Россией. На юге — Луганск. И что мы получаем в итоге? Нападать будут с запада. Надо укрепить это направление, увести людей с окраин. Но куда?»

Сейчас его особенно интересовало село Гремучее. Нашел его и нужный дом на ноутбукской карте. Внимательно изучил расположение улиц и подъезды к дому. Сравнил бумажную карту и интернетовскую. Нормально, принципиальных различий нет.

«Хорошо, — подумал Соколов. — Будем брать. Если все пройдет удачно, то боевой дух у пацанов поднимется. И эта треклятая хунта и “Правый сектор” поймут, что мы на серьезный разговор настроены».

В дверь постучали — показался Медянов. Он немного виновато или расстроено улыбнулся.

— Машина в целости и сохранности. Сто лет не ездил, — заявил он. — Я ее заправил.

— Хорошо. Это очень даже хорошо. Нам понадобится транспорт. Ты располагайся в мэрии. Переночуем все сегодня здесь. Медный, у нас военный объект. Шатания надо бросить.

— Да разве я шатаюсь?

— Я в общем. Это всех касается. Завтра ответственный день.

— Этих уродов ловить едем?

— Да, только ты особо не болтай, — предупредил Сокол. — Не все знают, поедут лишь проверенные. Остальные здесь останутся, будут дежурить. Эх, плохо, что ты необстрелянный, молодой. Ну ничего, завтра потренируешься. Медный, ты хороший парень, я тебе доверяю. У меня чутье работает неплохо, не раз проверял.

— В Югославии?

— И не только. Так, по жизни. Чувствую, с кем можно дело иметь. И Андрюха тоже нормальный парень. Борю вы очень выручили. Добрые вы, пацаны. Сохраните эту доброту.

— Ты сохранил? — в голосе Егора прозвучала надежда.

— Наверное, — оборвал Владимир. — По крайней мере, я в это верю.

Соколов одернул себя. Понял, что слишком разоткровенничался, ушел в ненужные дебри. Но... но почему ему так симпатичен этот пацан? Может, потому, что напоминает о младшем брате, который из Югославии не вернулся?..

— Ты на сегодня свободен. Осмотришься тут, пообщайся с мужиками, выбери место, где спать будешь. Завтра выезжаем рано утром. Оружие с собой?

— Да, пистолет есть, — ответил Егор.

— Хорошо, автоматы пока не дам. Пистолетов хватит.

Егор слонялся по коридору, искал Андрея. На душе было противно после разговора с Никой и ее отцом. «И когда уже вся эта ситуация закончится?» — подумал Егор. Но тут же вспомнил про ребенка. Как видно привязан он им к Веронике на всю жизнь. Никак ее не вычеркнуть, не обойти. Вон у Шишкова, наверное, много бывших. И ничего. А тут одна, и от той невозможно отвязаться. Всегда она будет где-то рядом. Мать его ребенка, еще не рожденного. А он, Егор Александрович, даже отцом себя толком не сможет почувствовать, сына-то рядом не будет.

Вышел на площадь перед мэрией, встал у широкого мощного дуба и закурил. Суеты в городе не наблюдалось. Наоборот, затишье. Слишком спокойно все. Это тревожило. Завтра предстояло большое дело. По крайней мере, если мэр не обманул.

Уже в сумерках подъехал автомобиль главы МВД города Романа Овчаренко. Он приехал поговорить с глазу на глаз с Соколовым, обсудить дальнейший план действий. Медянов не знал, что Владимир учился с Романом в школе и полностью ему доверял.

Егору захотелось есть. Он решил сходить в магазин через дорогу. Потратив последние деньги, Медянов купил фаст-фуд, воды и несколько пачек сигарет. Долго сидел перед мэрией, снова думая о своих проблемах, о своей нелепой жизни. В городе зажигались огни, отбрасывая темноту в закоулки. На душе стало еще более одиноко.

Зазвонил мобильный телефон. Звонила Ника. Кто же еще?

— Привет еще раз, — сказал Егор.

В ответ она грустно усмехнулась.

— Мы на границе сейчас. Вскоре связь исчезнет.

— Да...

— Тошнит всю дорогу. Нехорошо себя чувствую.

— Тебе же рожать скоро. Смотри, в дороге не разродись.

— Очень смешно. Юмор не твой конек.

— Это точно, ты всегда говорила мне это, — ответил Медянов. Ему казалось, что с отъездом Ники и ребенка уходит и его жизнь. Что его душа находится рядом с ними, а тело здесь, в каком-то непонятном сквере, с какими-то чужими вооруженными людьми.

— Я напишу тебе после того, как рожу. Ну все, давай, счастливо... ополченец. Егору захотелось стать ежом и свернуться в клубок, отпугнуть иголками все проблемы и неурядицы.

Думал, что сегодня не уснет, но оказался настолько вымотанным за эти дни, что отключился, как только присел на широкое кресло в одном из кабинетов на втором этаже.

* * *

Обычно встаешь утром и настроение хорошее, пока его кто-то тебе не испортит. Но это утро Медянову не понравилось сразу. Дорога к селу поражала количеством ям и выбоин, которые мешали машине разогнаться. Понятно, почему «Правый сектор» выбрал Гремучее в качестве базы — глухое место, до которого практически невозможно добраться. Как рассказал мэр, здесь находился дом, занятый местной ячейкой националистов. Отсюда они планировали действовать по всему району. Мэр должен был прикрывать их. По бокам мелькали еще лысоватые, но уже зеленеющие деревья и кусты. За ними раскинулся донбасский чернозем, плодородный и щедрый, выкормивший не одно поколение. Вверху парил орел, высматривая подходящую добычу. Небо наполнялось синим цветом, меняло свои темные краски на более светлые. Приехать в село они надеялись до рассвета.

Они остановились, не доезжая до села, спрятали автомобиль в еще темном основном бору. Отсюда хорошо было видно и нужный дом, и улицу. Медянов с товарищами заняли позиции. Егор переживал, но пытался сохранять спокойствие. Он боялся не за свою жизнь, а за чужие. Ему хотелось, чтобы все прошло без жертв.

На секунду ему показалось, что он находится на съемках фильма. Все вокруг словно какое-то ненастоящее, надуманное, вымышленное. В этот же момент Егор осознал, что находится ни много ни мало на передовой новой истории. Мирный Донбасс, каким знало его большинство местных жителей, переставал существовать.

Около полудня ничего не происходило. Село продолжало спать. Но потом неожиданно послышалась автоматная очередь. Непонятно, кто и куда стрелял. Егор и Андрей напряглись: началось. Надо максимально сконцентрироваться. Затем послышалась серия выстрелов. Завязался настоящий бой. Вокруг звуки бьющегося стекла, голоса и крики. Длилось все это минут пятнадцать.

Раздался взрыв. Егор успел заметить вспышку возле одной из машин местных жителей, припаркованной у двора. Ополченцы предусмотрительно оставили свой транспорт подальше от места боя. «Правый сектор» начал бросать гранаты, да еще и в приличном количестве.

А потом раздался громкий выстрел. Скорее всего, из гранатомета, подумал Егор. Он видел, как в дом на противоположной стороне улицы попадает снаряд, оставляет в нем огромную дыру. Камень и металл разлетаются в разные стороны, падают на спины и головы ополченцев. Кто-то кричит, здание начинает гореть. На время бой стихает, продолжают раздаваться лишь отдельные выстрелы.

Андрей и Егор замечают, что загорелся дом с боевиками. Медянов сначала не понял, в чем дело.

— Готовьтесь, пацаны, — сказал Боря. — Они будут выходить. Вернее, выскакивать. Наша задача — встретить их, если пойдут в нашу сторону. Просто не путайтесь под ногами.

Повалил хлипкий деревянный забор, со двора выбежали несколько человек и бросились в сторону сенового бора. Егор пригляделся и смог сосчитать их — пять человек. Возле дома заметил еще одного, который бежать не мог. Он пытался уйти подальше от горящего дома, упал на землю и не шевелился.

Медянов, скрываясь за деревом, забыл, что держит в руках пистолет. Вспомнил об этом только когда услышал маты на украинском языке. Он выглянул. Боевики были совсем рядом. Но Армен и Борис по-прежнему не стреляли. Видимо, хотели подпустить их еще поближе.

— Огонь! — наконец негромко, но уверенно скомандовал Борис.

Егор в ту же секунду обернулся и сделал свой первый выстрел, который растворился в стрекоте автоматов. Первый свой выстрел на этой войне. Медянов нажал на спусковой крючок еще раз. Понял, что стреляет, не целясь. Взял на мушку одного из боевиков, — до него было неблизко. Выстрелил. Промазал. Еще раз. Снова мимо. Поменял магазин, передернул затвор. Егор оставался спокойным, чему сам удивился. А ведь стрелял в живых людей. «В подонков, которые хотят смерти нам и нашим отцам, матерям и детям!» — поправил себя Медный.

Атака ополченцев оказалась успешной. Двое нациков упали сразу, подкошенные автоматными очередями. Еще один попытался отстреливаться, но получил ранение и упал. Один бросился назад к горящему дому, а пятый — в сторону.

Егор, повинувшись внутреннему приказу, погнался за последним. Он уверенно бежал по влажной и мягкой земле, которая, впрочем, не налипала на ботинки. Медный быстро нагонял противника, так как у того на спине был тяжелый рюкзак.

— Стой! — кричал Егор. — Застрелю!

И выстрелил в спину. Ему показалось, что попал в цель. Нацик остановился и обернулся. Медянов в этот момент был в нескольких метрах от него. Понял, что промазал, однако выстрел возымел нужный эффект.

— Бросай все! Руки вверх!

Незнакомец, на вид ему было около пятидесяти, послушался и опустил рюкзак на землю. Егор, немного отдышавшись, теперь мог рассмотреть его седину, худое решительное лицо, темные злые глаза.

— Все, бой окончен, — сказал Медный, держа противника на мушке. — Тебе незачем погибать.

Егор боялся, что незнакомец сейчас выкинет что-то неожиданное, как в фильмах, и ему придется выстрелить. Молил, чтобы этого не произошло, чтобы не пришлось опять стрелять.

Подоспели Армен и Андрей.

— На колэны, — скомандовал Армен нацику.

Тот послушался.

Вздохнув с облегчением, Егор обернулся и увидел, как к ним идет Соколов и еще двое. Подойдя ближе, Владимир расплылся в широкой улыбке. Похлопал парней по плечу.

— Вот и конец, — сказал он. — Армен, отведи его к нашим.

Соколов остался с ребятами, они закурили. Из-за горизонта начало выплывать солнце. Начинаясь новый день. Послышались звуки сирен. Сюда мчались пожарные и медики.

— Ну, нормально, — вздохнул Владимир. — У нас только двое раненых. И то легко. У вас тут как?

— Сносно, — сухо ответил Егор.

— Вот и прошли вы боевое крещение. Только это еще цветочки. Детская игра.

— Это тоже «детская игра»? — Медный указал в сторону тех, кто бездыханно лежал на земле.

— Они собирались устраивать теракты, — жестко ответил Сокол. — Ты видел, как эти твари в жилой дом из гранатомета пальнули? Благо мы всех соседей предупредили и вывели. Как раз в этот момент они и начали стрелять по нам, заметили неладное. Но из мирных никто не пострадал. А дом отстроят заново. «Правосеки» сами же свой дом подожгли, там много взрывчатки и оружия. Хотели, чтобы все в воздух взлетело. А сами свалили. Но вы молодцы, достойно их встретили. Ох, не завидую я пожарным, им теперь все это разгрести. Рвануть может в любой момент.

Егор раздосадованно направился к машине. Он не знал, почему злится. Громко хлопнул дверьми и устался в окно остановившимся взглядом. Ждал, когда все соберутся, чтобы вернуться в Ленинск. «Кому война, кому одиночество, — подумал Медный. — А мне и то, и другое!»

Вернулись на базу с пленным, которого взял Медянов. Боевика посадили «на подвал», допросить решили позже. Соколов сдержал свое слово и отпустил мэра, который не поверил своему счастью. Только ему пришлось оставить свой «мерседес», стоявший все это время возле администрации города.

— На автобусе в свой Чернигов поедешь, как все простые люди, — сказал Владимир. — Вали отсюда. Появишься на Донбассе еще раз — не отпущу.

Соколов и правда потом видел бывшего мэра не один раз. Только уже по телевизору. Чиновник, лживая шкура, рассказывал журналистам, как его избивали ополченцы, угрожали и отобрали автомобиль. У него и впрямь был синяк под глазом, откуда-то взялся. Может, жена поставила специально? «Ну хоть про автомобиль не соврал», — усмехнулся тогда Владимира. Бывшего мэра Ленинска выбрали депутатом Верховной Рады, и он яростно выкрикивал с трибуны, что Донбасс надо уничтожить. Но все это было потом...

* * *

Ополченцы готовились к обороне города. Единственная военная часть, располагавшаяся на западной окраине, перешла в подчинение Соколу. Но не в полном составе — многие уехали к себе в западную Украину, но потом они вернутся уже в составе националистических батальонов. Владимир Соколов сосредоточил в своих руках всю власть в Ленинске. Ему бы это не удалось без двух важных факторов — поддержки жителей и своей боевой группировки.

В администрацию приходили люди, записывались в ополчение, формировались отряды. В итоге через несколько дней после боя с «Правым сектором» Соколов объявил о создании батальона «Беркут», названного так в честь погибших на Майдане правоохранителей. К тому же в ополчении было много бывших «беркутовцев».

Выезды из города блокировались бетонными блоками, деревьями, неисправными автомобилями и много чем еще. Основное внимание, по плану Соколова, уделялось северной и западной окраинам.

А потом произошло для многих мирных жителей неожиданное — Ленинск обстреляла украинская артиллерия. Снаряды упали в восточной части города, повредив несколько домов. Но самое страшно не это. Погибли четыре человека, несколько получили ранения среди пострадавших был трехлетний ребенок. Пожарные тушили дома, разбирали обвалы и искали людей. Для многих это было неожиданностью, но не для Соколова. Он переживал лишь об одном — чтобы хватило времени подготовиться.

После первого обстрела многие горожане поняли, что никто шутить не будет. С этого момента небольшой автовокзал Ленинска всегда был полон желающих уехать. Автобусы не справлялись с таким потоком людей. У некоторых это вызвало обратную реакцию — они вступали в батальон «Беркут».

На следующий день после первого обстрела поступила информация, что в сторону города движется большая колонна военной техники. Националистический батальон «Львов» одним из первых выступил против Донбасса. Соколов тут же отдал приказ своим подчиненным подорвать северный мост, чтобы остановить наступление. Причем не просто повредить так, чтобы техника не прошла, а совсем уничтожить. Когда его приказ привели в исполнение, до Ленинска донесли раскаты взрыва. Неспokoйная пора только начиналась.

Мэрия хорошо укрепилась, теперь даже хорошо подготовленные бойцы не смогли бы захватить здание с наскока. Здесь расположился штаб батальона. Усилили здание милиции. Военную часть, в которой разместились основные силы ополчения, превратили в неприступную крепость. Старое советское здание из красного кирпича было окружено высоким забором с колючей проволокой. Все окна на первом этаже заложили мешками с песком и ящиками, снаружи прикрыли металлическими листами. Привели в готовность боевую технику, которой, к сожалению для Сокола, было слишком мало. Один танк он распорядился поставить на западном выезде, а второй оставался в воинской части.

Кроме подготовки к обороне нужно было заниматься и референдумом, который должен был состояться в скором времени. Народный губернатор Луганщины Валерий Болотов назначил Владимира Соколова комендантом Ленинска. Наладилась связь с Луганском и Донецком. Там понимали, что первый удар придется на Славянск, Краматорск и Ленинск.

Егор и Андрей проходили курс молодого бойца. Их учили обращаться с оружием, стрелять из автомата и гранатомета, вкратце рассказали о тактике боя в городской черте, показали, как заложить противопехотную мину, как оказывать первую помощь при ранениях. Заставили много раз проходить полосу препятствий: ползать по-пластунски, бежать по тонкому бревну, перепрыгивать через высокую стену. В руки впивались занозы, колючая проволока цепляла одежду, царапала кожу, ноги подворачивались, болели мышцы... Но обучили их хорошо. Медный быстро и уверенно стал проходить полосу препятствий, стал чувствовать собственную силу.

Они познакомились со многими молодыми ребятами и мужиками. Атмосферу их общения трудно передать. Это были люди с одной идеей, верившие в лучшее. В братство. Все строго, по-мужски, без соплей. Но при этом с добротой, душой, вниманием. А ведь насколько разношерстное было ополчение в те дни в Ленинске.

Соколов оставил Медного и Шишкова при себе в штабе. Не стал отправлять их в военную часть. Он дал себе обещание, что будет приглядывать за парнями. Андрей занимался хозяйственными делами, поскольку успел побыть бизнесменом. Он вел учет всего, до чего у него доходили руки. Проверял документы сотрудников администрации, которые продолжали работать в здании. Ночевать ездил домой, в свою квартиру, к своей любимой девушке Яне.

Медный ничем конкретным не занимался. Основную часть времени был при Соколе, выполнял его поручения, слушал его, наблюдал за ним. Только позже понял, что Владимир присматривается, готовит помощника. Не просто человека на побегушках, а того, кто способен принимать решения.

— Егор, ты будешь отвечать за проведение референдума в Станице Мироновской, — сказал Владимир. — Бюллетени я тебе выдам. Сколько надо?

— Ну, около пяти тысяч человек проживают в станице. Я думаю, столько хватит.

— Хорошо, развезешь по избирательным участкам. Будь внимателен, возможны провокации. Твоя главная задача — обеспечить безопасность людей. Остальное дело техники.

— Один я не смогу при всем желании, — ответил Медянов.

— Сколько тебе понадобится?

— В станице два избирательных участка: школа и сельсовет. Я думаю, человек пять мне хватит.

— Может тебе еще взвод дать? — возмутился Владимир. — Трех человек возьмешь. Знаешь, сколько у нас населенных пунктов, в которых надо провести референдум? Много. И везде нужен порядок.

— Хватит и трех, если никаких неожиданностей не будет, — согласился Егор.

* * *

— Мама, ну хорош тебе, что ты в самом деле, — Медянов прижал плачущую мать к груди. Рядом стояла длинная очередь желающих проголосовать. В основном пенсионеры, но было и много молодежи. Егор окинул территорию покровительственным взглядом. Все спокойно. Провокаций не наблюдалось. Лишь спустя несколько месяцев он понял, что украинская власть специально дала им провести референдум. Они хотели сделать легитимной войну на Донбассе, им нужен был повод. Но тогда Егор радовался, что все проходило нормально.

— Как ты там, сынок?

Он стоял в камуфляже, пистолет был спрятан за поясом.

— Да нормально. Несу службу. В армии не служил, вот теперь восполняю пробелы.

— Ну ее эту армию, проклятую.

Мама Уля, конечно, имела в виду украинскую армию, повернувшую оружие против своего народа.

— Слухи ходят, что сразу после референдума война начнется, — сказала мама.

— Да, в Славянске и Краматорске уже полным ходом идет.

— Говорят, украинцы заняли Станицу Айдарскую.

Эта станица находилась на северо-западе от Ленинска. Как раз по тому направлению проходил объездной путь из Харькова в Луганск.

— Есть такое дело. Но туда наша власть не доходит. Ты, главное, сама осторожно тут. Вы пока в безопасности, до вас им еще далеко. В первую очередь по нам бить будут. Но все равно, осторожно, мама. Ну все, не ходи ты за мной хвостиком. Что бойцы подумают? Маменькин сынок. Иди домой. Как будет время, заеду.

Мама ушла, а он присел на бордюр рядом с сельсоветом и закурил. Люди все приходили и приходили. И лица у них были радостные. Ближе к обеду начались массовые гуляния, народ радовался, что сделал свой выбор, проголосовал за независимость. А это значит, что они останутся вместе с Россией.

Поздно вечером, когда референдум уже завершился, Егор собрал с ребятами все бюллетени и вернулся в Ленинск.

Задание было выполнено. Вероятно, есть время перевести дух, осмыслить события последних дней. Готов ли он? Первый обстрел города... Он вселил во многих людей страх. Почва ушла из-под их ног. Раньше мир казался незыблемым, а оказалось, что в один момент все может измениться: улицы и парки опустеют, дети не будут играть во дворах, город станет одиноким и брошенным — жизнь день ото дня начнет уходить из него. Ленинск может превратиться в город-призрак.

«Правы ли мы?... — думал Егор, сидя в одном из кабинетов мэрии и задрав ноги на стол. — А если не мы, то кто? Они правы? Нет, уж точно не наики. Может, мы в чем-то и неправы, но у нас точно больше правды».

Как там сейчас Вероника? Родила ли уже? Когда он увидит своего сына, и увидит ли вообще? Может, Медянову суждено завтра погибнуть. И сын никогда не улыбнется ему, не потрогает маленькими пальчиками широкую отцовскую ладонь.

Надо сбросить с себя хандру, как незваного жука, залезшего на руку. Какой смысл терзаться этими вопросами? Их не сдвинуть с места, они монументальны. Они никуда не денутся и будут постоянно маячить на горизонте, как и счастье. Оно тоже всегда маячит на горизонте. Бывает, удается до него дойти и порадоваться, а утром просыпаешься и понимаешь, что оно все так же на горизонте, рядом с солнцем, но не с тобой.

* * *

Илларион Романович положил трубку и рассмеялся. Еще до этого звонка он почувствовал, что ситуация изменилась, эти изменения витали в воздухе. А после разговора с Тарасом Ковшом, важным человеком из администрации президента, Ерофеев получил прямое подтверждение этому. Не он был инициатором звонка. Звонили ему. И что самое главное, не с угрозами отобрать весь бизнес, а наоборот, обращались за помощью, можно сказать. Какие все-таки хитрецы эти политики. Еще вчера хотели стереть его в порошок, а сегодня притворяются хорошими друзьями и надежными партнерами.

Олигарх не тешил себя иллюзиями. Он прекрасно понимал, что для нового режима остается неудобной, неуместной, лишней фигурой. Они все равно попытаются его сместить. Нечего и рассчитывать на другой ход событий. Но сейчас у него появилось время. Ерофеев догадывался, что звонок из администрации президента и просьба к нему означают многое. У него еще есть время, чтобы работать. Бизнес-империя все еще принадлежит ему.

«Я выбрал верную стратегию, — думал богач. — Все-таки осторожность очень важна. И продуманность решений».

На некоторых видных бизнесменов Украины уже были заведены уголовные дела по разным поводам. Илларион Романович нахмурился, подумав о том, что всех их, и его в том числе, есть за что судить. Но кто судьи? Вот эта деревенщина, реднеки? Некоторых крупных предпринимателей арестовали, иных даже посадили в СИЗО. Ерофеев четко понимал, что получил определенную отсрочку.

Он сидел в своем офисе, который располагался в Рыльском переулке. Из окна был виден памятник гетману Богдану Хмельницкому. Как ни странно, наблюдать за ним было скучно, он ничего не делал, только восседал на коне и держал булаву — символ власти. Неподдалеку располагается комплекс зданий главного управления МВД Украины. И это вызывало у Иллариона Романовича определенное беспокойство — очень не хотелось ему, чтобы эти ребята занялись им. Но пока отмашки по нему не будет, можно спать спокойно. Недавно Ерофеев озадачился вопросом о том, следят ли за ним. Он стал внимательным и подозрительным, однако за несколько дней так и не обнаружил никаких признаков слежки. «Не следят, но наверняка прослушивают телефон», — сделал вывод олигарх.

Вышел на улицу, чтобы покурить и сделать несколько звонков бизнес-партнерам. В пиджаке уже было жарковато. Захотелось холодного пива. И Вику. Ну, всему свое время. Сейчас дела. Переговорив с коллегами и партнерами, Илларион Романович так ничего и не узнал о Егорке из Винницы. «Грохнули его, что ли?» — раздраженно подумал бизнесмен. Где можно пропадать столько времени? Он же не менеджер какой-то бесполезный, он важный человек в системе империи Ерофеева на западе Украины. Что могло стрястись?

В офисе было душно, он открыл окно и попросил секретаршу принести прохладной газировки. Нужно было совершить важный звонок, который потом отразится на судьбе двух человек.

— Але! Это Соколов? — громко сказал в мобильный телефон Илларион Романович.

— Да, я. Кто это?

— Ты меня не знаешь. Меня зовут Илларион Ерофеев.

— Действительно не знаю. Ты кто такой? — немного грубовато спросил Сокол.

Несколько секунд длилось молчание. И олигарх вкрадчивым голосом ответил:

— Я тот, кому принадлежит Ленинский коксохимический завод, «Ленинскуголь», машиностроительный завод, шахты, супермаркеты и так далее. Я владелец всего этого.

— Интересно. Я тебя поздравляю, конечно. Похвастаться звонишь? Давай к делу!

— Дело такое. Я хочу договориться с тобой.

— По поводу?

— Вот как раз по поводу заводов, газет, пароходов! — жестко сказал Ерофеев. — Это все мое, но сейчас ты главный в городе.

— Да, это так.

— Это все должно остаться моим и продолжить работать. Конечно, ты получишь свою долю с этого.

— Я ожидал, что подобные звонки будут, — протянул Владимир Соколов. — Ты думаешь, что я буду получать деньги от тебя, киевского холоуа? У меня там пацаны гибнут, а я буду бабки делать?

— Володя, я все это понимаю! — перебил Илларион Романович. — Думаешь, на меня не давят, а? Я же донецкий, я для них чужой. Я просто хочу, чтобы бизнес продолжал работать.

— На тебя давят? Илларион, дорогой, ты где сейчас? Наверное, в офисе, в кожаном кресле, считаешь доллары и акции? А я только с блокпоста приехал, где моих ребят постреляли! Ты думаешь, что нам действительно есть, о чем говорить? Меня вам, киевским прихвостням, не купить. Не для того я за народ вставал, чтобы потом продаться подороже. У нас теперь Луганская народная республика. И пусть власти решают, что делать с такими, как ты. Если надо — отнимем все! Понял?

— Скажи, жители, которые работают на моих предприятиях, сильно обрадуются, если потеряют из-за тебя работу? У вас нет денег, нет связей, чтобы все перезапустить. Поэтому налоги все равно будут идти в Киев, понимаешь? Эти люди тебя на вилы и поднимут, если заводы останутся.

— Это не моего ума дела. Я ничего не закрываю и не отбираю. Пока что. Но я подумаю, Илларион, подумаю. Здорово ты разозлил меня. Не вовремя позвонил, не в том я настроении, чтобы с денежными мешками философские споры вести.

— Ты понимаешь, что это будет иметь последствия? — угрожающе прохрипел Ерофеев. — Я не позволю соплякам вроде тебя разорить меня. Я это все по кирпичику складывал.

— И ты сложил себе склеп, гнида. Я оружие взял из-за таких, как ты. Тебе плевать на людей, на работников, на земляков. Тебе плевать на Господа Бога. Ты молишься деньгам.

— Иди ты к черту, праведник! В этот склеп я заберу с собой и тебя, Володя! — Илларион Романович положил трубку.

И схватился за сердце. Слишком разволновался, старость уже наступила. Переговоры куда-то совсем не туда зашли. Раньше он и не такие разговоры выдерживал и побеждал. А сейчас хватка ослабла. Секретарша накапала лекарство. Ну какое пиво, какие Вики? Прокапаться надо в больничке и на моря съездить, но тогда это будет означать проигрыш.

«Сколько на моих счетах?» — он встрепенулся, ему показалось, что прямо сейчас надо бежать из страны, забыть обо всем. Но приступы паники Ерофеев давно научился подавлять. Позже он будет жалеть, что не поддался этому чувству и не уехал.

Когда сердце немного отпустило, он набрал другой номер:

— Тарас, я поговорил с ним, — тяжело сказал Илларион Романович, проведя рукой по густой седой шевелюре.

— И что?

— Он не идет на контакт. Идеальный.

— Я так и думал. Ну ничего, мы найдем в Луганске и Донецке нужных людей. И повыше, чем он.

— Найти-то найдем, только он — полевой командир. И Ленинск — его земля, он там хозяин.

— Ларик, ей-богу, мне тебя учить что ли, как дела надо решать? Ты же родом из девятых. Или тебе все открытым текстом говорить?

Ерофеев слушал этого соплика и понимал, что он прав. Все-таки теряет хватку. И не только ему это заметно, но и другим. Врагам.

— Мне нужны гарантии для меня и бизнеса, — выпалил олигарх.

— Я тебе эти гарантии дать могу. Слышишь, могу! Я разговаривал с руководством, там немного поутихли насчет тебя. Дыши пока свободно. Тебе все же придется отдать кое-что в западных областях, но в Киеве и Донбассе никто трогать твой бизнес не будет. Тебя это устраивает? Я понимаю, что это не идеальный вариант для тебя, Ларик. Но ты сам прекрасно понимаешь, что в противном случае отберут все. По сути, выбора у тебя нет.

«Всегда есть выбор», — мысленно парировал Ерофеев, но спорить не стал.

— Мы друг друга поняли, дорогой! — ответил олигарх. — На связи.

Да, выбор-то есть, но вариантов немного. Таковы правила. Он в партии проигравших. «И все из-за этого трусливого Януковича», — вспыхнул Илларион Романович. Насколько важен лидер. Ведь всех этих финансовых потерь могло бы и не быть, если бы тогда разогнали этот Евромайдан.

Он ехал по Киеву в своем бронированном «мерседесе». Водитель молчал, по радио играла современная украинская музыка, где-то даже приятная уху. Ерофеев чувствовал себя выжатым лимоном. Тяжелый день выдался.

* * *

Вскоре выяснилось, куда пропал Егорка Пономар, который так и не доехал к Ерофееву из Винницы после истории с рейдерским захватом. Олигарх очень удивился, когда увидел своего бизнес-партнера на одном из государственных каналов. И это было неприятное удивление. Пономар обвинял предыдущую власть во всех грехах, ругал своих бывших коллег-бизнесменов. Он не называл имен, но Илларион Романович понял, что это выпады в его адрес. И не просто треп, а прямые обвинения в махинациях и мошенничестве. «Сука, ты же эти схемы и предлагал!» — в сердцах олигарх ударил ногой стол.

Становилось понятно, что его, Ерофеева, не отпустят, не дадут спокойно дышать и работать. И Егорка им в этом поможет. Вот куда он пропал, гниль рагульская! Договаривался, себе награды выбивал. Подлизнуть он всегда умел. Далеко пойдет, подумал Илларион Романович.

Через несколько дней Ерофеев узнал, что Генеральная прокуратура Украины возбудила в отношении него уголовное дело. Его обвиняли в противоправном давлении на должностных лиц с целью получения материальной выгоды, по ч.2 ст.3-64 Уголовного кодекса Украины. Иллариону Романовичу теперь грозило от трех до шести лет лишения свободы.

— Как же так, Тарас? — кричал он в трубку.

— А что я могу сделать?

— Мы же договаривались!

— Я не всемогущ, Ларик. У тебя много недоброжелателей. Да ты не дергайся. Это просто способ держать тебя на крючке. Не посадят тебя. Так, нервы только попортят.

— Ты уверен? А то что-то твои слова расходятся с делом.

— Ты кому это говоришь? Моя благосклонность исчезает после таких заявлений.

— Наши переговоры окончены.

— Тебе же хуже.

Илларион Романович после этого позвонил бывшей жене Полине и сказал: «Меня, наверное, скоро посадят». Детям не стал ничего говорить, пусть узнают из новостей. Может, легче воспримут.

Надо готовить деньги. Много денег. Они точно пригодятся.

Вызванная на вечер Вика барабанила в дверь, но у Ларика пропало настроение. Он сидел на полу под дверью, пил противный бренди и вспоминал свои былые победы. Потому что новых побед больше не предвиделось.

ЧАСТЬ 2

Набережная Цны наполнялась зеленым цветом. Речка уже освободилась из-под льда и мирно журчала, неся свои воды на юг, к морю. Гуляли влюбленные парочки и мамы с детьми. Шум дорог сюда почти не доносился, набережную ограждали холмы, на которых стояли торговые центры, административные здания, храмы и соборы. А на противоположном берегу располагался тихий частный сектор. И все это в самом центре Тамбова. Неторопливая река Цна располагала к отдыху и лени, раздумьям и мечтаниям.

Он валялся на лавочке и спал. Ему снились сны, яркие и реалистичные. Рядом лежали пустые бутылки. Солнце разбудило его своими недобрыми лучами, спать дальше было невозможно. Мужчина лениво повернул голову и открыл глаза. Сразу обратил внимание на легкую площадку, которая находилась на противоположном берегу. «Надо выпить...» — похмельно-мутно подумал Ярослав. С трудом поднялся на ноги, чтобы перейти на тот берег. Люди смотрели на него с опаской, некоторые принимали за бомжа. Он был среднего роста, непримечательный, в старых потертых джинсах и грязной рубашке. Глаза Ярослава, оттененные густыми бровями, были глубокие и черные, взгляд тяжелый, злой. Несмотря на похмелье, в его движениях чувствовалась ловкость и слаженность, какие присущи спортсменам, людям физически сильным.

К нему подошел какой-то не менее опрятный незнакомец.

— Давай скинемся и выпьем, друг, — предложил он.

— Пошел на хрен, — процедил Ярослав.

— Ты че, борзый? — ответил незнакомец и попытался схватить за рубашку потенциального собутыльника.

В тот же момент Ярослав вывернул ему руку, заставил согнуться и коленом сильно ударил в живот. Мужик упал и захрипел, пытаясь справиться с болью.

— Еще раз тебя увижу — урою, — зло сказал Ярослав. И поднялся к мосту по ступенькам, расположенным полукругом и напоминавшим амфитеатр. На половине пути остановился над Цной, повернулся и посмотрел вниз. Высота была небольшая. «Спрыгнуть?» — задумался он. Мост резонировал, шатался и пружинил, как бы подталкивая к этому. Ярослав решил, что обязательно прыгнет, но только после того, как выпьет пару кружек пива.

Ему показалось, что в кафе не рады его приходу, но он проглотил эту обиду. Настроение стало паршивым. Нет, он явно не нравится сотрудникам кафе. Да и черт с ними. «Не обращай на них внимания», — убеждал себя мужчина.

Кружка пива привела в себя. Отлично. Надо было завязывать с запоем, длившимся две недели. Ярослав пытался решить, чем заниматься дальше. Из полиции его уволили за превышение должностных полномочий. Да не просто уволили, а завели уголовное дело.

...Один мужчина был прикован наручниками к лавке, второй лежал возле товарища и тихо скулил. Ярослав занес кулак и ударил в голову прикованного наручниками. Куртка запачкалась их кровью, кулаки были разбиты об их лица...

Ярослав хорошо помнил тот осенний вечер, сильный дождь, пустынную улицу, на которой никого не было. Но нашлись свидетели, которые дали против него показания в суде. В итоге — увольнение из правоохранительных органов, уголовное дело и условный срок. Он до сих пор не мог понять, почему его так разозлили те два бомжа. Не так что-то ответили, слишком агрессивно и раздраженно. Это была их ошибка. Нельзя было так говорить Ярославу Черняеву. Не мог понять бывший полицейский и другого — почему система дала сбой? Почему его наказали именно из-за этих двух алкоголиков? Ведь он был не святой, ему и до этого приходилось преступать закон, и все было нормально. А из-за этих...

Вторая кружка пива оказалась горькой, Ярослав поморщился. Надо приходиться в себя после этих непростых месяцев, решить, чем заниматься дальше. Может, в охрану пойти? Возьмут ли там его, неизвестно. Возраст еще подходящий для того, чтобы менять работу — тридцать семь лет, но судимость... Черняеву все надоело. Он злился на весь мир, на окружающих и прохожих. На себя намного меньше. Принимал себя таким, какой есть.

Он отвернулся от зеленой речушки и заметил, что к беседке, в которой он пил пиво, приближается компания каких-то потрепанных мужиков. Среди них и его недавний знакомый, получивший коленом в живот.

Иди сюда, козел!

Черняев в один глоток выпил полкружки пива и вскочил с лавки.

Первого же подошедшего ударил по голове увесистой стеклянной кружкой, которая разлетелась вдребезги. Мужик не успел прикрыться и упал на залитую бетоном площадку. Его товарищу Ярослав кулаком зарядил в висок. Двое уже валялись.

Старый знакомец тоже ринулся в бой, желая отомстить за унижение. Он, размахивая руками, накинулся на Черняева и нанес несколько слабых ударов по лицу. Ярослав немного отошел, а потом хорошенько приложил противнику правым кулаком в солнечное сплетение.

Еще двое алкоголиков стояли в нерешительности.

— Валите отсюда, ублюдки, — прошипел Ярослав.

И они послушно затерялись в частном секторе.

Черняев оглядел беседку, посетовал, что не может спокойно опохмелиться, вечер его находят приключения. Затем взял одного из валявшихся поодаль мужиков и подтащил его к двум другим. После этого поднял тяжелую деревянную лавочку, на которой легко могли уместиться человек пять, и бросил ее на спины несчастным.

«Надо уходить», — вовремя опомнился Ярослав. Он знал, что может увлечься избиением, как было с теми двумя бомжами. Новых проблем он не хотел.

Вышедший на улицу сотрудник кафе опешил от вида трех избитых мужиков, перевернутой лавочки, разбитой кружки, стекла которой усыпали площадку. Парень, естественно, вызвал полицию и скорую помощь. Но Черняев к этому моменту был далеко. Он пришел на остановку и, дождавшись первого автобуса, прыгнул в него, не заботясь о том, куда едет. Ему было наплевать на маршрут, водителя, пассажиров, Тамбов, Черноземье, Россию и на весь мир. Ему не хотелось найти свое место в этой жизни. Ему хотелось двух вещей — денег и приклю-

чений. Ему хотелось не прогибаться ни под кого. Ярослав и считал себя таким — стальным и сильным, поэтому постоянно участвовал в драках, доказывая, что может победить любого противника. Но в основном ему попадались бомжи и пьяницы.

* * *

Работу Черняеву найти не удавалось. И в один из майских дней, смотря по телевизору новости, он нашел для себя неожиданное решение — отправиться воевать на Донбасс. Мысль оказалась привлекательной и будоражащей. Он обдумывал ее несколько дней, а потом решил.

Собрал кое-какие вещи и отправился на автовокзал. За несколько часов доехал до Воронежа. С автостанции на Придаче добрался до Центрального автовокзала и взял билет до Луганска. Автобус отправлялся через несколько часов. Ярослав прогулялся по Московскому проспекту, наслаждаясь шумом большого города. Машин здесь было намного больше, чем в Тамбове, постоянные пробки, аварии, ругань, хамство. «Да, здесь есть, где развернуться», — ухмыльнулся Черняев.

Всю дорогу до границы он проспал. В Марковке во время остановки купил бутылку коньяка и оставшиеся пару часов до Луганска пил его маленькими глотками.

* * *

Несколько дней потусовавшись в Луганске, Ярослав отправился в Ленинск. Недавно город обстреляли, произошли первые короткие бои и перестрелки. Черняев рассудил, что ему нужно отправиться туда. Четыре часа на автобусе — и он оказался в центре небольшого промышленного городка, совсем не похожего на Тамбов.

У прохожих Ярослав узнал, где можно записаться в ополчение, и отправился в городскую администрацию.

— Здесь в ополчение записывают? — спросил Черняев у худощавого паренька, курившего на входе.

Егор вскинул на него взгляд, осмотрел с макушки и до пят. Сделал глубокую затыжку.

— Здесь. Ты откуда сам? — спросил Медянов.

— С Тамбова.

— Стало быть, россиянин. Тамбовский волк.

Ярослав кинул недобрый взгляд, полный непонятных претензий.

— Воевал? — снова задал вопрос Егор.

— Нет.

— Служил?

— Да, в мотострелковых войсках, — раздраженно ответил Черняев.

— Кем был на Родине?

— Ментом.

Егор одобрительно кивнул головой.

— У нас много ментов. Батальон у нас называется «Беркут». Почему решил приехать воевать?

— Помочь братскому народу Донбасса, — зло сверкнул глазами Ярослав.

Егор пристально посмотрел на незнакомца. Не поверил ему. С такой интонацией эта фраза была сказана... Неприятной. От тамбовчанина несло злобой и агрессией.

— Ладно, пойдем. В третьем кабинете запишешься, все документы предоставишь. Потом в городской военкомат поедешь, там военная часть.

— Понял, — коротко бросил Черняев.

Медный покачал головой. Не понравился ему этот незнакомец. Мутный тип, очень мутный. Как бы не засланный казачок. «От него точно будут проблемы. Как пить дать, будут», — тяжело вздохнул Егор.

Андрей и еще несколько человек занимались подсчетом имеющихся боеприпасов и продовольствия. Они сидели в просторном кабинете, обставленном вычурной мебелью. На стене висела довольно большая картина, на которой был изображен Янукович. Не фотография, а именно картина.

— Все еще не сняли? — удивился Егор, зайдя в кабинет.

— А кому она мешает? — Андрей ответил, не оторвавшись от бумаги, по которой водил пальцем.

— Я все-таки сниму. Не могу на эту рожу смотреть.

Медянов подошел к стене и снял картину. Рама была массивной, тяжелой, но Егор почти не заметил этого — тренировки сделали свое дело. Поставил полотно к столу и начал бить ногой по портрету бывшего президента, пока не порвал картину.

— Вот теперь выглядит намного лучше, — засмеялся Егор. — Ну что там? Есть нам чем отстреливаться?

— Патронов для АК хватает. Несколько законсервированных складов вскрыли. Стрелкового оружия — немерено. А вот с остальным как-то не очень.

— С палками на танки? — вскинул бровь Медный.

— Ню не так, чтобы прям с палками. Мало, но на наш век должно хватить, — последнее время юмор Андрея стал довольно черным и мрачным.

— М-да, невесело. Ладно. Заходи, если что.

— Ага, давай.

В коридоре Егор снова встретил знакомого. Тот не обратил на него внимания и пошел к выходу.

Тихая жизнь города постепенно замирала. Война еще не ворвалась в Ленинск окончательно, хотя первый обстрел повлиял на многих жителей, заставил их чувствовать себя неуютно, как будто они лишние здесь, в своей собственной стране. А какой стране? После референдума была объявлена Луганская народная республика, частью которой стал и Ленинск. Некоторые не приняли этих неизбежных изменений. Однако большинство поддержало. Что принесет с собой это новое государство? И есть ли оно уже? «Пока что только на бумаге», — размышлял Егор. Как долго продержится? Как вообще строить республику? Вокруг — ополченцы с автоматами, блокпосты, окопы. За рекой — украинские радикальные националисты, хорошо вооруженные, ненавидящие Донбасс и всех русских, желающие смерти не просто на словах — готовые стрелять. Какое государство, какая Луганская народная республика? До этого ли сейчас?

«Нужно за что-то держаться. Нужна идея, противостоящая кровавому киевскому беспределу. Вот почему сейчас так важна республика, вот почему из-за идеи Новороссии сюда приезжают добровольцы. Нам нужен флаг, под которым мы пойдем вперед и построим жизнь заново», — размышлял Егор, пытаясь дать себе ответ на важные вопросы, которые не могли не возникнуть в сложившейся ситуации. Людям требовалась спасительная соломинка.

Соколов на месте отсутствовал. Он отправился в Луганск встретиться с главой тамошней народной республики Валерием Болотовым, политиком Олегом Царевым и представителями Донецкой НР. Медянов особо не вникал, что за переговоры будут там проходить, но догадаться было не сложно — о скоординированной обороне, создании Новороссии из двух республик, присоединении к этому союзу других регионов Украины. Большие ставки. Сейчас решалось то, как будет выглядеть их новое государство, какой станет Украина. Тогда еще Егор не знал, что

все пойдет не по самому худшему сценарию из возможных, но все же по очень плохому. Никто не знал.

Медянову сейчас нечем было заняться. Да, и такое бывает на войне. Хотя это еще даже не война, даже цветочки не показались, не говоря уже о ягодках. Хотел съездить домой к маме, но передумал. Не хотел лишний раз трепать нервы ей. Ограничился звонком, сказал, что все нормально. Ее это, конечно, не успокоило. После разговора Егору очень захотелось лечь в свою кровать и укрыться теплым одеялом, ему надоели сквозняки и матрасы администрации, ее холодные, безжизненные стены, сырость дыхания. Почему все так мрачно? И на сколько лет в душе установится такое настроение?

Медянов сидел за компьютером в одном из кабинетов и решил включить песни одной из самых странных и депрессивных групп в русском роке:

Давай вечером с тобой встретимся,
Будем опиум курить-рить-рить.
Давай вечером с тобой встретимся —
По-китайски говорить...

«Даже встретиться вечером не с кем. Ника уехала», — горько подумал Егор.

* * *

Черняев дежурил на блокпосте. Окраина большого села, название которого он не запомнил. День был пасмурным и холодным. И скучным. Не происходило ничего. Мужики переговаривались по рации, смеялись над чем-то. Он особо ни с кем не общался. К нему никто не лез с разговорами.

Ярослав плюнул под ноги, нахмурившись еще сильнее. Снял с плеча автомат, открыл дверь «девятки», кинул его туда, а потом сам сел за руль.

— Ты куда собрался?

— В магазин. За водкой.

— Да ты что? А вдруг машина понадобится?

— Зачем? Стоите на блокпосту и стойте дальше. А мне здесь делать нечего. Ладно, я скоро вернусь.

— Хорошо, только водки тогда возьми побольше, — отозвался один из соратников, самый пропитый по виду. — Действительно же делать нечего.

Машина загудела, Ярослав нажал на педаль газа и помчался к сельскому магазину. Село выглядело зажиточно — хорошие дома, покрашены, отремонтированы. Рядом с некоторыми дворами паслись козы и овцы, где-то мычали коровы. Улицы были относительно чистыми. Видать, председатель хороший. В центре деревни на холме находились два магазина — продуктовый и хозяйственный, за ними дальше по улице стоял сельсовет. С другой стороны было здание школы, которое ремонтировали. Ярослав затормозил у магазина, хлопнул дверью автомобиля и, толкнув плечом зазевавшегося селянина, вошел в магазин.

Продавщица сразу догадалась, что это ополченец, потому что он был одет в майку цвета хаки, серые штаны, на поясе висела кобура с пистолетом. Женщина спокойно отнеслась к этому, не чувствуя опасности от этого темного человека.

— Давай четыре бутылки водки, — сказал Черняев. — Палку колбасы, хлеба, сгущенки и воды пару бутылок. Да, еще три пачки сигарет. Что за дрянь здесь продается? Давай «Бонд».

Женщина послушно собрала все названные товары.

— В пакет все положи.

— С вас пятьсот тридцать гривен.

— Что? Какие гривны? Нет у меня ваших денег. Это в счет наших боевых заслуг.

— Каких заслуг? Без денег не отдам.

Женщина начала что-то тараторить, у Ярослава даже голова успела разболеться.

— Иди отсюда! — закончила она.

— Слышишь ты, курица. Бегом давай мою водку. Ты думаешь, я посмотрю, что ты женщина? Да мне плевать.

Черняев ударил кулаком по стеклу витрины, но не разбил его. Достал из кобуры пистолет, взвел курок.

— У тебя длинный язык. И он не до Киева тебя доведет, а до гроба. Поняла?

Продавщица побледнела. Она не боялась ополченцев, считая их своими, людьми, которые встали на защиту простого народа. Ее взгляд изменился, когда она смотрела в дуло пистолета.

— Деньги давай. Все, что в кассе и у тебя есть, — прорычал Ярослав.

Он закипел, увидев замешательство и непонимание на лице женщины. Резко схватил ее за волосы и нагнул ее голову к прилавку.

— Мне ничего не стоит убить тебя здесь. И мне ничего за это не будет, понимаешь? У меня право. Право сильного.

В этот момент в магазин зашел старик. Местный долгожитель, ветеран, гнавший фашистов до Польши. Там получил сильное ранение, но выжил. Его комиссовали. Видел маршала Георгия Жукова.

— Что происходит? — вскричал дедушка. — Что происходит? Ты что творишь, сынок? Нина, ты как?

— Пошел вон отсюда, хрен вонючий, — Ярослав все больше злился. — Будешь пениться — прибью.

— Ты кто таков? Я ветеран...

Черняев обернулся и наотмашь ударил дедушку ладонью. Тот пошатнулся, не удержал равновесия и упал на холодильник с мороженым. Потом сполз на пол. Продавщица взмолилась, просила не убивать их, собрала все деньги и отдала Ярославу.

— И пакет, — напомнил он. — Теперь ты будешь платить мне.

— Но я не хозяйка.

— Передашь своему хозяину. Иначе все село сожгу. Чтобы водка всегда была и деньги. Понятно? Смотри, мы еще увидимся. Будешь трепаться — готовь себе гроб. Я шутить не люблю.

— Хорошо, хорошо.

Когда уходил, Черняев специально наступил на ногу старику. Дедушка стиснул зубы, пытаясь побороть боль. На его лице появились слезы. Ярослав поднял его деревянную палочку и сломал ее об колено.

Выйдя из магазина, тамбовчанин открыл одну бутылку водки и выпил залпом почти половину. «Не грех наведаться и в соседний магазин. Пусть знают, кто здесь власть», — заметил он.

Вернулся с водкой, едой и деньгами, которые честно поделил между мужиками.

— Село под нами, — сказал Ярослав. — Раз это наша земля, которую мы защищаем, то и получать мы что-то должны, правильно? Зарплату нам-то не платят, а жить на что-то надо.

И никто ему не возразил. И все согласились. И пили весь день и полночи.

Под утро Ярослав очнулся. Его тошнило. Он умылся водой из бутылки. Нашел бутылку, в которой еще оставалась водка. Выпил. Во рту стало горько. Он вспомнил маму, которая умерла несколько лет назад. В ее смерти Черняев почему-то винил себя. С тех пор он стал очень злой. Выпил еще раз, морщась от запаха.

«Интересно, а дивчины в селе есть красивые? Утром надо будет проверить», — решил Ярослав.

На Ленинск готовилась атака. Сокол и его батальон об этом знали. Все ожидало нападения буквально каждый час. Из-за этого время тянулось. Егор не ощущал беспокойства. Он ездил по улицам, следил за порядком. Ленинск все больше напоминал город-призрак. Люди либо уезжали, либо не выходили из домов. Но Медянов об этом не задумывался. Он выполнял приказы Владимира Соколова, их становилось все больше, времени на раздумья и рефлексии оставалось все меньше. Егору нравилось. Он получил не только боевую подготовку, научился стрелять, обращаться с гранатами и взрывчаткой, но и обзавелся управленческим опытом. Следил за тем, как ведет себя командир, какие приказы отдает, сам иногда передавал особо важные и секретные приказы.

Единственные мысли, которые периодически появлялись в голове Егора, — «Ника скоро родит» и «как там мама?».

Война в Ленинске началась через неделю после референдума и провозглашения независимости.

Ночью грянул обстрел. И не такой, как в первый раз — всего несколько снарядов на пробу, — а сильный, злобный, безостановочный. Сокол приказал включить систему гражданской обороны, заработала сирена, противный звук был слышен по всему городу. Оставшееся население на сигнал тревоги реагировало вяло, выглядывали из окон посмотреть, куда падают украинские бомбы. Вспышки от разрывов снарядов на считанные секунды освещали ночное небо. Обстрел велся преимущественно по северу Ленинска. Люди, которые там жили, либо прятались в ванных комнатах, коридорах, падали на пол, когда взрывная волна выбивала стекла, либо спускались в подвалы.

Особенно тяжело было семьям с детьми. Малыши плакали навзрыд, не понимали, что происходит, почему все вокруг гремит. Родители пытались объяснить, что это просто гроза, пошел внезапный дождь, погода испортилась. Но лица их были беспокойны, и это беспокойство передавалось детям. А тем, кто был уже более взрослый, лет восемь или десять, объяснять уже ничего не надо было.

Сокол понимал, что отвечать нечем, артиллерии нет. На севере за городом стоял танк. Его окопали и замаскировали. И вот теперь он пригодился. Владимир отдал приказ блокпосту №1 открыть ответный огонь. Танк несколько раз выстрелил. Позиции украинцев ночью были не видны, но днем вдалеке их можно было рассмотреть. Экипаж знал, куда стрелять.

Противник пытался вычислить, где находился стрелявший танк. Снаряды националистического украинского батальона щедро сыпались на окраину Ленинска. Одна из бомб попала в жилой девятиэтажный дом, начался серьезный пожар. На его тушение отправились спасатели, включившие мигалку. Как только они подъехали к месту происшествия, очередная мина попала в машину. Экипаж погиб. Дом продолжал гореть, огонь переходил на верхние этажи. Другие автомобили спасателей добрались до многоэтажки и начали тушить возгорание. Рядом свистели снаряды, но сотрудники МЧС на это не реагировали. Позже приехали медики, они пошли в здание вместе со спасателями, вытаскивали пострадавших.

Командир был сердит. Егор видел, как Владимир негодовал, хотел что-то предпринять, но мог усидеть на месте. Он готов был идти в рукопашный бой, лишь бы остановить этот артобстрел.

— Суки, мы им еще покажем, они еще хлебнут по самое не балуй, — Сокол охрип от злости.

Он отдал приказ направить танк, который находился на западной окраине, на север, чтобы усилить ответный огонь. Экипаж занял удобную позицию — возвышение над рекой, которое находилось северо-западнее блокпоста №1. Таким об-

разом, вторая бронемашина оказалась ближе к врагу. С этого холма ополченцы-танкисты начали прицельный обстрел населенного пункта, где стоял противник и откуда вела огонь вражеская артиллерия.

Сокол опасался, что нацбаты в этот момент атакуют запад Ленинска в районе блокпоста №2. Он очень рисковал, отдав приказ отправить второй танк на подмогу первому. Владимир рассчитывал, что украинцы в атаку не пойдут. Наверняка, сейчас они просто прощупывают оборону города.

Грохот продолжался до самого утра. Неизвестно, сколько погибших было среди гражданского населения. Соколов опасался, что будет много жертв. Когда стрельба стихла, он отдал приказ собрать всю информацию о погибших и раненых, обзвонить больницы и morgi. Подготовить материал для публикации в газетах и интернете. Люди должны знать.

Медный, выполняя поручение командира, взял уже знакомый синий «жигуль» и отправился осмотреть север Ленинска, чтобы потом доложить Соколу. За Советской площадью, на которой стоял памятник Иосифу Сталину, начинались жилые кварталы. И чем дальше от центра, тем больше было разрушений. Стены многих пятиэтажек пробили снаряды, осколки кирпича разлетелись вокруг домов, сверкали тысячи мелких осколков стекла. Некоторые деревья, возле которых разрывались мины, сломались, упали на припаркованные автомобили или стоящие дома, разбив окна. Где-то вокруг развороченных снарядами стен можно было заметить копоть: значит, произошел пожар. И таких квартир было немало. Сильно пострадал один из частных домов. Обстрел почти уничтожил его: крыша провалилась внутрь, стены норовили вот-вот завалиться. Уничтожены до сих пор работали здесь.

Егор обратил внимание, что во дворах много людей. После того, как обстрел прекратился, народ высыпал на улицы. У жителей были скорбные лица. Они ничего не могли поделать с войной, ворвавшейся в их жизнь. И все-таки горожане, в особенности пожилые, не стали сидеть сложа руки: принялись собирать в кучи мусор, уносили его в сторону от дворов, пытались отремонтировать сломанные беседки, детские площадки. Все, что еще как-то могло пригодиться, они не выбрасывали. Старикам на помощь подошла и молодежь. Появились бутылки, закуска — люди, садясь передохнуть, молча выпивали. Мало кто понимал, что началась настоящая долгая война. Многие верили, что это какая-то провокация. Все пройдет, стороны конфликта договорятся, вмешается Россия, полномасштабных боевых действий не допустят. Они тогда не знали, что с каждым днем будет становиться только хуже, только тяжелее. И многие оставшиеся захотят уехать из города в более безопасное место. Но уже не смогут.

Перед тем, что сейчас увидел Егор, меркли всего былые переживания, даже те, что были связаны с Вероникой и ребенком. Его народ расстреливали и уничтожали без сожаления. Поэтому выбора не оставалось. Надо воевать.

Недалеко был блокпост №1. Медный решил заехать к ребятам.

Остановил машину возле бетонной сваи и, закурив, вышел. Впереди на дороге лежали деревья, мешки с песком, некоторые из них валялись на асфальте разодранные, поперек дороги стояли сгоревшие фура и грузовик.

— Ну как вы? — спросил, нахмурился.

— Да ничего, более-менее, — отозвался Иван Федоров с позывным «Опер» — бывший милиционер, раньше служил в танковых войсках. Именно он и управлял экипажем. — Несколько трехсотых у нас. Нацкики либо косые, либо палят наобум от нечего делать. Правда, в фуру и грузовик попали, видишь, сгорели. Так что передай Соколу, держимся.

Егор кивнул и выпустил струйку дыма.

— Что в городе? — спросил Опер.

— Ничего хорошего. Украина сильно пострадала.

— Жертвы есть?

— Есть, но сколько именно, еще неизвестно. По крайней мере, машин скорой помощи по городу много мотается...

Медянов обошел все заграждения, вышел из-за блокпоста и посмотрел вдаль. Через пару километров был разрушенный мост, а под ним проблескивала быстрая река Селезневка, впадавшая южнее в Северский Донец. На другом берегу за разросшимися деревьями можно было разглядеть серые крыши домиков. Где-то там стоял украинский нацбат, расстреливавший ночью город. Егору захотелось немедленно броситься в атаку, чтобы выместить на противнике всю свою злость к нему.

Вернувшись в штаб, Медный доложил Соколу о разрушениях в городе.

— На окраине есть девятиэтажка. Она почти пустая, — рассказывал Егор. — Оттуда будет хорошо вести огонь по противнику. С крыши все видно, как на ладони. Поставить туда минометный расчет, снайперов и можно быть спокойными за блокпост №1.

— Хорошо, разберемся, — сухо ответил Владимир. Его лицо выражало сосредоточенность. Он сидел в своем кресле, стуча пальцами по лакированной поверхности стола.

— Надо дать ответку. Жесткую и решительную. У нас практически нет тяжелого вооружения. Зато стрелкового — хоть отбавляй. Нужно совершить вылазку, — размышлял Сокол. — Они этого не ожидают. Эффект неожиданности.

На разработку плана и подготовку атаки ушел целый день.

После обеда Ленинск снова обстреляли. Не так долго, как ночью. Всего около часа. Но и этого хватило. Новые разрушения, новые раненые.

А весна плавно переходила в лето. Город цвел, дурманил ароматом цветов, небо поражало глубиной. Хотелось растянуться на лавочке и залипнуть на ней на целый день, любуясь окружающей красотой. Все хорошо, если бы не война.

Всю ночь Егор ворочался, перед атакой спал плохо. Ему снился отец. И детство. Медянов открыл глаза и посмотрел на темную стену, потом на потолок. Поправил кожаное пальто, которым укрывался. Наверное, раньше оно принадлежало чиновнику, который работал в этом кабинете. Теперь пальто служило одеялом, ночи были еще по-весеннему прохладными. Скинул пальто на пол. Надо было вставать. Сна — ни в одном глазу. Прошел по темному коридору, запнувшись о старый длинный ковер, появившийся в мэрии еще в советское время. В конце коридора Егор подошел к зеркалу, машинально взглянул на свое лицо. Такое неродное, чужое, отстраненное. И вообще тревожно на душе. Из-за того, что надо идти в атаку? Нет. Егор удивлялся своему спокойствию по этому поводу. Не такой уж он бесстрашный боец... А не боязно. «Может, это значит, что меня убьют? Так обычно и бывает. Хотя откуда мне знать, как обычно погибают?» — размышлял он. Но почему на душе беспокойно? С мамой что-то? Да звонил днем, все нормально. А что тогда? С Вероникой? Она уехала, ей ничего не угрожало. Что тогда? Как будто ошибку какую допустил и не можешь понять, где именно. Ребенок? Сын... Что с ним?!

Видимо, существует какая-то необъяснимая связь между людьми. Чувствовал он что-то. А что — понять не мог. Медянов не мог знать, что именно сейчас Ника рожала в Воронеже. Роды проходили непросто. Врачи сделали ей кесарево сечение. Родился новый человек. Его сын. Но сейчас он не знал об этом.

* * *

Они переходили реку Селезневку. Местные знали, что если идти от моста на восток, то можно найти брод, где очень мелко. До рассвета еще было время, за которое надо успеть добраться до поселка, где стояли украинские нацбатальоны.

Егор обернулся и взглянул на город, огни которого были немного видны. Звучали выстрелы артиллерии, мины падали на дома и улицы. Грохот то и дело доносился до его ушей. Этот грохот звал в бой, звал мстить за то, что натворили бывшие соотечественники.

Группа ополченцев перешла реку и направилась вверх по склону, продвигаясь к поселку. Территория не была заминирована. То ли украинские воюки еще не успели закрепиться, то ли просто пренебрегали обороной, не рассматривая возможность нападения на свои позиции.

Двигались осторожно и бесшумно, как тени. Стремительно, как хищники. Все воины отряда имели боевой опыт. В атаку пошли самые умелые и сильные, натренированные и обстрелянные. Руководил группой Армен. В военных делах он был правой рукой Соколова.

Сам Владимир сейчас находился на блокпосту №1. Он руководил бойцами, которые усиленно отстреливались, защищая город. Сокол наблюдал в бинокль за поселком, держал связь с отрядом. Когда ополченцы подойдут к поселку, Армен сообщит об этом Владимиру, и тот даст приказ прекратить огонь, чтобы не попасть по своим.

Отряд подобрался к поселку с восточной стороны вплотную. Прикрываемый частными домами, стоял «Град», безжалостно выпуская острые иглы снарядов, вонзая их в город. Армен приказал рассредоточиться, найти еще цели — боевую технику и людей противника. Уже через несколько десятков метров начиналась улица, по бокам усеянная частными жилыми домами. Егор и еще несколько человек отделились и начали обходить поселок, направившись на север. Медный, стараясь не шуршать травой, листьями и ветками, подобрался к темному забору, который огораживал крайний к посадке двор. Он выглянул и в дальнем конце улицы заметил несколько машин, освещаемых светом из окна. Это были военные машины, защитного цвета, но не бронетехника. Хотя Егору показалось, что дальше, там, куда не достает свет, стоит либо БТР, либо танк. С уверенностью сказать было нельзя. Понятно лишь одно — здесь расквартированы бойцы. Он указал на цель. Приготовились к атаке.

Армен вскинул на плечо РПГ-18, больше известный как «Муха», взял на мушку «Град», хорошенько прицелился и выстрелил. Кабина моментально вспыхнула, машина дрогнула, прекратив обстреливать город. Однако свист по-прежнему был слышен: где-то еще стояла артиллерия.

Группа ополченцев, в которой был Егор, стремительно пронеслась по улице, оказавшись возле дома, в котором были нацики. Вроде бы скрипнула дверь — кто-то хотел выйти. Раздались автоматные очереди. Бойцы батальона «Беркут» расстреливали дом практически в упор. Повалились ворота. Видимо, хиленькие были. В мгновение все окна были разбиты пулями. Внутри дома погас свет. Егор выдернул чеку и кинул гранату. Взрыв разнес веранду, крыша покосилась. Медный упер приклад автомата Калашникова в плечо, прицелился и начал стрелять по дверным проемам и окнам, они были хорошо различимы среди желтых стен дома. Весь транспорт надо было сохранить. Глядишь, что-то полезное найдется.

Улицей ниже шел отряд Армена. Вскоре они вышли на небольшую площадь — в центр села, где находился единственный магазин и сельсовет. Понятно было, что нужно штурмовать именно сельсовет — там штаб нацбата. Ополченцев встретили плотным огнем, пришлось найти укрытия и не забывать отвечать. С обеих сторон летели гранаты, в ночи раздавались взрывы — их вспышки то и дело озаряли площадь.

Местные жители, услышав автоматные очереди и близкие взрывы, спрятались в подвалах. У кого подвала не было, лежали под кроватями. Что происходит, они могли только догадываться.

К площадке вышла и группа, в которой был Егор. Они оказались с тыльной стороны здания сельсовета. Бойцы открыли автоматный огонь. Радикалы нацбата оказались зажаты с двух сторон. Судя по всему, в сельсовете сидело немало стрелков, патронов и гранат у них также хватало. Стремительное продвижение ополченцев остановилось, наткнулось на преграду. И исход этого боя был неясен. Кто одержит верх? Сколько вообще сил у противника в этом селе?

Перестрелка затянулась, победителей не наблюдалось.

Егор сделал то, чего сам от себя не ожидал. Он прекратил огонь и вернулся к расстрелянному дому, возле которого стояли машины. Забрался в армейский джип, надеясь, что он бронированный. Ключи были в замке зажигания. Запустил мотор. Не включая фар, начал движение, все больше разгоняясь по мере приближения к сельсовету. Уже перед самой площадью начал сигналить, чтобы не сбить своих. Звук растворился в общем грохоте. За поворотом показалось светлое здание сельсовета. Егор резко повернул руль, направляя машину в штаб противника. Автомобиль ракетой устремился к цели. По пути он снес какие-то заграждения, но не остановился. Удар был нацелен на маленькую дверь запасного выхода. Медянов приготовился к столкновению. Вместе с дверью машина вынесла часть стены. Егор сильно ударился грудью о руль, но времени было мало. На непонятных внутренних силах, преодолевая боль, он выполз из автомобиля, бросил взгляд вокруг и оценил обстановку. Достал гранату, точным броском отправил ее внутрь сельсовета. Пригнулся. Раздался хлопок. Затем другой. На этом гранаты кончились. Поднял автомат выше головы и через оконный проем начал плотно стрелять, надеясь уложить еще хоть кого-нибудь. Упал на асфальт и стал отползать, опасаясь попасть под огонь и врага, и своих товарищей.

Действия Медянова оказались успешными. Мало того что он внес сумятицу в ряды противника, так еще одна из гранат зажгла ящик с коктейлями Молотова. В здании начался пожар. Часть нациков бросилась его тушить, поэтому снизилась плотность ответных выстрелов из сельсовета. Через несколько минут пламя, видимо, добралось до боеприпасов. Они детонировали. Ополченцам уже и стрелять не надо было — украинским воякам было не до того. Штаб всюду пылал.

Егор дополз до позиций ополчения. Повернулся на спину и увидел результаты своей боевой работы. «Так бы ты строил, как разрушаешь», — подумал он. Ему не было жалко людей внутри здания. Поднялся и отряхнулся.

Подошел Армен.

— Ну ты маладэц. Настоящий воин, — и похлопал по плечу. — Показал сэбя в баю.

К утру поселок был зачищен от украинских солдат. Удалось взять в плен несколько человек, их доставили в Ленинск. Ополчение начало укрепляться в населенном пункте. К вечеру ожидали ответную атаку нацбатов, поэтому за короткий промежуток времени требовалось превратить село в крепость.

Медный вернулся на базу. Он чувствовал усталость, болели мышцы, ломило кости. Он грохнулся на диван в кабинете и долго лежал. Казалось, что про него все забыли. «Ну и хорошо. Может, меня здесь вообще нет», — подумал Егор. Хотел подремать, но пришел Андрей. Впервые в военной форме.

— Я тебя сто лет не видел! — обрадовался Медянов.

— Да хорош тебе. Всего день, — удивился Шишков.

— По нашей жизни это уже много. Ты где пропадал?

— Ездил по поручению Сокола, — сказал Андрей.

— Куда?

— Да в села, подконтрольные нам.

— И чего там?

— Секретная информация.

— Ты прикалываешься? — не понял Егор.

— Да. Ну, боевые действия идут только у нас. По деревням спокойно. Некоторые вообще не знают, что у нас тут война идет.

— Счастливые люди.

— Верно. Как прошла атака?

— Нормально. У нас без потерь. Два раненых только, — удовлетворенно отметил Медянов. — Пленных взяли. Отвели к Овчаренко. Пусть он сведения добывает.

— Так сегодня город не будут обстреливать? Это хорошая новость.

— Да это только начало. К вечеру на нас пойдут, сто процентов даю. А мы не удержим это село.

— Думаешь, не удержим?

— Нет. Нам надо сразу дальше продвигаться. А как? У нас столько сил нет. Толку, что мы его взяли? Ну будут обстреливать нас не оттуда, а с деревень, которые дальше стоят. Один хрен.

— Ты что-то пессимистично настроен, друг мой.

— Да устал, наверное, просто. Я как после обстрела проехался по Ленинску... — Егор мотнул головой. — Некоторые убитые еще лежали. Как это можно простить?

— Пойдем покурим, — попытался отвлечь друга Андрей.

На улице стоял жаркий полдень, яркие краски били в глаза, блики от машин и стекол заставляли щуриться, искать укромный уголок. По улицам ходили люди, правда, не так много, как раньше. Гуляли даже мамы с детьми. Егор с жалостью посмотрел на них. Ему хотелось закричать: «Что вы здесь забыли? Уезжайте! Война идет!» Он понимал, что, скорее всего, ехать им некуда, их нигде не ждут. И наверняка у них есть причины, чтобы остаться. Медянов надеялся, что эти мамы с детьми хотя бы осознают всю опасность сложившегося положения.

— Слушай, Егор, — затянувшись дымом сигареты, начал Андрей. — Сейчас война идет и все такое. Но я бы хотел тебя попросить... Может, это, конечно, не к месту...

— Что?

— Я хочу, чтобы ты был дружкой на моей свадьбе.

— Ты жениться решил?

— Да. Всем нам нужно что-то хорошее. Яна сама предложила. Тяжело она все это переживает. Так что?

— Да, конечно, я буду дружкой на твоей свадьбе.

— Одной проблемой меньше.

— Пожалуй, самой серьезной, — рассмеялся Егор. — Я поздравляю.

Медянов вернулся в свою берлогу. Ему захотелось, как настоящему медведю, впасть в спячку и проснуться только тогда, когда война закончится. Удалось поспать. Удивительно, но никто его не искал.

Разбудил грохот взрывов. Он медленно поднялся, взял с пола автомат и повесил через плечо. Вечерело, краски тускнели, наполнила темнота. Открыл поскрипывающую дверь и вышел из кабинета. В штабе было пусто. Подошел к дежурным у входа.

— Ну что? Опять стреляют? — спросил у них Егор.

— Да. Идут бои на северной окраине.

— А Сокол где?

— Он уехал.

— Понятно.

И что дальше делать? Приказов никаких нет. Пойти спать? Медянов никак не мог избавиться от противного ощущения на душе. У него и лицо последнее время

было искажено в какой-то страдальческой гримасе. Недавний сильный обстрел оставил в его душе глубокую рану.

Снаружи грохотало. Егор вернулся в кабинет, сделал себе чай. Поесть он ничего не нашел. Открыл окно, чтобы проветрить душное помещение. «Надо что-то делать», — вздохнул Медный. Допив чай, решил найти Андриюху. Тот сидел в своем кабинете и разговаривал с кем-то по телефону. Жестом показал Егору присесть. Шишков был хмурым и напряженным. Договорив, небрежно бросил телефон на стол.

— Похоже, прав ты был. Нас выбивают из-за речки.

— Хреново.

— Да, там бои сейчас идут жестокие. Нациков понаехало...

— А где Сокол? Что он говорит?

— А что тут скажешь? У нас бойцов ох как мало.

— Он подкрепление отправил? Может, я поеду туда? Все равно ничего не делаю, — предложил Егор.

— Нет, Сокол приказал отступить. Мы не удержим село, не успели хорошо подготовиться к атаке. Там все минировать надо было, а времени не хватило.

За окном раздавались однообразные взрывы, навешающие не столько страх, сколько тоску. И Егор, и Андрей уже успели немного привыкнуть к этому неизменному элементу войны. Медянову не сиделось на месте, в такие моменты ему хотелось что-то делать, чтобы отвлечься. Сокол куда-то уехал и не оставил никаких указаний.

К селу, которое ополченцы заняли рано утром, подступили серьезные силы противника. Националистические батальоны решили не вступать в ближний бой, они разносили деревню артиллерией. В несчастный поселок летели все виды снарядов, которые были у украинских радикалов. По трассе к селу продвигались танки и бронетранспортеры. Горстка ополченцев, сражающихся за поселок, не могла толком ничем ответить, им приходилось сидеть в окопах и подвалах. Ополченцы могли вступить только в автоматный бой, но противник был на приличном расстоянии. Делать было нечего, оставалось ждать. Снаряды уничтожали несчастную горстку домов, от зданий оставались лишь груды горячих кирпичей, остовы строений дымились. Сколько мирных жителей было сейчас в селе, никто не знал. Кое-где они сидели по подвалам вместе с ополчением. Националисты решили просто уничтожить небольшой поселок артиллерией, чтобы там уже никогда никого не было.

Отряд получил приказ от Сокола отступить, но пока такой возможности не представлялось. Огонь был очень плотный. Продолжалось это очень долго — несколько часов. Украинские националисты подбирались к поселку, но не спешили вступать в бой.

Владимир Соколов, фактический руководитель Ленинска и командир батальона «Беркут», отдал приказ сосредоточить все тяжелые орудия на блокпосту №1. Когда это было сделано, он приказал открыть ответный огонь по противнику, чтобы дать возможность ополченцам покинуть деревню. Сокол сказал, что нужно увести всех мирных жителей, которых удастся найти. Он понимал, что село сравняют с землей.

Эта тактика принесла свои плоды. Нацбаты не ожидали такого мощного огня со стороны ополчения. Им пришлось снизить интенсивность обстрела и отступить. Артиллерия ополчения стреляла фактически вслепую, предполагая, где находятся расчеты противника. Тем не менее, это дало время отряду и оставшимся жителям покинуть село. Сколько было жертв, не знал никто. Но если бы не приказ Сокола, их было бы в разы больше.

К полуночи отряд вернулся в город. Изможденные, злые лица бойцов, испу-

ганные, заплаканные, несчастные лица мирных жителей. Казалось, даже маленькие дети постарели. Владимир Соколов приказал разместить спасенных в общежитиях.

Город обстреливали. Час, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь...

Попали в подстанцию, и половина Ленинска осталась без света. На место сразу отправились электрики, но попали под обстрел. Водитель, виляя по ночной дороге, объезжал ямы и воронки. Совсем рядом раздался взрыв, заложило уши, поднялся столб пыли, которую водитель и электрики ощутили на зубах. Они ехали, как на казнь. Никто из них никогда не думал, что надо будет работать в таких условиях, но никто не отказался. Бригада прибыла к подстанции. В этот момент украинские военные дали очередной залп по городу. Целенаправленный удар по подстанции. Рабочие погибли.

Егор не помнил, как он заснул. Проснулся вспотевшим. В кабинете уже было жарко. На улице вовсю светило солнце, даже слышалось чириканье воробьев и ласточек, красиво пела какая-то птица, может быть, соловей, приветственно каркнула ворона. Медянов прислушался к шуму листвы, тихому дуновению ветра. Так хорошо на душе стало. Ему казалось, что он не должен испытывать сейчас никаких нормальных чувств. Ведь идет война, гибнут люди. Но что поделать, если они есть наперекор всему?!

Впервые за долгое время Егору захотелось включить компьютер и посидеть в интернете. Он включил старенький ПК, которым никто не пользовался. Компьютер долго загружался, постоянно тормозил и сначала не хотел подключаться. Но потом все же устройство заработало более или менее нормально. Медянов открыл браузер и зашел в социальную сеть, чтобы посмотреть, нет ли каких сообщений. Действительно, было несколько писем. Вверху страницы висело последнее из них, присланное сегодня ночью. Оно было от Вероники: «Привет. Поздравляю, ты стал отцом. Мальчик, как и показывало УЗИ. Решила назвать Иваном. Иван Егорович. Мне нравится. Как там у вас дела?» Егор, немало переживший за эти несколько дней, и испытывавший более чем сложные чувства, запутавшийся в себе, с отвращением смотрящий сейчас на этот проклятый мир, вдруг посветлел. Будто понял что-то или получил благословение. Стоило пережить эти бои, чтобы узнать такую новость! Он почувствовал, как душа рвется к сыну. Ему захотелось собрать вещи и поехать в Россию, хотелось взглянуть на нового человека и понять, кто он.

Егор написал ответ: «Привет. И я тебя поздравляю. Жаль, что не могу быть сейчас рядом с вами. Пришли мне фотографии малыша. На кого он похож? Постараюсь прислать денег, как только они появятся».

Потом он позвонил маме.

— Ну что, поздравляю. Ты стала бабушкой.

Мама сначала растерялась, потом обрадованно залепетала, засмеялась.

— Ладно. У тебя там все нормально? Тихо? Ну хорошо. До связи.

Медянов вышел в коридор и сразу же наткнулся на Сокола с двумя охранниками.

— Ну, где тебя носит, Медный? — шутливо вскинул руки Владимир. — Ты служишь, раздолбай? Что ты глаза на меня пучишь и улыбаешься?

— Я стал отцом!

— Поздравляю! — Соколов пожал руку Медянову. — Ладно, еще успеем порадоваться. А сейчас найди Бориса и с его отрядом отправляйся на блокпост №2. По информации разведки, на нас идет колонна.

Сокол тревожно смотрел на Медного. Он хлопнул его по плечу и немного тише добавил:

— Осторожно там. Лишний раз не рискуй, сорвиголова. А то я тебя знаю.

— Все будет нормально. Город удержим.

— Дай-то Бог.

Ярослав встал с кровати, взял пачку сигарет, достал одну и закурил. В доме на побеленных стенах висели старые ковры, мебель рассыпалась, телевизора не было. Черняев присел на стул, который закрипел, явно собираясь развалиться.

— Как вы здесь живете? — удивился он.

Зазвенели пружины кровати, послышались всхлипы.

— Ну чего ты? Давай без этого.

Он сидел к ней спиной и не хотел поворачиваться. И не потому, что чувствовал за собой вину. Просто она была ему противна. Нет, с точки зрения женской красоты она была очень привлекательна. Первая девка на селе, как говорится. Ярослав достал из небольшой сумки деньги и кинул на стол.

— Хватит ныть! Как будто девственница. Не строй из себя тут. Небось, со всем селом уже спала? Строишь из себя недотрогу.

Он кинул окурок прямо на пол и притоптал его ногой. На долю секунды почувствовал жжение, которое быстро прошло.

Девушка сидела на кровати, прикрывшись одеялом. По ее щекам текли слезы, она вздрагивала и бесшумно всхлипывала, боясь, что Черняев ее побьет. Ярослав бросил на нее хмурый взгляд.

— Языком никому не трепись. Поняла?

Ему не понравилось, что она ничего не сказала в ответ. Он подскочил со стула, схватил ее за волосы и встряхнул.

— Поняла?

— Да, — тоненьким голоском ответила девушка.

— Хорошо. Приготовишь что-нибудь поесть, зайка? — ехидно процедил Ярослав.

Она осторожно встала с кровати, все еще прикрываясь одеялом. Он схватил его край и дернул. Одеяло вырвалось из рук красавицы, обнажив ее шикарные формы.

— Вот так-то лучше.

Черняев вышел в сени, обулся, открыл старую облущенную деревянную дверь и вышел во двор. Хорошо на улице — лето. За воротами виднелись высокие тополя, музыкально шумевшие от легкого ветерка. В вышине быстро пробегали белые облачка. За двором бегала ребятня.

Послышался удар в дверь сарая.

— Уймись там, старая! — пробасил Ярослав. — А то застрелю, как бешеную собаку.

— Стреляй, подонок! Я смерти давно не боюсь, гад! — голос старушки звучал приглушенно, но Черняев расслышал слова. Он рассмеялся, подошел к сараю и ударил по двери в ответ.

— Хорошо в деревне летом, — издевательски произнес Ярослав.

«И кто скажет, что жизнь не удалась?» — весело подумал он.

В гараже спал пьяный Валера, обнявший ружье. Он тяжело храпел и постанывал.

— Вставай, пора за работу! — пнул его ногой Черняев.

Валера не отреагировал и получил еще более сильный удар по ноге. Но нужно-го эффекта и это не возымело.

— Ну и хрен с тобой...

Ярослав с интересом посмотрел на старый мотоцикл, стоявший в углу гаража. Аккуратно пробрался к нему через ящики с хламом, пригибая голову из-за низких потолков. Вывел мотоцикл на улицу, открутил крышку бака и присмотрелся. Бензина было мало. Черняев вышел за двор и окинул взглядом широкую улицу. На ней не было асфальта, серая лента пыльной дороги вся была в буграх и

ямах, по бокам росли старые дубы, прикрывавшие своими ветвями хилые дома, стоявшие за ними. Улица заканчивалась рощей гигантских тополей с вкрапленными стройных березок. С правой стороны открытое пространство — поля, на которых в основном пасли коров. Был на этой тихой длинной улице и перекресток, позволявший свернуть налево и попасть в центр села.

Черняев подошел к колонке и нажал на рычаг. Тонкая слабенькая струйка потекла из нее. Ярославу перехотелось пить. Он раздраженно взглянул на тщедушную колонку и в сердцах пнул ее. Он не любил все тоненькое и слабенькое.

Направился к двору, стоявшему на противоположной стороне улицы. Дом выделялся среди соседей большими размерами и свежей окраской. Черняев дернул ручку на воротах, но они не открылись. Хозяйка предусмотрительно заперлись, узнав, что сюда приехали люди с оружием, а вечером раздавались женские крики. Ярослав подошел к дому и, дотянувшись до высокого окна, постучал. Никакого движения он не заметил. Может, хозяйка ушли или уехали? Он отошел к дороге и нашел камень поувесистей. Прицелившись, Ярослав кинул его в окно. Бросок оказался точным, стекло разлетелось. Через несколько секунд во дворе слышался шум.

— Проваливайте! — закричал из-за ворот мужчина.

— Так ты гостей встречаешь?

— Пошли вон!

— Нехорошо, отец, — покачал головой Ярослав. — У тебя бензин есть?

— Нет! Не дам!

— Да ты выйди, поговорим.

Больше мужчина ничего не отвечал. Черняев разозлился и с разбега ударил ногой в ворота. Тонкий металл зазвенел, столбики, на которых он держался, пошатнулись. В этот же момент раздался выстрел. Ярослав упал. Он отполз и оглянулся — в воротах зияла дыра, искорежившая металл.

Черняев подобрался к дому, с трудом ухватился за карниз и, подтянувшись, залез внутрь через разбитое окно. В комнате пахло чистотой, на стенах висели ковры, стоял большой телевизор. Черняев, выходя на улицу, не взял оружия. Он заметил вазу, выбросил из нее искусственные цветы и крепко сжал левой рукой. Женщины в другой комнате закричали, когда поняли, что в доме находится посторонний. Глава семейства уже возвращался в жилище. Ярослав заметил в маленьком коридоре крепкого седого мужчину с белыми усами. В руках у него было ружье. Черняев бросился к нему, пока дуло смотрело в пол. Ударил вазой по рукам, державшим оружие в тот момент, когда мужчина пытался поднять его, чтобы прицелиться. Осколки посыпались на пол, на них капала кровь. Ярослав выхватил из ослабевших рук двуствольное ружье и лбом ударил хозяина дома. Тот отступил и схватился за нос окровавленными ладонями.

— Грохнуть бы тебя, дурака! — прошипел Черняев. — Да патрона жалко.

Он зашел в соседнюю комнату. Там на диване сидела женщина в годах и девочка лет шестнадцати. Они вжались в угол и с ужасом смотрели на незваного гостя.

— Тихо сидите. Я вас не трону.

Вернулся к престарелому мужчине.

— Отец. Так гостей не встречают. Бензин у тебя есть?

Глава семейства молча смотрел на незнакомца, сжимая нос.

— Ты сам себе подписываешь приговор. Мне нужен только бензин. Если тебе так хочется, что можешь погибать из-за него.

Старик махнул рукой, мол, пойдем. Они вышли из дома.

— Сейчас вынесу из гаража. Жди здесь.

— Нет. Может у тебя там еще одно ружье. Так что будь на виду — и без резких движений.

Зоянин двора осторожно открыл двери гаража. Ярослав внимательно следил за ним. Мужчина взял канистру и вернулся, поставив ее перед незванным гостем.

— Проваливай теперь.

Ярослав взял канистру в левую руку, правой сжимал ружье и аккуратно отходил спиной к воротам. Открыл засов, нажал на ручку. Старик внимательно смотрел на незнакомца.

— А еще говорят, что украинцы — гостеприимный народ.

Черняев вернулся к мотоциклу и заправил его.

Забрав сумку с деньгами и оружие, направился в соседний дом, где расположился отряд. Многие уже протрезвели, некоторые еще спали. Они даже не слышали выстрела ружья. «Мистика», — подумал Черняев.

— Я тут себе мотоцикл присмотрел, пацаны. Я теперь байкер. Давайте, по машинам. Надо объехать соседние деревни.

Он подавлял остальных, они чувствовали в нем силу и злость. Не смели перечить. Вообще они были довольны, что была водка, закуска и деньги. Поэтому и возражать особо не торопились.

Отряд разместился в джипе, который они отобрали у владельца накануне. Начинался очередной день со скучной работы по выбиванию денег.

Вечером Ярослав вернулся, как и обещал девушке, первой красавице на селе. Он был доволен удачным днем. Празднуя, перебрал с алкоголем и отключился. Всю ночь лежал прямо на полу.

* * *

Разбудили его выстрелы, шум техники, ругань и крики. Черняев попытался собраться с мыслями — похмелье мешало.

На улице было уже светло. В доме — никого. Ярослав поднял автомат и подкрался к окну. В этот момент он понял — в деревню вошли украинские войска. Заметил, что возле соседнего дома машин нет, значит, его отряд уехал. Его оставили. Глаза Ярослава наполнились чернотой. Он решал, что делать дальше.

Метнулся в соседнюю комнату и успокоился, увидев, что сумка с деньгами на месте. Ему сильно захотелось пить. Услышал, как подъезжает машина. Выглянул в окно — перед домом остановился БТР. Теперь он понял, куда делись девушка и бабка.

— Сдали, суки.

Он услышал, как к нему обратились.

— Выходи, сепаратист! Через секунду мы откроем огонь.

Ярослав понимал, что если его возьмут в плен, то украинские СМИ раструбят об этом на весь мир. Он же россиянин. Но дело даже не в этом. Живым сдаваться Черный не собирался. Он отбежал от окна, через плечо надел сумку с деньгами, в руках сжимал автомат.

— Это же надо так попасть!

Пулей выбежал из дома и огляделся, оценивая ситуацию. Ручка калитки начала опускаться. Он нырнул за дом, потом вынес хлипкий забор и оказался на огороде. Пешком далеко не уйти. Вокруг поля, его быстро догонят. Ярослав услышал, как начали стрелять по дому. Вовремя смылся. Пусть бабка и внучка порадуются, что их дом превратили в решето.

Он оказался в чужом дворе и незаметно перебежал в густые кусты. Черняев видел, как украинцы палили из автоматов по ветхой хатке практически в упор. Несколько раз выстрелили из подствольных гранатометов.

Он осторожно подбирался к ним с тыла. Когда оказался совсем рядом, открыл прицельный огонь. Украинские добровольцы начали падать, как подкошенные.

Они не успели ничего сделать, оборачивались и искали, откуда в них стреляют. Больше у армейцев времени ни на что не хватало. В итоге через несколько секунд возле БТРа лежали четыре убитых военных.

Черный знал, что кто-то есть во дворе. Он подбежал к бронетранспортеру, взял рожок с патронами у одного из убитых, перезарядил свой автомат. Еще один рожок сунул в карман. С одного трупa снял несколько гранат и одну из них кинул во двор. Ярослав решил, что нужно прихватить еще и автомат с подствольным гранатометом и боеприпасы к нему. После этого присел и направился во двор. Ворота были открыты. Он резко заглянул в них. Заметил, что двое лежат. Черняев без опаски подошел к ним. Они были ранены осколками гранаты, которую он бросил.

— Сколько вас здесь? Что ты хрипишь? Отвечай, тварь!

Ярослав добил их.

— Ну и денек.

Довольный собой, он сел на старый мотоцикл, стоявший в дальнем углу двора возле гаража. Тот никак не хотел заводиться. Черняев начал нервничать. Но в итоге мотоцикл сдался.

Ярослав выехал из двора и повернул направо. Проезжая перекресток, он увидел, как несколько военных джипов едут в его сторону. Нагло остановился, вскинул автомат и открыл огонь. Это привело украинских солдат в замешательство и дало Ярославу немного времени, чтобы оторваться от них.

Он не испытывал ничего, кроме радости, что бабке и внучке будет плохо: жить им теперь негде. Черняев не боялся погибнуть, ему было все равно, что за ним гнались два военных джипа. Где еще можно так пожить? Уж не в Тамбове точно. Хотя при желании и там можно было устроить гонки на выживание с полицией. Но здесь всяко веселей. Полнокровная жизнь. Ярослав нисколько не рассчитывал, что выберется из этой ситуации живым. Он наплевательски относился не только к чужим жизням, но и к своей.

Дерзкий ветер бил в лицо, высокая трава хлестала по ногам. Приходилось крепко сжимать руль мотоцикла, чтобы не упасть на ухабах. Несколько раз Черняев даже подлетел, как будто на его пути попался трамплин. Мошки пролетали, как звезды во время межгалактического путешествия.

По нему стреляли, он пригнулся и постоянно думал: «Косоглазые, что ли? Я бы давно уже попал». Оторваться от погони помогла вторая граната. Выдернуть чеку во время быстрой езды по полям было не просто, но Ярослав справился. «Лимонка» попала точно под левое переднее колесо одного из джипов. Взрыв перевернул автомобиль. Второй остановился. Видимо, чтобы оказать помощь, если там кто-то выжил.

Через четыре километра Черняев выехал на асфальтированную дорогу. Он не знал, куда ехать, плохо ориентировался на местности. Посмотрев на солнце, Ярослав приблизительно определил, где запад и восток. Поехал направо. Украинские войска, судя по всему, были как раз в левой стороне. Направившись туда, он мог попасть прямо к ним в руки. Через пару километров Черный увидел указатель на Ленинск. Значит, выбрал верное направление. Выжимал из мотоцикла всю скорость, на которую тот был способен. Лишь бы хватило бензина. Вскоре на пути попалась заправка. Он залил полный бак и продолжил путь.

Проехав километров двадцать, Ярослав увидел большой дом с надписью «Гостиница». И знакомый джип, принадлежавший с недавних пор его отряду. Не задумываясь, он свернул к гостинице и припарковался. Зашел в кафе, работавшее здесь же. И увидел знакомые лица. Они пили и разговаривали, но после появления Ярослава притихли и насторожились.

— Ну здорово, мужики!

— Черный! Как ты?

— Живой.

Он тяжело присел рядом с ними. Мужики сразу увидели второй автомат.

— Двое наших возле магазина были, когда приехали украинцы. наших расстреляли. Мы проснулись и слышали гул техники. Сразу поняли, в чем дело.

— Да я не сомневаюсь.

— А ты...

— А я пообщался немного с солдатиками. Так, не особо приятные люди. Вы-то всяко лучше, — Черняев рассмеялся. — Официант, всем самого дорого коньяка!

Мужики немного расслабились, напряжение спало.

— Надо подумать, что делать дальше, — говорил Ярослав в то время, как все опрокидывали рюмки. — Надо план действий составить.

— Это точно, — закусывая, согласился самый толстый из отряда.

— В Ленинск ехать нельзя, — веско сказал Черняев. — Там Сокол быстро узнает о нашем бизнесе. И нам не сдобровать. С востока наступают ВСУ. Надо на юг двигать, я думаю.

Все одобрительно закивали головами.

— Поездим по селам, посмотрим, что там есть.

Так они сидели почти два часа, выпивкой снимая утренний стресс. Не пил только Ярослав. Он встал, взглянул на свой отряд.

— Вы предали меня, — серьезно сказал он.

Мужики сначала не поняли и подумали, что это какая-то шутка.

— Оставили меня подыхать в том вонючем селе. Никто не зашел и не разбудил меня. Вы побоялись и решили, что лучше пусть меня застрелят, а вы сами продолжите грабить, без меня. Даже за деньгами в дом не пришли, настолько вы меня боитесь.

Кто-то потянулся за оружием, но Черняев выстрелил очередью. Сначала в двоих слева, потом в троих, которые сидели справа от него. Они упали. Официант попытался выбежать из помещения, но пуля настигла и его. После этого Ярослав застрелил бармена. Черняев поджег кафе, взял ключи от джипа у одного из убитых и вышел. Спину согревал пожар. На душе у Ярослава было хорошо.

* * *

Уже несколько дней погода куролесила. Тучи крутило вокруг города, они никак не хотели уплывать. Ветер старательно отгонял их, но они постоянно возвращались, гремели молниями, словно бряцали оружием.

Это не портило настроение. Наоборот, была какая-то торжественность в этой природной стихии. Сильный ливень всегда вызывал у Егора некое вдохновение, восхищение и трепет. Завороженно смотрел он на темное небо, словно оно было живым, разумным.

Из блиндажа вышел Андрюха. Сонный, явно не выспавшийся.

— Ну что тут? — спросил Шишков.

— Затихло пока, — отозвался Медянов.

— Да? А мне показалось, что взорвалось что-то. Я и проснулся.

— Нервы. Мне самому иногда снится ерунда всякая. Стрельба, драки, погони по городу. Просыпаюсь и не могу понять, было ли это на самом деле. Странное ощущение. Может, вещие сны?

— Может и они.

Враг был совсем рядом. Украинские батальоны и бригады начали окружать Ленинск. Город хотели взять в кольцо, устроить ему полную блокаду. На юге прикрывал Луганск, на окраинах которого шли бои, на востоке — граница с Россией. Ленинск оттягивал на себя большую часть сил украинской армии. Пока город был

под контролем ополченцев, наступать на Луганск было рискованно, в любой момент можно было получить удар в тыл. Поэтому требовалось захватить Ленинск как можно быстрее, чтобы подавить народное восстание и расквитаться с теми, кто был недоволен новой украинской властью, поддерживал Россию и проклинал Степана Бандеру.

Националисты были совсем рядом. Они наступали с запада. Подошли близко к городу и хорошо окопались. Видимо, боялись брать Ленинск с наскока. Ополченцев не хватало, несмотря на то, что каждый день прибывали новые добровольцы. Силы батальона «Беркут» были более чем скромны. Украинские почитатели идей высшей расы обстреливали окраины города, прощупывали оборону и искали позиции ополчения. Делали это осторожно. Может быть, ждали подкрепления для удара. Сокол понимал, что дела обстоят именно так с вероятностью девяносто процентов. Поэтому требовалось атаковать первыми. Но атаковать было нечем и некем. Каждый человек на вес золота. При обороне потерь должно быть меньше.

— Я бы не поверил, если бы кто-нибудь пару месяцев назад сказал, что летом буду сидеть в окопе с автоматом, — качал головой Андрей.

— Да, жизнь как-то круто развернулась, — подтвердил Егор.

— Проклятые политики. Почему так выходит? Они наворочают дел, а нам разгребать?

— Ага, а в выигрыше все равно будут они. Ну ничего. Мы еще повоюем. Знаешь, я вот о чем думал недавно. Вот бы в моих руках оказались дети этих ублюдков, которые отдают приказы уничтожать Донбасс. Я бы заставил этих детей...

— Ты же отцом недавно стал!

— Да ты не дослушал. Я бы их посадил рядом с собой. Чтобы они ходили по под обстрелом по улицам, боялись лишний раз вылезти из подвала. Посмотрел бы, как эти политики тогда отдавали свои приказы. Но вот что еще интересней. Думаешь, обстрелы прекратились бы? Сильно сомневаюсь. Они ради денег и собственных детей не пожалели бы.

— Да ну. Они бы сделали все, чтобы их отсюда вытащить, — возразил Андрей.

— Может и так. Я просто не могу смириться с тем, что эти твари грабят Украину, все их дети живут за границей, а народ простой мучается. Продают они свою страну. А эти дебилы скачут на майданах и делают только хуже. У меня планы есть далеко идущие. Когда-нибудь война закончится. Конечно, нашей победой. А вся эта верхушка сбегит на запад. И я обязательно выживу. Знаешь для чего? Чтобы найти их. Я сам воздам каждому по заслугам. Или хотя бы одному. Найду Порошенко или Яценюка. Поселюсь где-нибудь рядом. Подружусь. А потом отберу у них все, отомщу за наш народ.

— Слушай, Медный, тебе надо немного успокоиться.

— Да я спокоен, Андрюха. Нормально все. Просто размышления на досуге.

— Ну правильно. Не держи в себе. Говори мне все, что захочешь.

— И даже то, что ты грязная сучка? — рассмеялся Егор.

— Да пошел ты!

Они посмеялись. Вспомнили школу, где такие приколы были постоянно. Мат, подколы, розыгрыши.

— Помнишь, как мы в газировку на физкультуре подсыпали слабительного и дали его Костяну и Сереге? — сказал Андрей.

— Ага.

— Им в итоге ничего и не было, а Кольку, который попил из бутылки, стошнило прямо на уроке литературы. Учительница тогда еще сильно обиделась. Подумала, что не оценил он повесть Хемингуэя «Старик и море».

— Хорошее было время. Беззаботное. Сейчас это особенно четко понимаешь.

— А помнишь, как мы прикалывались над Маринкой, что оба влюбились в нее.

О, она долго потом ходила, хвост пушила. Почувствовала в себе уверенность, хотя до этого была забитая. И нам она обязана своим успехом! После школы нашла богатенького мужа. Так что уверенность в себе — это главное, — подытожил Шишков.

Егор интуитивно выглянул из окопа, осмотрел склон холма и посадку. Заметил движение слева. Потом увидел колонну техники, которая шла по дороге справа.

— Ну, началось. Идут, Андрюха.

Медный прошел дальше по окопу и открыл огонь из автомата. Расстояние было приличное. Он надеялся, что шальная пуля попадет и хотя бы ранит кого-нибудь из противников. Андрей через минуту оказался рядом и тоже открыл огонь. Одновременно с этим другие ополченцы, находившиеся с ними на этой позиции, открыли огонь из двух минометов по колонне техники.

Ребята отстреливались, но результатов они пока не видели. Посадки надежно укрывали наступающих. Требовалось подпустить их поближе. Егор прошел еще дальше по окопу и обомлел. Совсем рядом оказалось несколько украинских солдат. Они первыми открыли огонь. Медянову не оставалось ничего другого, как упасть, чтобы вернуться от пуль. Затем он встал, поднял автомат над головой и выпустил очередь. Подоспел Андрей, который прикрыл друга.

— Твою мать!

Егор в суматохе стрельбы заметил, что один из националистов бросил гранату. Он видел, как «лимонка» плавно полетела к ним в окоп. Все происходило очень быстро. Егор понял, что это конец. Сейчас их не станет. Отбросил автомат и бросился к гранате, сумел схватить ее трясущимися руками и выкинуть из окопа. Рядом раздался взрыв, Егора оглушило, но осколки не задели ни его, ни Андрюху. Медный почувствовал горячий прилив и, сжав покрепче автомат, начал беспорядочно стрелять в сторону противника. Он уже не понимал, что происходит. Он распрощался с жизнью, ему казалось, что этот день, эту минуту он не переживет.

Одежда была вся мокрая. Нервная дрожь била по рукам и ногам. Медянов никак не мог с ней справиться.

Минометы обстреливали колонну на дороге, но особых успехов не было. Командир поста сообщил об этом на базу и попросил поддержку. Через короткий промежуток времени ударили «Грады» ополченцев. Несколько залпов помогли остановить продвижение вэсэшников. Отряд получил команду: если обстановка позволяет, захватить трофеи. Несколько человек направились к дороге. Среди них был и Медный. Они подобрались к колонне. Казалось, что живых не осталось. Груды искореженного металла, которые раньше были танками, БТРами и грузовиками, как будто были здесь со времени основания мира. Через несколько мгновений послышались крики:

— Не стреляйте, у нас раненые!

— Стоять, суки! Руки вверх!

Ополченцы подобрались ближе.

— У нас раненые! Не стреляйте!

Медный следил за обстановкой вокруг. Он нервничал. И не зря. Из-за покоренной машины раздался выстрелы. Командир блокпоста упал. Егор и еще двое ребят пригнулись и, укрывшись, открыли ответный огонь. «Подлые твари», — ругался Медный. Обойдя машину, он увидел того, кто стрелял. Это был раненый украинский боец. Егор прицелился и выстрелил. Перестрелка прекратилась. Начал капать дождик.

— Не стреляйте! Мы сдаемся!

Трое выбрались из перевернутого грузовика, машина дымилась. Они с трудом достали четвертого. Тот кряхтел, тяжело дышал, на его лице была гримаса боли. Егор осторожно, держа на мушке противников, подошел ближе.

— Сдавайте все оружие. И только попробуйте что-нибудь выкинуть. Расстреляю.

Медянов подошел к убитому командиру, склонился над ним. Дождь смешивался с кровью этого человека. Егор приказал двум ополченцам охранять пленников. Их заставили рыть могилы недалеко от дороги. Ямы копал и сам Медный, и несколько других ополченцев. Земля была влажная, комья грязи оставались на лопатах. Дождь только усиливался. Под drobные хлесткие раскаты грома похоронили погибших украинских солдат.

Егор сидел на обочине и курил. Капли то и дело норовили потушить сигарету. Но он уперто втягивал в легкие дым, разжигая ее. Наконец раздраженно выкинул окурок. Он хотел, чтобы прямо сейчас начался новый день, светлый и чистый. В котором нет войны, убитых и раненых. В котором не надо держать позиции, исполнять приказы, отстреливаться, целиться в людей. Всего лишь новый день, добрый и безоблачный. И сын, маленький ребенок, Ванька. А Вероника? Есть ли она в этой картине счастья? Егор о ней не думал. Он старался забыть о Нике. Как ни странно, война неплохо помогала в этом. Новые обстоятельства, новая, если можно так сказать, работа, новые товарищи. В его новой жизни больше не было места для Вероники. Она годами разбивала его сердце, будто рабочий, уперто стучащий по нему стальной пикой отбойного молотка. Она уехала. И сердце перестало болеть. Почти перестало... Только маленький ребенок тревожил мысли Медянова. Суждено ли ему увидеть сына?

Он поднялся с мокрого асфальта, осмотрел могилы и пошел обратно, к себе в блиндаж. Он знал, что там есть бутылка водки. Надо было выпить сто грамм.

Технику, которая осталась на ходу, вместе с пленными отправили в Ленинск.

* * *

С каждым днем становилось все хуже. Обстрелы редко затихали. Город медленно, но верно брали в кольцо. С севера постоянно летели артиллерийские снаряды, накрывали Ленинск черным саваном разрывов. Большие силы украинской армии двигались с запада. К востоку от Ленинска нацбатальоны пытались вбить клин между городом и границей с Россией, это позволило бы отрезать дорогу к отступлению. На юге от города уже стояли войска Украины. Они перегородили путь к Луганску. Положение становилось незавидным. По расчетам Владимира Соколова, батальон «Беркут» мог продержаться около двух месяцев. Все окраины Ленинска были укреплены. Но требовалась подмога. Добровольцы прибывали, но не в таких количествах, чтобы серьезно повлиять на ситуацию.

Командир рассматривал варианты отступления, если понадобится. Из Луганска поступил приказ держать город до последнего. И при этом сохранить личный состав. Каждый день поступала информация о погибших ополченцах. Потери были довольно внушительные, учитывая небольшую численность батальона.

Появилось больше военной техники. Часть из нее удалось захватить у украинских солдат, а другую часть прислали из Луганска, когда трасса еще не контролировалась противником. Это позволило серьезно укрепить оборону. Можно было отвечать, подавлять позиции нацбатов и вэсэшников, держать их в напряжении и не давать перейти в мощное наступление.

Сокол выезжал на окраины города, наблюдал за окрестностями. Он был среди своих солдат. Владимир понимал, что вариантов для ведения боевых действий, учитывая сложившееся положение, было немного. Плотная оборона. Что еще можно противопоставить многочисленной армии? Она должна увязнуть здесь, крупные силы не должны пройти к Луганску, хотя и он тоже был окружен. Но если Ленинск падет, ситуация там намного осложнится.

Командир батальона «Беркут» организовал несколько атак на колонны вражеской техники. Диверсионно-разведывательные группы напали на бронемашину, не давая прийти им на подмогу солдатам украинской армии. Три атаки прошли успешно. В ходе одной из них удалось уничтожить крупную колонну. Без потерь не обошлось, раненых было очень много. Но задачи были выполнены. Это позволит продержаться еще пару недель, отсрочит захват Ленинска.

Четвертое нападение на бронетехнику обернулось крахом. Армейцы оказались не только готовы, они сами устроили засаду, используя колонну для ловли на живца. Диверсионно-разведывательную группу разгромили, часть ополченцев националисты взяли в плен. Сокол подозревал, что либо ему слили дезу, либо кто-то предупредил врага.

В кабинете Сокола собрались Армен, Борис, Андрей, Егор и два спеца из России. Они обсудили провалившуюся атаку. Владимир высказал свои предположения. Решено было заняться поиском шпионов и стукачей, тех, кто играет на две стороны.

— Тут еще эти уроды на заводе... — проскрежетал зубами Соколов.

Он имел в виду группу вооруженных людей, засевших на Ленинском машиностроительном заводе. Они именовали себя батальоном «Родина». Их было около тридцати человек, все хорошо вооружены. Командовал ими некто Юджин. В социальных сетях они выкладывали видеоролики, в которых гордо сообщали, что воюют за Луганскую народную республику. Но по факту они не покидали территорию завода. Соколу понятно было, что это люди Ерофеева, который трясется за свое имущество. У Владимира хватало головной боли, он не мог сейчас заниматься этой проблемой. С Юджином у них состоялся телефонный разговор, в котором тот поклялся, что выступает за ополчение и будет помогать оружием и людьми. Но это были только разговоры. Соколову очень не нравилось, что в городе появилась личная гвардия олигарха.

— Медный, присматривай за ними, за заводом, — сказал Владимир. — Не нравится мне этот батальон «Родина». Клоуны ражженные.

Пока Соколу хватало того, что они не мешались под ногами. А кроме них проблем было — море. Через день после этого заседания украинская артиллерия серьезно повредила электроподстанции. И не просто повредила, а фактически уничтожила. Город был обесточен. В штабе подключили генераторы, это очень выручало. Но не каждый житель мог позволить купить себе генератор. Мирных горожан оставалось очень мало. Героически проявили себя врачи, они практически все остались. И, бывало, видели вещи похуже, чем бойцы на передовой. Спасатели делали что могли, но их сил не хватало, чтобы справиться со всеми вызовами. Они работали со сверхчеловеческими усилиями, черпая силы из того странного котла, в котором перемешались отчаяние и надежда.

Егора удивили местные предприниматели по части торговли съестными припасами: когда в городе пропал свет, они начали раздавать продукты людям. Бесплатно. Просто отдавали все, что скопилось в их магазинах. Это многих спасло в те дни. Жители маленького осажденного городка запаслись продуктами и водой, спрятались в подвалы и ждали. Каждый день молились и ждали, что обстрелы прекратятся. И бывали такие моменты, когда артиллерийский кулак ВСУ практически не бил по Ленинску. Люди тогда настойчиво выходили на улицы глотнуть свежего воздуха. И разбегались по укрытиям при возобновлении обстрелов. Некоторые не успевали. Мины не щадили никого: ни молодых, ни старых, ни хороших, ни плохих.

Время началось очень тяжелое. Бои шли вокруг города, в трех-четыре километрах от него. Ленинск был взят в кольцо. Где-то плотность украинских войск была очень высокой, в других местах их было немного, но они держали территорию

под плотным огнем. Фактически из города уже невозможно было выбраться. Оставалась только южная дорога на Луганск. Ее периодически обстреливали, но по ней еще можно было как-то проскочить. На всех других направлениях ждала смертельная опасность. В Ленинск стеклись все силы ополченцев, которые держали небольшие населенные пункты в районе. Когда стало ясно, что удержать их не получится, Сокол приказал подчиненным вернуться. Он хотел превратить город в неприступную крепость. Все понимали, что главный бой в этом районе, на севере Луганской области, будет именно за Ленинск. Его было нельзя сдавать ни при каких обстоятельствах. Поэтому в городе сосредоточились относительно большие силы ополчения. Практически все мужское население города взялось за оружие.

В конце июля началось мощное наступление украинских войск. Огромная танковая колонна выдвинулась в сторону Ленинска. Артиллерия заняла высоты вокруг города, усилив интенсивность стрельбы. Хотя, казалось, куда уж сильнее? Начались артиллерийские дуэли, в которых опытные бойцы ополчения проявляли свое мастерство и сноровку. Ополченцы жгли танки ПТУРАми и РПГ, минометы и «Грады» осыпали противника своими снарядами. Целый день длился напряженный бой. Окраина города превратилась в руины, лесополоса была сожжена. Осталась только черная земля. Продвижение танков удалось остановить.

Командование ВСУ прислало подмогу войскам. Произошло то, чего не было в начале войны. Два истребителя атаковали города. Они сбросили бомбы на центр и окраину, где было много позиций батальона «Беркут». Погибло много бойцов и мирных жителей, среди которых были дети. Ополчение ничего не могло противопоставить авиации. Атака истребителей деморализовала многих бойцов. Сам Владимир Соколов после этого долго ходил подавленный и разбитый. Он винил во всем себя. Это он должен был обеспечить защиту людей! Если нет, то тогда зачем он воюет?! Из-за того, что любит запах пороха? Но это же бред! Как защитить людей? Они же все входят в сферу его ответственности. Сокол закрылся и буквально почернел. Положение дел было катастрофичное. Украинская армия уже практически зашла в город.

Видимо, что-то решилось на самых верхах, потому что воздушных атак больше не было. А может быть, самолеты перебросили в другой район Донбасса.

Сокол ходил по пустой комнате в трехэтажном доме, который ополченцы превратили в опорный пункт. Через несколько десятков метров начиналась посадка, чуть левее находились позиции «нациков», можно было даже разглядеть их технику. Затишье перед бурей. Владимир пытался придумать, как действовать в сложившейся ситуации. У него не было военного образования, но был боевой опыт. Ополченцы во много раз уступали по количеству украинским солдатам, но они были в обороне, на родной земле. «Нет, мы отсюда не уйдем, — решил Соколов. — Мы еще долго сможем обороняться. Пусть хоть и не вернемся живыми. Но город не сдадим. И спины перед ними гнуть не будем».

Он оглянул бойцов.

— Не унывать! — выкрикнул он и вроде бы повеселел, чего за ним не наблюдалось долгое время. — Братья, мы стоим за родную землю. Уже десятки наших друзей отдали за нее жизнь. Мы не имеем права сдаваться и отступать. Последние дни были неимоверно тяжелыми. Но нам надо продолжать наше дело. На нас смотрят не только поколения наших предков, доблестных и достойных. На нас обращены взоры наших детей! Им не с кого брать пример, кроме как с нас. Так давайте же покажем, кто мы такие и что такое Донбасс! Мы уже вписали свои имена в историю. И только нам самим решать, кем мы будем — героями или подонками. Нас оболгут, но правду расскажут наши дети. Украинские нацисты не пройдут! Они не возьмут город и не будут жить здесь по своим законам! На земле Донбасса нацизма не было и не будет никогда — это главный закон. Мы укрепим эту землю!

Речь могла показаться странной, пафосной и даже ненужной. Но тем, кто находился рядом с Соколовым, так не показалось. Егор понимал, что эти слова нужны не только им, но и самому Владимиру, чтобы определить и вернуть некие ценности и ориентиры. Чтобы найти в себе силы держаться.

Истребителей здесь больше не видели, но появились вертолеты. Три воздушных машины. Опасных и смертоносных. Уполчения такого не было. Как и средств борьбы с ними. Вертолеты принялись обстреливать окраины и, видимо, являлись сигналом того, что скоро начнется генеральное наступление украинской армии и нацгвардии. У защитников города настроение было подавленное: особых успехов у них уже долго нет.

И боевой дух упал.

А мир покрывался копотью. Слышался неумолчный пулеметный огонь. В воздухе со свистом носились снаряды и разрывались с раскатистыми густыми звуками.

В коротких промежутках между взрывами слышались звуки вращающихся лопастей вертолетов.

Егор толкнул Андрея в бок. Взмахом руки позвал за собой.

— Пойдем. Прогуляемся.

На плече у Медного висел гранатомет. Друзья осторожно пересекли улицу и, пройдя еще метров двадцать, забежали в подъезд пятиэтажки. Они поднялись на последний этаж и зашли в одну из квартир, двери которой вынесло взрывной волной. Егор выглянул в окно. Нет, неудобно. Вышли в короткий коридор и зашли в другую квартиру. Идеально. Над зелеными верхушками висел вертолет, до него было рукой подать. Егор прицелился из гранатомета и выстрелил. Может кто-то более опытный и попал бы, но Медянов промазал. Тут же по их дому вертолет открыл огонь. Прислонившись к стене, друзья слышали, как с внешней стороны пули вбиваются в кирпичи. Атака была мощной. Андрей перекрестился. Ему показалось, что сейчас стена рухнет прямо на них. Но она держалась. Перезарядили РПГ. Нужно было еще попытаться. Огонь прекратился. Зависший в воздухе вертолет начал движение, экипаж посчитал, что опасность миновала. Егор выглянул в окно. Гигантская «стрекоза» начала уходить вправо. Он подбежал к другому окну, оценил курс вертолета, прицелился и выстрелил с упреждением. Через секунду машина оказалась в нужной точке. Граната попала в хвост и взорвалась. Вертолет зашатало, он развернулся и направился в сторону украинских позиций. Пролетел около минуты и рухнул в полях.

Это была большая победа. Бойцы ополчения видели это короткое боестолкновение. И они поняли, что надежда есть. А украинских солдат это деморализовало. Через несколько дней другой вертолет приблизился к городу, но вскоре ни с чем улетел.

Сокол очень хвалил Медного. Они встретились в штабе.

— Ты вроде бы человек не военный, а вот удача у тебя солдатская есть. Удивительно. Ты находишь правильные решения в сложной боевой обстановке, проявляешь инициативу. А ведь есть бойцы и опытнее тебя. Хочешь взводом командовать?

— Да не очень, если честно. Так у меня голова только за себя и автомат болит, а так за ребят еще переживать. Оно мне надо?

— Я неправильно выразился. Ты хочешь командовать взводом, — серьезно сказал Сокол. — Мне кажется, ты справишься.

— Как скажешь, командир. Если надо, буду командовать.

— Да, не хватает сейчас людей, на которых можно положиться, в которых можно быть уверенным. Я тебе даже дам возможность набрать отряд.

— Хорошо, у меня есть ребята на примете. Одноклассники, знакомые. Я бы взял их. Им я доверяю.

— Это хорошо. Работай.

Егор отобрал десяток людей, которых считал надежными. И у них уже был боевой опыт.

С каждым днем окружение Ленинска становилось все плотнее. Ополченцы держались, как только могли. Ничего другого не оставалось. Постоянно доходили слухи, что творили украинские националисты на территориях, которые они захватили, отбив их у батальона «Беркут». Над жителями издевались, унижали, а дерзнувших открыто возмущаться просто убивали.

Отряд Медного бросили на восток города, на выезд, который вел к границе с Россией. Территория тут была не очень удобная для обороны: частный сектор, даже ни одной пятиэтажки, а сразу за городом — высота, с которой удобно обстреливать Ленинск. Что украинские войска и делали. Они вклинились между городом и границей. Соколов перебросил туда взвод, так как появилась информация, что готовится атака именно с той стороны. Прощупывают оборону, хотят зайти с востока. Ополчение укрепилось, зарылось в землю, переживая артиллерийские атаки. Земля тряслась, дрожала. Страдала. На окраине почти не осталось ни одного целого дома.

Егор понимал, что необходимо сделать вылазку и попытаться занять высоту. Он согласовал план атаки с Соколом. Тот дал добро. Глубокой ночью отряд из двадцати ополченцев выступил в путь. Они преодолели посадки и вышли на поляну перед длинным холмом, откуда и вели огонь нацбаты. Попали на минное поле. Раздалась взрывы, несколько человек погибли. Тут же по ним начали стрелять солдаты. Ранения получили три человека. Атака провалилась. Пришлось спешно отступать. Даже не получилось забрать убитых. Егор отстреливался, прикрывая отступление своих товарищей. Он был зол. В первую очередь на себя. И хотя командиром сводного отряда был не он, неудачу записал на свой счет. Взвод Медного потерял ранеными двух бойцов.

Несколько дней он провел на передовой. Потом выходной. Ведь война — это тоже работа. И нужно от нее отдыхать. Утром он покинул казармы. Зашел в ближайший открытый киоск и взял бутылку коньяка. Так и шел Егор по улице, распивая ее на ходу. Горечь во рту полностью соответствовала тому, как он себя чувствовал. Конечно, его, слоняющегося пьяным по пустым улицам, приметил патруль. Забрали в участок. Прессовали и вели себя грубо. Хамили. Егору это очень не понравилось, но он сдерживал себя, чтобы не дать кому-нибудь из милиционеров в морду. После звонка Соколу его отпустили. И день продолжился в том же русле — пьяный и бессмысленный. Но и позволяющий отдохнуть, снять стресс и задуматься о чем-нибудь, кроме войны. Но Медянов не мог. Даже о сыне Ваньке не думал. У него просто исчезли мысли. Хотя не таким уж пьяным он и был. Просто внутри было пусто. По крайней мере, в этот конкретный момент.

* * *

Он ехал на старых «жигулях». Свист и грохот вокруг. Все как обычно. Удивительно, но к этому можно привыкнуть. Он привык. Отвлечься помогали дела, задания, тяжелая военная работа. Ехал медленно, осматривал город, искал что-то подозрительное. На флешку закинул любимую музыку. Приходилось постоянно переключать треки, потому что в основном все они были депрессивные, невеселые. Найти легкую песню в его трек-листе оказалось не так просто. Господи, да в последнее время Егор полюбил даже попсу, которую раньше не жаловал. Теперь старые добрые «Руки вверх» или «Отпетые мошенники» поднимали настроение лучше, чем «ДДТ» или «Наутилус Помпилиус». Как говорил Данила Багров в фильме «Брат-2» Ирине Салтыковой: «Такую музыку на войне не слушают. Она

не настоящая». Любую слушают, лишь бы придавала сил. И классику, и рок-н-ролл, и рок, и панк-рок, и рэп, и попсу. Лишь бы она помогала держать в руках автомат и защищать свой город, лишь бы лечила душу.

Мимо медленно проплывали четырехэтажные дома, построенные еще в тридцатые годы прошлого века. Редко среди них возвышались многоэтажки. Ленинск город старый и полузаброшенный. Еще до войны таким был. А сейчас... В таких городских пейзажах хорошо снимать фильмы в жанре постапокалипсис.

Снаряды начали свистеть совсем близко. Медный увидел, как несколько из них попали в пятиэтажку впереди. Сразу поднялось облако пыли, вниз полетели части стены. До дома оставалось метров сто. Егор нажал на газ и подъехал к углу здания. В этот момент еще один снаряд разорвался возле первого подъезда. Егор пригнулся. Почувствовал, как осколки ударили по машине. Выбрался из нее, оглядел груды камней. Там, где упали стены, видны были квартиры, столы, стиральные машины, шкафы и кресла. Большая часть дома обвалилась. «Не дай Бог опять попадут», — напрягся Егор. Начал осматривать руины. Почти сразу заметил тело мужчины. Подобрался к нему. Тот не подавал признаков жизни. Мертв. В груди глубокая смертельная рана.

— Есть кто живой?! — прохрипел Медный. — Живые есть?

По обломкам добрался к стене здания, заглянул в квартиру. Снова окликнул людей. «Похоже, что никого здесь нет. Раненых уж точно», — решил он.

Сверху посыпалась крошка. Медянов успел нырнуть в квартиру, и сразу же на место, где он стоял, упала часть железа с крыши и несколько кирпичей. «Обидно бы было, если бы от кирпича погиб», — мотнул головой Егор и машинально закурил.

Невдалеке продолжали разрываться снаряды. В перерывах между этим бесконечным грохотом он услышал стон. Практически у себя под ногами. Егор упал на колени и начал быстро разгребать завалы. Ладони царапались об острый камень и металл, но за время войны они огрубели, привыкли к тяжелой работе. Он откидывал обломки в сторону и молился, чтобы тот, кто находится под завалом, не умер раньше времени. Наконец Медный увидел чью-то руку в черной футболке. Он немного подвинулся и начал разбирать кирпичи в другом месте, там, где должна была быть голова. Заметил черные волосы. Отодвинув какую-то деревянную доску, он увидел ее. Это была девушка. Ее грудь судорожно вздымалась. Значит, жива. Аккуратно подхватил ее под мышки и потянул. Голова девушки уперлась в его грудь, он почувствовал липкую теплую кровь. Только бы не было поздно. Взял ее на руки. Левой рукой он чувствовал, как бьется ее сердце. Спотыкаясь, изо всех сил стараясь не упасть, он практически сполз с этой груды камней. Положил девушку на землю и открыл заднюю дверь автомобиля. С трудом уложил ее на заднее сидение.

При всем при том Медянов машинально отметил, что у нее очень красивое лицо. Худое, с острым подбородком, аккуратными губами.

Он погнал машину в больницу. На одном из поворотов чуть не врезался в дом, а чуть дальше еле успел проскочить и не попасть под колеса бронетранспортера.

— Девчонки, срочно! — крикнул он в больнице. — Девушка без сознания. Спасите ее.

Пострадавшую уложили на каталку и увезли в отделение.

Егор вышел из небольшого здания больницы, присел на ступеньки и снова закурил. Руки его были измазаны грязью и кровью.

На крыльцо вышли два мужика.

— О, Медный! Ты что здесь делаешь? Захворал?

Один из них стоял на костылях, правой ноги у него по колено не было. У второго загипсована рука и перемотана голова.

— Да девочку привез. Дом на юге пострадал. Из-под завалов выгацил. Самиток как, пацаны?

— Недельку отдохнем — и на передовую! — покивали раненые.

— Нам бы простоять эту недельку.

— Плохо дело?

— Да что-то... Все хуже и хуже. Ну ничего. Нас еще много. Всех не перебьют.

— Не перебьют, — утвердительно повторили мужики.

— Давайте, пацаны, увидимся на фронте, — махнул рукой Егор, сел в машину и отправился дальше объезжать город. День только начинался. Он обещал быть по-летнему и по-военному жарким.

* * *

Через несколько дней Медянов заскочил по делам в штаб. Сразу стало хорошо от прохлады здешнего коридора. Как же жарко на улице! Самое время съездить искупаться на пруд, но времени нет. Не до этого. Потом накупаемся, потом очистимся. Сейчас время грязной работы.

Задел плечом угол, когда поворачивал в сторону кабинета Андрея, и заметил, как на обшарпанном диване сидит девушка. Что-то знакомое было в ее силуэте. Мимо пробежал молодой ополченец, еще младше, чем Егор.

— Тебя девушка какая-то искала. Вон она сидит.

Она увидела Егора, и что-то в ней дрогнуло, но она продолжала сидеть, даже когда он подошел. Медянов взглянул на нее и узнал. Та самая красавица из-под завалов.

— Вы меня искали? — сказал он.

— Я? Вас? — замялась девушка. — Да, наверное. Это вы спасли мне жизнь? — она встала.

— Это громко сказано. Я просто привез вас в больницу...

Она бросилась ему на шею.

— Спасибо большое! — горячо сказала девушка. — Я несколько дней провела в больнице. Медсестры сказали, что меня привез какой-то ополченец. Если бы не вы, то меня могло бы уже не быть.

— Все с вами было бы хорошо. Моей заслуги в этом нет.

Егору явно было неловко. Незнакомка вдруг заплакала.

— Не говорите так. Я многим вам обязана. Я живу.

Он долго молчал, а потом сказал:

— Пойдемте ко мне в кабинет. Выпьем чаю и немного успокоимся. Как вас зовут?

— Аня.

— Аня, вы любите чай? Я вот люблю. Последнее время только он и спасает. Вокруг хаос. Но выпьешь чашечку чая и спокойнее становится на душе.

Она утирала слезы.

В кабинете он включил электрический чайник. Вода быстро нагрелась. Он взял две большие кружки, нашел пакетики с чаем и сахар.

— Я искала вас, чтобы поблагодарить. Я приходила несколько раз, но мне сказали, что вы на передовой.

— Давай на ты. Я Егор.

— Да, хорошо.

Она выглядела беззащитной и загадочной, внешность — необычная и притягательная.

— Мне сказали, что ты воюешь... Я молила Бога, чтобы тебя не убили. Было бы несправедливо, если бы ты спас меня, а я даже не увидела, как ты выглядишь.

Аня говорила немного сбивчиво и нервно. Егора тоже нервировал этот разговор. Слишком откровенный. И, может быть, даже ненужный.

— Что сказали врачи? Как твоё здоровье?

— Да ничего. Все в порядке. Ссадины и царапины только. А так ерунда.

— Хорошо.

— Спасибо большое.

— Это муж твой будущий будет меня благодарить, — попытался пошутить Медянов. Она не отреагировала. Сидела молча, потягивала горячий чай.

— У меня никого теперь нет, — сказала Аня и заплакала.

Он чувствовал неловкость. Каждый день он видел раненых и убитых. И обо всех кто-то плакал и горевал. И это стало неотъемлемой частью будней. Егор подошел и положил ей руку на плечо. Легонько сжал ладонь. Пусть почувствует, что рядом кто-то есть. Теперь он понял, почему так нужен был ей. Почему она его так искала.

— Родители погибли?

— Да.

— Тогда же, при обстреле?

— Раньше, двадцать два дня назад, в 12:19. Они вышли купить продуктов и искали хоть один открытый магазин. Но тут начали свистеть снаряды. Папа с мамой побежали по улице, хотели укрыться. Но не в ту сторону... Ошиблись... И попали под разрыв. Прямо на моих глазах...

Аня замолкла и еще сильнее заплакала. Егор, повинувшись внутреннему порыву, присел рядом, приблизил ее плечи. Она не оттолкнула: наоборот, вжалась в его мокрую от пота камуфляжную футболку.

— А теперь мне вообще некуда идти... — Аня была безутешна. — Нет ни родителей, ни дома. А вокруг война. Что мне теперь делать? А? Проклятая война.

— И родственников нет?

Аня отрицательно покачала головой. Медянов понимал, что она пришла не что-то требовать от него, ей просто надо было рассказать кому-то о своем горе. О своем одиночестве.

— Как мне теперь быть?

Егор мог определить ее в общежитие или даже найти пустой частный дом, но решил, что Ане сейчас нельзя быть одной.

— Есть вариант, — твердо сказал он. — Я отвезу тебя к себе домой, к маме. В станицу Мироновскую. Вдвоем вам легче будет.

— А это удобно?

— Почему нет? К тому же там почти не стреляют почти, более или менее спокойно. Как ты на это смотришь?

— Ты правда сможешь мне? Мне как-то неудобно...

— Перестань. Я тебя спас, и я несу за тебя ответственность теперь. Ничего не бойся. Я твой персональный защитник, — он невольно, но искренне улыбнулся. Понимал, что говорит сейчас, как в фильмах, но что поделать, иногда надо говорить, как в кино.

— Егор, ты очень добрый. Я не знаю, что сказать. Пришла, чтобы поблагодарить, а ты меня снова как бы спасаешь.

— Ну а как иначе? У меня сейчас как раз свободное время есть. Могу тебя отвезти. Готова поехать?

— Конечно.

— А вещи?

— У меня их нет. Все сгорели после обстрела.

— Значит, скажешь, что тебе надо, я привезу потом. Хорошо?

— Хорошо. — она улыбнулась. И эта улыбка была более теплой, чем лето и солнце.

Егору стало на секунду не по себе. «Не надо! — приказал он сам себе. — Только не влюбляйся. Просто помоги ей и все. Хватит с тебя Вероники. Не вздумай. Ты ей не нравишься, это точно. Запомни это...»

Она поцеловала его в щеку. Само собой, просто в знак благодарности.

Машина быстро мчалась. Егор боялся попасть под обстрел. Вдоль дороги были поля, которые затем сменились лесополосой, а потом и степью. Где-то там, совсем недалеко, были враги. Они ненавидели и убивали здесь все живое. Они словно играли в игры, а получая хороший отпор, называли игру плохой. Ленинск дал им хороший отпор.

Главное не налететь на какой-нибудь украинский блокпост. А он мог взяться из ниоткуда. И тогда проблем не оберешься. Да не только сам жизнь свою сгубишь, но и человека подставишь. Егор посмотрел на Аню. Понятно, что с ней делают украинские добровольцы. Поэтому он выжимал из старых «жигулей» всю скорость, на какую они только способны. У него в душе теплилась одна отрада — он был спокоен за маму. У них пока тихо все это время. Он мог воевать и не беспокоиться за нее. Мама цела, сын родился и в безопасности. А то, что тут каждый день гибнут и сослуживцы, и мирные жители... Тяжело. И он пытался это остановить. Как умел. С помощью автомата Калашникова.

В станице людей на улицах не было. Казалось, что это поселок-призрак. Но иногда во дворах частных домов слышались детские крики или плач. Значит, здесь еще живут люди. Он аккуратно объезжал ямы, жалея машину. Вдыхал родной станичный августовский воздух.

Подъехал к своему дому и нажал на сигнал, предупреждая маму, что кто-то приехал. Дома он не был уже около двух месяцев. По телефону тоже долго не говорил с мамой, связи практически не было.

— Ну вот и мое скромное жилище.

Они вышли из автомобиля.

— Mam! — громко крикнул Егор. — Это я!

Постучал в окно и попытался открыть ворота. Но они были закрыты. Он спокойно огляделся, но тут же услышал родной голос:

— Иду, иду!

Мать открыла ворота и обняла сына. Потом заметила незнакомку, но совсем не удивилась. Как будто она уже знала, в чем дело.

— Это Аня. Аня, а это Ульяна Васильевна. Mam, у нее никого нет. Родители погибли при обстреле. Пусть она пока с тобой здесь поживет. Ты не против?

— Да нет, конечно! Аня, заходи. Не стесняйся. Сейчас и поедем с дороги!..

И все пошли в дом. Видно было, что девушка чувствует себя не в своей тарелке, ей очень неудобно, но другого выбора у нее просто нет.

Пока мама готовила еду, Егор спросил:

— А что это ты ворота закрыла на засов? Вроде никогда не закрывали.

— Да время такое, сынок, — тяжело вздохнула мать.

— Это да. Но у вас же все спокойно?

— Бог миловал. Хотя иногда слышно, как вдалеке стреляют.

Медянов понял, что мама что-то не договаривает. Он хорошо знал эту ее черту: перетерпит, но никогда не пожалуется на то, как ей тяжело, будет говорить, что все хорошо.

— Мама, говори уж, что ты такая беспокойная.

Она все не решалась, интуитивно чувствуя, к чему могут привести ее слова. Она защищала сына, берегла его.

— Mam.

— Ну чего ты прилип ко мне? — не глядела на него. Наконец сказала. — Банда у нас тут завелась.

— Банда? Какая банда?

— Да ваша банда. Ополченская.

— Мама, у нас банд нет, — строго сказал Егор. — Выкладывай все, что знаешь.

— Сынок...

— Говори! — он никогда не поднимал голос на мать, но в этот раз пришлось. И тогда Ульяна поняла, что сын ее сильно изменился. Само собой, возмужал.

— Недавно появился у нас тут отряд. Сказали, что защищать приехали. Ополченцы, казаки. А на самом деле бандиты настоящие. Они машины отобрали у людей, двух женщин изнасиловали. Заняли несколько домов и пьют с утра и до ночи. А как напьются, стрелять начинают. Может, в воздух. А может, и в людей. Помнишь Сапаткиных? Убили их всех. И старика, и отца, и жену его. Хорошо, что дочь с мужем уехала в начале войны. У них ребенок маленький.

Егор судорожно напрягся. Он же учился с дочерью Сапаткиных — Светой. У него не укладывалось в голове. Какой отряд? Зачем он здесь? Все воюют в Ленинске. А это кто? Мародеры, бандиты. И называются ополченцами?

— Избивают постоянно всех, кого встретят на улице. Поэтому по домам все и заперлись от страха. И со мной теперь никто не разговаривает. Знают, что у меня сын ополченец. Не любят вас и боятся.

— Да как же так! — вырвалось у Егора.

— А вот так, сынок. И ее ты зря привез. Я не против, пусть живет, сколько надо. Да только боюсь я за нее. Прознают эти гады, и придут к нам. Тогда хорошо не жди.

— Налей выпить.

Он опрокинул стопку и вышел подышать на улицу. И что теперь с этим делать? На самотек проблему непустишь, сама собой она не исчезнет. Время не то. Он погладил автомат, лежавший на коленях. Не раз тот выручал. Эх, был бы здесь Андруха. И уезжать нельзя. Пока он соберет отряд и вернется, могут погибнуть невинные люди. Да и воюют сейчас все. С Соколом переговорить, заручиться поддержкой, вернуться и разнести этих уродов? Володя занят, он город держит из последних сил. Не сегодня-завтра украинские войска прорвут линию фронта и займут Ленинск. А затем прихлопнут и Луганск. Нет, Владимиру не до этого сейчас. Самому действовать? Есть автомат, пистолет и пара гранат. А сколько их там, неизвестно. Можно попытаться, но это верная смерть. Понятно, почему мать ничего не говорила. Она все знала. Она знала, что у ее сына не будет выбора.

Он вернулся в дом. Мама с испугом глянула на него.

— Что еще ты слышала? Где у них база? Сколько их?

— Сынок, не надо.

— Где они?

— Да возле магазинов они заняли три дома, за спортивной площадкой. Сколько? Не знаю. Может, человек десять или двенадцать. Да, слышала, что Черный у них главный. А кто он, не знаю.

Откуда-то у Егора в голове появилась фраза: «Хороший человек идет на войну». Но он уже не знал, имеет ли право называть себя хорошим.

Они поели и Медянов отвел Аню к себе в комнату.

— Ну как ты? В порядке?

— Да, конечно. Не беспокойся. Я слышала, о чем вы говорили.

Егор тяжело вздохнул. Он не знал, что сказать. Подумал, что судьба испытывает его, проверяет на прочность.

— Я должен разобраться с этой проблемой...

— Я понимаю, — быстро отозвалась Аня. — Я тебе помогу. Один ты не справишься.

— Нет, ты что! — округлил глаза Медный. — Куда ты впутываешься, ты хоть понимаешь?

— Я уже многое пережила. И видела страшные вещи. Я не та, которая была до войны. Я готова бороться. Лишь бы не бездействовать. Ты один не справишься. Ты помог мне, я помогу тебе.

Он посмотрел на нее с восхищением. И она это поняла.

* * *

Возле магазина Аня познакомилась с двумя ополченцами, которые пришли за едой и выпивкой. Они бросали на нее откровенные взгляды и хотели уже было подкатить к ней, но девушка их опередила.

— Скучаем, мальчики? — спросила она максимально развязным тоном.

— Очень скучаем, — отозвался один из них, в камуфляже и с казацкой папачкой на голове. Казалось, что у него сейчас потечет слюна.

— Может, пойдем ко мне? Я живу вон там, через три дома.

— Конечно, как мы можем отказать такой красавице!

Она подмигнула им, и незнакомцы послушно припустили за ней. Они не почувствовали подвоха. А приводить девку на базу к своим не захотели, сами сначала хотели развлечься. Дом был пустой и полузаброшенный. Жильем здесь и не пахло. Но мародеры этого не заметили.

Аня прилегла на кровать. Двое ополченцев положили на пол автоматы, начали снимать одежду.

За их спиной появился Егор с пистолетом. Он застрелил одного из них, второму выстрелил в ноги. Тот упал, запутался в рубашке. Сверху навалился Медный, перевернул его на спину.

— Сколько вас? Отвечай, иначе отправишься вслед за другом.

— Сейчас нас восемь человек. Черный и еще двое поехали в Ануфриево.

— Кто такой этот Черный?

— Не знаю! Россиянин, вроде из Тамбова.

— Понятно. Это тебе за Сапаткиных, сука! — и Егор застрелил его.

Аня быстро вышла из комнаты, а Медный собрал их оружие и боеприпасы. Они ушли через огороды, чтобы никто не видел их на главной улице. В садках, где росли высокие березы, Егор и Аня остановились и перекурили.

— Как ты?

— Нормально, — ответила девушка. — Они это заслужили.

— Заслужили, да. Но не нам дано вершить правосудие.

— Но ты его вершишь.

— Да, чтобы они не причинили вред моим односельчанам, маме, тебе. На мне уже много грехов. Одним больше.

Вечером Егор незаметно подобрался к одному из домов, где находились бандиты, и поставил растяжку. После того, как на ней подорвался один из мародеров, выбежали его товарищи. Медный, удобно устроившись на чердаке одного из пустующих домов, открыл по ним огонь. Он стрелял, не жалея патронов. У него было достаточно боеприпасов. Позиция была хорошая, вся улица как на ладони.

Через десять минут бой затих. Медный спустился с чердака, вышел со двора и потянулся. Он прошел несколько улиц, дошел до своего дома. Поцеловал маму.

Аня стояла, переминаясь с ноги на ногу. Медянов прижал ее и погладил по волосам. Каждый из них ощутил внутри что-то теплое. Зарождающуюся любовь. Вот так странно. Ну, а что. Время такое.

Он сел в «жигули» и погнал назад в Ленинск.

Через пару дней Медный собрал припасов и попросил ребят отвезти их в станцию. Продукты раздавали на главной площади. Так он пытался исправить то, что натворили бандиты. Вскоре односельчане снова стали разговаривать с его мамой. И на этот раз очень уважительно.

* * *

Автоматчик открыл дверь, второй, держа Егора на мушке, провел его внутрь. На улице была жара, а в помещении — прохлада. Цех стоял практически пустой. Все было ржавым и грязным. Кое-где суетились какие-то люди, старые рабочие, что-то делали. Охранники с автоматами наблюдали за территорией, стояли с важным видом.

Медянова обезоружили и повели в другой край завода. «Какое раньше все было громоздкое!» — машинально подумал он. Сейчас современные технологии позволили уменьшить громоздкие станки в несколько раз и сделать заводики небольшими и уютными. Не всегда, правда. Зависит от специфики производства.

Его провели на второй этаж и завели в коридор. Тут уже все было по-другому. Стены отделаны деревом, на полу — светлая шершавая плитка, под потолком — лампы дневного света. Сразу видно, что здесь заседают директора, руководители, небожители, святые Капитализма. Сейчас их, конечно, не было, все они уехали, скрылись от войны. И их место заняли демоны Капитализма. Но, если честно, для самого Капитализма все равно — демон ты или ангел, главное, чтобы служили они одному — деньгам. А как, с ручкой и папкой документов в руках или с автоматом, — какая разница?

Двое охранников подвели Егора к массивной двери, постучали, после чего открыли ее и завели его в кабинет. В большом коричневом кожаном кресле сидел крупный мужчина с большим лицом и рыжей бородой. Видно было, что он скучал. На столе стояли пустые бутылки и валялся пакетик, внутри которого была марихуана. Наверное, так командир батальона «Родина» Юджин снимал стресс.

— А ничего вы укрепились. Интересно, сколько атак выдержите? — хмыкнул Медный.

— Все, — процедил Юджин в бороду. — Зачем пришел?

— Ты сам знаешь.

— Я не дам тебе людей.

— Город могут захватить со дня на день! — не выдержал Егор и повисил голос.

— А мне что до этого?

— Нам нужны люди. У тебя они без дела сидят. Закрылись тут на своем заводе, а ребята там гибнут. Наши земляки гибнут! Нам нужна помощь!

— Земляки?! — Юджин явно злился. — Где были твои земляки, когда я не мог устроиться на работу? Кто-то помог? Никто! Медный, мне не нужны здесь вдохновенные речи, которые поет вам Сокол.

— Тебе самому не противно от себя? Ты трус.

— А ты кто такой, чтобы судить? Чего ты достиг, а? Чего добился? — командир «Родины» достал из кармана свернутую пачку долларов. — Вот чего я достиг. Я был человеком, у которого не хватало денег на хлеб, а теперь я могу купить любую вещь. И даже людей. Хочешь, тебя куплю? А?

— Эти деньги в крови...

— Нет! Не в крови. Мы ведь не воюем, в отличие от вас. И я никого не убил, чтобы их получить! Это у вас руки в крови!

— Это пока ты никого не убил. Пока тебе не дали большую сумму денег и не поставили цель. Да, мы воюем, нам приходится. И это никому не нравится. Но

кто-то должен защищать свою землю, пока другие греются деньгами. Я знал, что ты не сможешь. Ты шлюха продажная. Сколькo тебе платят? Давай мы тебя перекупим.

— Не хватит у вашего Сокола денег. Выметайся. Пришел мне тут нравoучения читать. Ты грязь, ты никто, чтобы меня учить.

Эти слова летели уже в спину Медному. Что же, нужно было попытаться. Он знал, что так будет. И Владимир Соколов был уверен в этом. Но оставалась крошечная надежда. Даже двадцать-тридцать человек могли серьезно помочь в обороне города. Теперь же рассчитывать на это не приходилось. Егор гадал, сколько же еще может продержаться Ленинск. Неделю или дольше? Месяц? Нет. Максимум — две недели. Город равняли с землей. Таких сильных обстрелов не было с начала войны.

Медянова выпроводили за территорию завода. Он знал, что так будет, что ничего не добьется от Юджина. Но была и другая цель этого визита — посмотреть, как все устроено внутри завода. Собрать максимум информации. Пригодится.

* * *

Конец лета Медный встретил в госпитале. Взрывной волной его ударило о стену, он поломал ребро, повредил руку и получил многочисленные ушибы. Через пару дней в больнице оказался и Андрияха, которому осколки попали в спину. Он был в плохом состоянии. Егор часто сидел у его кровати в соседней палате, забывая о нем, как о родном брате. В свободное время он лежал и слушал взрывы за окном. Симфония войны...

Все более отчетливо: Егор понимал, что городу пришел конец. Все. Вполне вероятно, что завтра в больницу придут ребята в форме и с украинскими нашивками со свастики. И просто перебьют их.

Все окраины уже заняты вражескими войсками. Враги... Бывшие сограждане, знакомые, одноклассники. И вдруг — враги? Ну да, а как? Если человек, пусть хоть и знакомый, стреляет по тебе, то точно не из любви. Егор постоянно думал о том, как это можно было предотвратить. Можно ли вообще было избежать этой проклятой гражданской войны? Он не придумал ничего лучше, чем следующий план: все должные отложить в сторону оружие и поговорить друг с другом. Утопия? От этой утопии у него наворачивались слезы на глаза. Но как можно бросить автомат, если тот, напротив тебя, тоже его держит. Вдруг ты бросишь, а он нет? И он в ответ на твой жест доброй воли выстрелит? Мы слишком разделены, мы слишком не доверяем друг другу, не любим ни себя, ни соседа. Вот и история у нас такая. Да во всем мире она одинакова.

— Ты как, братишка? — спросил Егор, потирая ребро. Оно ныло. Казалось, болели все органы внутри. Давило на сердце.

— Все нормально, Медный. Операцию сделали. Еще одна нужна, осколки остались. И угораздило же нас, да? Столько воюем и... А тут...

Видно было, что Андрей устал. Говорил прерывисто, с придыханием. Ему было больно.

— Ну ты ходить сможешь?

— Да. Ничего страшного. Устал немного.

— Брат, мы так давно не говорили, — Егор решил взять на себя ведущую роль в разговоре, раз Андрею сейчас с трудом давались слова. — Гребаная война. Я тебе про Аню рассказывал? Нет? Может, и я потом женюсь наконец-то, как вся эта катавасия закончится? Я ее из-под завалов вытащил. И она мне... Помогла, в общем. Потом как-нибудь расскажу. Она сейчас живет с моей мамой. У нее

никого нет, кроме меня. Сама в штаб пришла. Удивительно, что меня там застала. Вот такое совпадение. Ничего. Ты выздоровеешь, я уже почти здоров. Одним ребром больше, одним меньше... Закончится война, ты на своей женишься, а я на Ане.

Егор замолчал. Он вспомнил о том, что где-то совсем недалеко, в Воронеже, у него есть сын. И подумалось ему, что нормальной жизни уже не получится. Так она и будет идти — наперекосы.

Бои шли совсем рядом. В больнице все ополченцы держали оружие под рукой. Андрей попросил гранату и сказал, что живым не дастся. Егор раздумывал, но, в конце концов, согласился с таким его решением. Было предчувствие, что в больницу вот-вот ворвутся враги. Каждый день поступали новые раненые. А им не оставалось ничего, кроме как ждать. Какой бы боевой дух не был у раненых ополченцев, сейчас большинство из них не могли держать оружие в руках.

А потом вдруг стали поступать хорошие новости. И в них поначалу даже не верилось. Все говорили о том, что из Луганска и Донецка идет подмога.

И ситуация действительно начала меняться. Это чувствовалось в воздухе. Взрывы стали другими. Какими-то торжественными. Началась операция по деблокировке Ленинска. Донецкие батальоны подошли с юго-запада, луганские — с юга. Мощным огнем они отогнали противника, который теперь держал оборону с севера и запада от города. В самом Ленинске шли уличные бои. Сокол добивал тех украинских солдат, кто не успел отступить. Большинство сдавались в плен, но некоторые оказывали серьезное сопротивление. Небольшой отряд забаррикадировался в четырехэтажном доме и не хотел идти на переговоры. Владимир Соколов гарантировал, что сохранит им жизни. Но они не верили. После трех дней мощных перестрелок дом превратился в руины. Там были последние украинские солдаты, вошедшие в Ленинск.

В палату к Егору положили нового раненого. Лицо его показалось Медянову знакомым. Темные густые брови, неприятный рот и черные злые глаза. У ополченца была перевязана рука.

— Где это тебя так угораздило, брат? — спросил Медный, пытаясь поддерживать в палате непринужденную и по-возможности даже веселую атмосферу. Он вообще решил, что, пока лежит в больнице, это его главная задача.

— Да мест что ли мало? — буркнул мужик.

— Немало. За угол высунешься — может снарядом зашибить. Ты из какого отряда?

— Я из Луганска, на подмогу прибыл.

— Хм. Да? А мне вот твое лицо кажется знакомым. Вроде бы виделись мы где-то... — Егор валялся на кровати и размышлял вслух. У него была неплохая интуиция. И он сейчас невольно почувствовал что-то неладное. — Больно у тебя говор не наш. Россиянин, что ли?

— Ну и что с того? — огрызнулся тот.

— Точно, россиянин. Из Тамбова вроде бы. Да? Я тебя еще тамбовским волком назвал. Три месяца назад ты к нам в ополчение прибыл. У меня память хорошая! — Даже слишком.

Егор замолчал, думая о чем-то своем.

Ярослав сидел на кровати и бросал на него недовольные взгляды.

Дверь в палату открылась и показалось круглое бородатое лицо.

— Черный, пойдем покурим? — сказал незнакомец новичку в палате.

Тот поднялся и вышел.

«Черный. Хм. Знакомый позывной», — нахмурился Медянов. Где же он мог с ним пересекаться? Ну, их первую встречу в мэрии он вспомнил. Но тогда он еще

не знал поэзию этого человека. Черный. И негатив от него идет сильный. Точное прозвище. Егор перебирал воспоминания. Так. Виделись они точно один раз. А вот прозвище это он где-то уже слышал. От сослуживцев? Может быть. Но почему у него непонятная злоба на этого незнакомца... Станица Мироновская. Мародеры. Сапаткины.

У Медного мурашки пошли по телу. Не может быть таких совпадений. Неужели это тот самый Черный, о котором говорили мародеры? Нужно проверить. Но как? Прямо спросить, как же еще? Егор решил, что по реакции на его вопросы поймет, тот ли это человек, который ему нужен.

«Надо рассказать Андрюхе! — подумал Медянов. — Он должен знать. Если со мной что-то случится, то вся эта история забудется. И Черному все сойдет с рук!» Он встал и пошел в соседнюю палату.

— Наши побеждают! — хлопнула его по плечу медсестра Галя. — Скоро будем праздновать победу.

Егор ответил ей улыбкой и в знак согласия и поддержки высоко поднял кулак. «Эх, что им, девчонкам, приходится здесь видеть и переживать», — тяжело вздохнул он, когда медсестра прошла.

В палате Шишкова никого не было, все вышли либо на процедуры, либо покурить.

— Ну что там у тебя хорошего? — слабо улыбнулся Андрей.

— Я поговорить пришел.

Егор близко склонился к нему и рассказал историю со станичными мародерами.

— Ты должен знать. Мало ли что может со мной случиться.

— Я понял, брат. Все понял.

— Я еще посмотрю за ним.

— Главное — не спеши. Потом уже не исправишь.

— Да, знаю. Ты прав. Но я узнаю точно. Андрюха, неужели и мы такие?

— Наверное, в чем-то да. По крайней мере, для кого-то. Некоторые считают, что все ополчение — это сплошные мародеры и грабители.

В коридоре Медянов неожиданно столкнулся с Черным. По наитию легко толкнул его в плечо и предложил «подыметь».

— Я только коптил.

— Ничего, покуришь еще, — жестко сказал Егор. — Тебе не вредно.

Между ними явно установилось напряжение. Это чувствовали не только они сами, но и все вокруг.

— Ну, пойдём...

Они вышли во двор больницы. Отсюда, с возвышения, открывался вид на южную окраину Ленинска. Там было спокойно. И разрушений было не так много, как в других частях города. Егор угостил знакомого сигаретой.

— Чего звал-то?

— Да так. Узнать хотел кое-что... — подкуривая сигарету, сдержанно отозвался Медянов.

— Ну? И?

Егор окинул взглядом город: невысокие дома, большой пустырь неподалеку, величественные тополя, накренившаяся водонапорная башня. Родной край. Дорогой и близкий, неразрывно привязанный к душе.

И вдруг он с откровенной ненавистью поглядел в лицо Ярослава.

— Ты в станице Мироновской был? Держал там территорию?

Черный сразу смекнул, что неспроста приклепался к нему этот паренек. Он усмехнулся.

— Если есть, что сказать — говори, — сухо ответил он.

— Люди там жили хорошие. А теперь их нет. Из-за тебя нет.

— Да, я был там. И, видимо, еще вернусь, чтобы провести разъяснительную работу с местным населением, как нужно вести себя.

— Никуда ты не вернешься, тамбовский волк. Ты уже никуда не сможешь уехать. Это я тебе обещаю.

— Что ты мне можешь? Ты сопляк с автоматом. Без него ты никто.

— Я тебе сказал: с Донбасса ты не уедешь.

Всю ночь Егор делал вид, что спит. А сам прислушивался к шорохам в палате. Он был уверен, что Черный попытается убить его этой ночью. Медянов бдительно всматривался в сторону койки, на которой лежал его враг.

Но, как видно, не доглядел.

Утром обнаружилось, что Ярослав Черняев пропал из больницы. Персонал не особо переживал — работы хватало и без того. Медянов был уверен, что Черный отправился в станицу. Наверняка туда. Нужно не допустить, чтобы он причинил кому-то вред. Ребра, хоть и болели, но мало беспокоили Егора. Он взял свои вещи и, игнорируя вопросы соседей по палате, ушел.

Свой синий «жигуль» он нашел недалеко от штаба ополчения. Ключи были при нем. А вот бензина в машине не оказалось. «Проклятье!» — разозлился Егор. Он тормознул первую машину, ждать ее пришлось почти тридцать минут, и попросил у водителя поделиться бензином. Незнакомец приветливо улыбнулся и согласился. Медный поблагодарил и, устроившись поудобней в своей колымаге, погнал в сторону станицы.

Он не знал, что все это время Черный следил за ним. Он сидел в бежевом БМВ, припаркованном в самом конце улицы. На заднем сиденье у него лежала сумка с деньгами, а на соседнем — целый арсенал оружия. Здесь были и автомат Калашникова, и пара пистолетов, и гранаты. Черняев был готов к разным вариантам развития событий. Это касалось даже не ситуации с Егором, а вообще всего Донбасса. Он запустил двигатель и плавно двинулся за синими «жигулями». Ярослав догадывался, что, скорее всего, Медный едет в свою занюханную станицу, будь она неладна. У тамбовчанина уже сложился и приблизительный план действий. Дело обещало быть несложным. У Черняева было приподнятое настроение, возбужденное. Он проверил обойму пистолета. Стрелять из автомата, будучи за рулем, не представлялось возможным. К тому же рука была перевязана и болела. Из нее еще не вытащили осколок. Поэтому стрелять можно было только из пистолета. И то — если получится.

Но Ярослав не хотел спешить. Ему требовалось еще кое-что. Он хотел выяснить, к кому именно едет этот худощавый доходяга. Они тоже должны расплатиться за свой длинный язык.

Ехать было недалеко, но все осложнялось тем, что справа были украинские войска, а слева позиции держали ополченцы.

Егор прибавил газу, когда услышал свист мины; десять секунд спустя она с грохотом упала на поля справа. И начался обмен любезностями. То и дело пронзительный свист закладывал ему уши. Противный, леденящий, смертельный. У Медного, не первый день воюющего и видевшего очень плохие вещи, но не терявшего самообладания, душа ушла в пятки. Адреналин поступал в кровь щедрыми порциями. Обстрелы и скорость — гремучая смесь, которая не оставляет равнодушным. Любая следующая секунда может быть последней, но при этом ты не бессилен, у тебя есть руль и педаль газа.

Непонятно зачем, но палить по нему принялись остервенело. В особенности украинцы. Они понимали, что машина едет из Ленинска, а стало быть, вражеская. Егору показалось, что свои пытались его прикрыть, подавляли огонь, но он понимал, что, скорее всего, это его домыслы. Впереди и позади на асфальт ложи-

лись мины, оставляя воронки. Чудом они не задевали синюю машину. Не ожидал Егор такого веселья.

И почудилось ему, что подошел он к краю. К краю своей жизни. И решил Медный, что дальше ничего нет. Только враг, которого нужно остановить, и эта опасная, простреливаемая дорога, ведущая к нему. На большой планете больше нет ничего. Дорога, снаряды и опасный человек.

В этот момент Егор и заметил его. Словно ему поступила информация от ангела-хранителя. Интуиция вновь сработала. В зеркало заднего вида Медянов увидел светлую иномарку, которая преследовала его. Медянов, нервы которого были на пределе, зло, скаля зубы, рассмеялся. Теперь он стал еще больше напоминать грызуна.

— Вот оно как! — заорал он во всю глотку непонятно кому. — Я за тобой, а ты, оказывается, за мной! Хитрая сука!

У Медного была всего одна цель — не дать Черному добраться до его близких. Поэтому он ударил по тормозам. Машина начала вилять, Егор крутанул руль вправо, пытаясь развернуть автомобиль. Колымага заскрипела, закричала и, казалось, заискрилась. Машина дрожала, она готова была развалиться. Медный чувствовал это.

— Еще немного...

Черный, немало удивившись увиденному, вдавил в пол педаль газа и взял с соседнего сиденья пистолет в перевязанную руку. Ярослав, высунув пистолет в окно, начал стрелять по синей мишени.

Вокруг взрывались снаряды, вставала дыбом земля, гремели орудия и кричали люди. Вокруг шла война. Но эти двое, встретившись на узком участке асфальтированной полосы, этого не замечали. Остался лишь их незавершенный конфликт.

Егор развернул машину поперек дороги. Так, чтобы не дать врагу проехать. Он направил пистолет в сторону Черняева, который уже успел несколько раз выстрелить. Медный прицелился, но раненая рука дрогнула, и он промазал.

Ярослав яростно гнал иномарку и уже готовился протаранить ополченца. В этот момент между их автомобилями упала мина. Взрыв отбросил машины в кювет. Егор выпал из «жигулей», ломая ребра.

Он не сразу открыл глаза... Голова раскалывалась, бок онемел. Егор поначалу ничего не понимал. Чувствовал только то, что дышит.

И вдруг, вспомнив все, начал судорожно подниматься. На четвереньках пополз в сторону искореженной БМВ. Каждое движение давалось ему с трудом. Сердце ухало в висках.

Медный напряженно выглядывал своего противника. Черный вылетел при взрыве из машины и теперь лежал поодаль от нее. Их автомобили уже занялись огнем, едкий запах гари разносился вокруг, неприятно щипал ноздри, заставлял кашлять. Над головой свистели снаряды, они падали и привычно грохотали, словно хохоча над двумя букашками, которые были бессильны по сравнению с ними. Но вот одна букашка подняла пистолет и прицелилась. Егор пригляделся к Черному, тот не двигался, не подавал признаков жизни. Звук его выстрела растворился в бесконечной какофонии войны.

Егора нашли свои во время наступления. Они доставили его в город. Медный снова оказался в больнице. И сейчас все было намного серьезнее. Нашпигованный обезболивающими, он лежал на койке в коридоре, тупо пытаясь понять, осталась ли в нем еще жизнь.

Политики заключили вторые минские соглашения. В сердце зародилась надежда, что война прекратится.

Медянов проходил лечение. Андрея к тому времени уже выписали, но он раз в несколько дней приходил навещать Егора. Разговор у них толком не получался. Грудная клетка Медянова болела, вдыхать воздух было тяжело, приходилось это делать мелкими глотками. Поломанные ребра давили на сердце. Создавалось ощущение, что оно неимоверно устало и вот-вот может остановиться. Егору порой казалось, что тяжесть на сердце теперь останется навсегда, как напоминание о войне, о пройденном пути, об увиденном горе: оно будет болеть, даже когда ребра срастутся.

И все же он мечтал поскорей вернуться на службу. Не мог Егор лежать целыми днями. Чувствовал себя ненужным, лишним, брошенным. Воюет с самого начала, можно сказать, стоял у истоков ленинского ополчения, а теперь только валяется на кровати или бестолково бродит по коридорам. Ему казалось, что возьми он сейчас в руки автомат, то ребра бы моментально срослись... Машину жаль только. Без машины теперь как без рук.

Егор читал журналы и иногда книги. Потом появился Wi-Fi, и он стал заходить в телефоне. Читал украинские новости и плевался. Пропаганда, ложь, оскорбления. Спросить бы с этих журналистов по полной. Порой очень злился. Неужели они думают, что все это сойдет им с рук? Есть же карма, хоть мы и христиане. И она работает. Иногда хорошо, а иногда и не очень. Вот с Черным сработала. Егор вспомнил его угольные глаза, смотрящие на него, и густые темные брови. Перед смертью в них не было ни страха, ни раскаяния. Что же это за человек такой был? Он отгонял от себя эти мысли, не хотел рыться в себе, рефлексировать. Поквитался и все. Одним ублюдком на Земле стало меньше.

И совершенно неожиданно ему написала Вероника: «Привет. Как твои дела? Что там дома происходит?»

Он прочел эту фразу десятки раз. И все время разные эмоции переполняли его — от радости до гнева.

«Привет. Все нормально. Лежу в больнице», — сухо ответил Медянов. Потом приписал: «Как Ванька?»

Она ответила довольно быстро.

«Малыш хорошо. С родителями сейчас в Воронеже».

«В Воронеже? А ты где?»

«Я уехала оттуда».

Он читал и не верил своим глазам. Как она могла бросить ребенка? Сначала отобрала его, а потом сама бросила.

«Почему ты его бросила?» — его злость чувствовалась и по интернету.

«Ты кто такой, чтобы так разговаривать?»

«А что ты тогда мне пишешь? Иди на хрен, овца тупорылая».

«Пошел ты, придурок».

После такой переписки Егор долго смотрел в потолок и напряженно думал: «Какая же она сука. Как она могла оставить ребенка одного? Он же еще совсем маленький!» Ему немедленно захотелось обнять сына, защитить его от непонятного и враждебного мира. Твой папа — воин, он сможет. Потом он пожалел, что так грубо ответил Нике. Постоянная боль давала о себе знать, он стал нервным, — теперь ее унять было сложно, она утомляла.

На следующий день Вероника написала сама:

«Егор, прости меня. Просто тут... как-то все сложно. Меня все нагрело. Мне так тяжело».

«Тебе тяжело? Ну да, а мы тут все на курорте», — язвительные мысли пронеслись у него в голове.

Она продолжала:

«Никому мы не нужны здесь. Я уже жалею, что уехала».

«Так где ты? Ты же в Воронеже рожала».

«Ага. Но пришлось уехать».

«Почему?»

«Все из-за работников ФМС, из-за этой курицы в Коминтерновском ФМС. Денег все хотят. Я пыталась узнать, какие документы нужны, чтобы паспорт оформить. Но все так запутанно. Представляешь, я даже на Ваню не получила еще никаких свидетельств. Он у нас и не гражданин Украины, и не гражданин России. Непонятно кто. Бюрократы проклятые. Родители остались в Воронеже, папа таксистом устроился работать, благо своя машина есть, а мама парикмахером. А я уехала в село, чтобы гражданство получить».

«А в селах проще его оформить?»

«Нет. Я просто решила замуж выйти, чтобы быстрее получить паспорт».

Она всегда умела его радовать.

«Ну, я тебя поздравляю. Совет да любовь».

«Какая любовь? Познакомилась я с ним на одном сайте. Разговорились, я ему рассказала всю ситуацию, а он возьми да напиши: «Приезжай. Замуж возьму, сделаешь себе гражданство». Мы с родителями подумали, подумали и решили, что это выгодно».

«Да, выгоду вы всегда искали и умели видеть».

«Егорюшка, ну не придирайся. Я так устала, тут не сахар, как тебе может показаться. Мне просто даже пожаловаться некому. Родители заняты, работают и нячтятся с Ваньком, а в деревне у меня подруг нет. Одна я здесь совсем».

«А как же муж?»

«Ну, он мне пока что не муж. Он на Никитку Шпаляка похож. Что внешне, что по характеру. Очень ограниченный тип, еще хуже, чем ты».

«Да куда уж хуже», — съерничал Егор.

«Я не то имела в виду. Ты меня понял».

С трудом поднявшись с кровати, Егор подошел к окну, открыл его и вдохнул свежий вечерний сентябрьский воздух. На душе было паскудно. За время войны он уже научился жить с этим чувством. Но тут был другой аспект паскудства на душе — любовный. Специально она его дергает, что ли? Сама подсознательно не хочет отпустить? Или она уже воспринимает его как далекого знакомого, которому можно все рассказать? Как вообще она к нему относится? Егор не понимал ничего. В итоге он охарактеризовал их отношения на данном этапе забористым матерным словом. Вообще он уже давно так их характеризовал. Просто со временем, по мере того как их отношения становились все сложнее, и матерное слово становилось все изысканней.

Вернувшись после очередного перекура, Медянов забрался под одеяло. На улице уже похолодало, а ему все не хотелось надевать куртку. Он грелся под тонким больничным одеялом. Постепенно становилось хорошо. И Егору захотелось оказаться в объятиях. Ани или Ники. Неважно. Хотя важно. Объятия Ани будут теплыми, благодарными и весенними. А руки Вероники не способны его согреть, не могут подарить ему тепло. Но тогда почему она ему пишет? Размышляя в этом русле, Медянов понял, что Ника не может его согреть, но она хочет его тепла. И тут он попал в точку.

От нее на днях было сообщение:

«У нас фермерское хозяйство, он индивидуальный предприниматель, у него фирма “Агро-Молоко”. Но очень тяжело. Постоянно возникают проблемы. Власти требуют кучу бумаг, налогами замучали. Помогали бы они так... Мы коров, технику, семена и всякие удобрения за свои деньги покупаем! Нет никакой помо-

щи, дотации хрен получишь. За землю приходится много платить, у нас в аренду взято 40 гектаров. Обидно, что пахешь как лошадь ради светлого будущего, а тебя все больше нагибают! Так что мы с Сашей крутимся, как можем. Только я чувствую себя больше какой-то нанятой работницей. Дояркой. Я вообще сейчас тут никто».

«Да, не повезло тебе».

«Опять сарказм чувствую. Для тебя я всегда плохая, все последние десять лет. Но себя ты не видишь. Ты бы лучше денег на содержание своего сына прислал».

«Вообще-то вы у меня его фактически отобрали».

Егор просто оцепенел от таких слов Ники. Она опять про деньги. Он после тяжелого лета в больнице залечивает раны, зализывает, как собака, а она только о бабках. Но все-таки в чем-то Вероника права. Надо помочь Ваньке. Но как? Он не получил ни копейки за свою службу.

«Мы уехали от войны. Но с тебя это не снимает ответственность за ребенка».

«Я перешлю, как только что-то заработаю».

«Да, долго придется ждать».

«Закрой рот. Не пиши мне больше. Я не намерен терпеть все эти оскорбления и издевки. Иди лучше коров своих целуй в их шершавые носы».

Он выключил телефон и закрыл глаза. Было еще рано, но Егор решил лечь спать, хорошо выспаться. Завтра у него не будут болеть ребра, перестанет ныть сердце и душа. Завтра все будет по-другому и намного лучше. И она не будет писать, не будет требовать, не будет снова попрекать, не будет жаловаться ему на него же. Он же давно уже решил, что они друг другу никто. Но Вероника делала попытки пробить эту стену и снова оказаться в его жизни. Даже не в качестве возлюбленной, а в качестве напоминания, что он — неудачник. Как ему было хорошо без нее эти три месяца. Если бы она была рядом, он точно словил бы пулю в первом же бою.

* * *

Соколов дал Егору несколько дней на то, чтобы восстановиться после больницы. Физически Медянов был крепок, кости срослись, однако все еще беспокоили, ныли и иногда болели при поворотах. Но нести службу он мог.

Они крепко обнялись при встрече.

— Как я рад, что ты жив, Егор, — Владимир держал парня за плечи. — Многих не стало. Я за тебя очень переживал. Ты мне как младший брат, Медный. Выпьешь?

— Да, это можно.

Они молча выпили виски, который Сокол достал из шкафчика в своем кабинете.

— Володя, если бы не ты, мы бы могли не выстоять. Наша победа во многом твоя заслуга.

Соколов как-то еле заметно скривился.

— Победа... Да уж... Ну, ты отдохни пару дней и возвращайся на службу. Дел много. Мне нужны люди, которым можно доверять.

За окном кружили птицы, стаи ворон носились от дерева к дереву, нагло каркая. Им мешали воробьи, бесстрашно снующие между вороньими рядами. Голуби испуганно уносились от черных птиц. Падали желтые и зеленые листья, кое-где деревья становились бордовыми, украшая растерзанный город яркими вкраплениями.

— Да, вот еще что. Ты, наверное, домой хочешь поехать? Задержись. Завтра награждение.

— Кого будут награждать?

— Тебя. В том числе.

— Да иди ты! — Егор чуть не поперхнулся виски. — Это за какие же заслуги?

— За отвагу, Медный.

— Не рано ли мне в герои?

— В нашем деле может быть только поздно, — мрачно процедил Владимир. —

Церемония пройдет в девять утра на главной площади... Мы выстояли, Егор. Чудом выстояли. И мне в это до сих пор не верится.

— Правда на нашей стороне. На том стояла и стоять будет русская земля.

Домой в станицу Мироновскую Егор ехал уже с медалью «За отвагу» I степени. На ней также было выбито: «Не побежден — не сломлен». И Медянову очень хотелось в это верить.

Мама и Аня очень сдружились. Беда объединяет. Они были рады видеть Егора. Мать Ульяна плакала от счастья. Не выпускала сына из объятий.

— Аккуратно, мам. Ребра еще болят.

— Как тебя так угораздило?

— Так получилось.

К обеду они накрыли шикарный по этим непростым временам стол. Мать принесла из погреба несколько банок: в них были и любимые Егором консервированные баклажаны, в народе ласково называемые «синенькими», и соленые огурцы, потом же икра кабачковая. Открыли и абрикосовый компот. Картошку мама Уля жарила шикарную, на сале, ароматную и аппетитную. У Медного, который за месяцы войны отвык от домашней еды, невольно округлились глаза. Он на миг почувствовал себя в дорогом отеле, работающем по системе «все включено». Сервис на высшем уровне. Мать достала даже бутылочку самогонки. Налила не только Егору, но и себе.

— Вот так вот? — удивился он. — Ты же никогда не пила.

— Да это я так. За встречу.

Медный недоверчиво уставился на мать. Она всегда плохо относилась к алкоголю. Она даже по праздникам не пила, а тут... Все из-за него. Переживает.

Пообедали хорошо, болтали весело и непринужденно. Егор рассказывал какие-то байки, смешные ситуации, которые происходили на войне с ним и его товарищами. Скажем, однажды ополченец с позывным «Тимур» взял в плен нескольких украинских солдат, угрожая им учебной гранатой, которую сам по неосмотрительности взял с собой. Вопрос был лишь в том, что учебных гранат в ополчении не было, боевых — навалом, и где Тимур ее взял осталось загадкой даже для него самого. А однажды сидели они с парнями на позициях, дежурили, значит, и неведомо как к ним прибежал нацик. Он был уставший, тяжело дышал, кашлял. В общем, плохо осмотрелся и не понял, что оказался в стане врага. Что, говорит, хлопцы, сепаров когда гнать будем отсюда? Потом он замечает, что что-то не так, смотрят на него непонятно, шевроны непривычные на некоторых. Он начинает пятиться, но сзади его подхватывают сильные руки, сажают на кирпичи и крепко сжимают плечи, мол, рассказывай свои военные тайны. Нацик проявил благоразумие и все интересное, что знал, выложил как на духу. Надавав ему по рожке, но не усердствуя, ополченцы отпустили его.

Из рассказов Егора выходило, что война не такая уж и страшная, и в основном на ней шутят и прикалываются. Мама Уля и Аня понимали, что он просто не хотел говорить о другом. И они поддерживали веселый тон разговора. От этого на душе у всех становилось легче.

Вдалеке что-то гроыхнуло. Война продолжалась.

После обеда Егор с Аней пошли прогуляться. На улице была настоящая осень, золотая и теплая. Даже хотелось немного бы побольше прохлады. Под ногами валялись большие листья каштанов и кленов. Было очень тихо. Народ не суетился как обычно в теплое еще время года, на улицах и огородах людей не было. Раньше

по соседней дорожке ездили комбайны, которые завершили уборочную пору, носились грузовики с зерном и цистерны с молоком. А сейчас жизнь замерла. Но Егору почему-то было легко. Он чувствовал себя спокойно. Он чувствовал себя дома.

— Как ты? — спросил Медянов.

— Я в порядке, — приветливо ответила Аня. — Все нормально. Я жива. Это уже повод радоваться... Но что-то не радостно.

Егор приобнял ее за плечи в знак поддержки, потом убрал руку.

— Все наладится. Нужно время.

— Наверное. Хотелось бы верить.

— Мне кажется, что есть невидимые весы справедливости. Если ты лишился чего-то, то обязательно потом где-то будет привес. И наоборот. С мамой моей нормально?

— Да. Мы особо не общаемся. Я помогаю по хозяйству, она кормит меня.

— Часто она пьет? — задал Егор вопрос, который очень тревожил его. Он не знал, серьезная ли это проблема. За маму он очень переживал.

— Бывает. Не скажу, что часто. Сядет за столом, нальет стакан, выпьет и смотрит в окно. По тебе горюет.

Мрачно стало вокруг. Внутри все сжалось. Медянов не знал, что делать. На его счету на одну загубленную жизнь стало больше. Так ему казалось. Он был именно такой — во всем винил себя. Война немного притупила это чувство. Но увидев, как изменилась мать, Егор почувствовал себя разбитым. Как можно было этого избежать? Мать будет переживать за своего сына всегда. А тут война. На нее это обрушиться, словно потолок. Хрупкие женские плечи не смогли вынести такого груза. Всю жизнь одна растила сына. А теперь каждый день может прийти новость, что его больше нет. Нужно была отдушина.

— И что мне делать дальше? — произнес Егор, спрашивая даже не Аню, а родные улицы станицы. Они-то должны знать ответ. Но улицы молчали, безмолвны были дубы, тополя и акации, лишь поскрипывали ворота дворов да кошки в испуге разбегались. Ответа не было.

— С ней все будет в порядке, — раздался голос Ани. Мягкий и убедительный. Правдивый. Она сказала это не затем, чтобы просто утешить. Девушка вложила в эти простые слова всю свою искренность. И Егор поверил, что она права.

— Как вообще у вас обстановка? — спросила Аня.

— Нормально. По сравнению с летом сейчас затишь. Иногда стреляют. По городу несколько раз попало. Мы укрепляемся, они тоже. Поговаривают, что скоро мы пойдем в наступление. Но пока приказа не было.

Медный не знал, что такого приказа не будет не только в ближайшие недели или, может быть, месяцы, но и годы... Никогда. Никогда такого приказа не будет.

— Какие у тебя планы? — спросил Медянов.

Аня напряглась. Ей показалось, что это намек на то, что ей нужно уходить.

— Мне было бы спокойней, если бы ты была рядом с мамой, — продолжил Егор. — Я понимаю, она тебе никто. Как, собственно, и я...

— Не говори так! Ты спас меня. Я тебе обязана жизнью.

— И тем не менее. Я был бы рад, если бы ты осталась с нами. Ты не служанка, не подруга, не жена. Я даже не знаю, в каком статусе ты могла бы остаться. Вернее, согласилась бы остаться.

— А в каком бы ты хотел? — она спросила это с ноткой надежды и еще чего-то такого, не совсем ясного.

— Я честно скажу, — начал Егор. — Я мало думал о тебе на передовой. Мне не до этого было. Но мне кажется, что ты нужна мне. Я хочу попытаться нормально жить, как все люди. У меня жизнь и до войны не особо удачно складывалась. Но я должен восстановить все из руин. Возможно, ты мой шанс. Но я не знаю, что ду-

маешь ты. Может, я противен тебе. Мы вообще друг друга почти не знаем. И я пойму, если ты уйдешь. И я не хочу, чтобы ты оставалась только из-за своего долга. Не притворяйся.

— Мы действительно с тобой почти не знаем друг друга, но я видела, какой ты. Ты — боец, человек, который готов сражаться за справедливость. Я бы не поверила, если бы сама не увидела. Ты готов был погибнуть, защищая своих земляков. Один освободил станицу от банды мародеров.

— Аня, это ведь все не главное. Это я во время войны такой. Хотя и сам от себя не ожидал. В обычной жизни я другой. Неудачник. Не зарабатываю много денег.

— Ну и что? На тебя можно положиться в трудную минуту. И мы с тобой уже через многое прошли.

Егор взял Аню за руку. Она сжала его ладонь сильнее, показывая, что он ей нужен. На секунду Медному показалось, что у него прорезываются крылья.

Мать все рассматривала медаль и улыбалась. Она и так гордилась своим сыном, который не побоялся встать на защиту родной земли, но медаль означала, что не только она гордится Егором, но и другие люди. Ему нужно было возвращаться в город на службу.

— Я постараюсь почаще приезжать.

— Я к тебе сама буду часто ездить.

Аня проводила его до остановки. Там у них случился первый поцелуй. Она не хотела его отпускать, ее ладони вспотели, она распереживалась.

— Да успокойся ты. Что себя накручивать? Лето пережил, зиму уж точно переживу, — убеждал девушку Егор.

* * *

До того, как выйти на службу, Медный заглянул домой к Андрею. У них состоялся неприятный разговор. Оказалось, что Шишков ушел из ополчения.

— Почему? — подступил к нему Егор.

— Да как ты не поймешь?! — кричал Андрей. — Все превратилось в какой-то цирк. Это полная хрень, Егор. Разве ты не видишь?

— Что я не вижу?

— Что мы проиграли!

— В каком смысле проиграли? — возмутился Медный и встал со стула, задев стол и чуть не перевернув кружку с чаем. — Что ты несешь? Андрюха!

— Разуй глаза, сними шоры! Посмотри, где мы! В каком дерьме оказались.

— Мы защитили город! Отвоевали свой клочок земли.

— Мы выиграли бой. Но это перемирие... Мне оно не нравится. Егор, нас, помни, предадут.

Медный встал, обулся и, не оборачиваясь, бросил:

— Бывай.

Дружеские чувства к человеку, которого знал с детства и с которым прошел тяжелые военные будни, враз усохли в душе Егора. Он слишком остро воспринял слова Андрея. Он не знал, что через время будет согласен с ними. Сейчас он хлопнул дверью. В прямом и переносном смысле.

* * *

Егор продолжил службу. Ленинск оказался на границе Луганской народной республики. Поэтому ситуация здесь была напряженной. Активные боевые действия стали редкостью. Началась позиционная война. Ни мира, ни войны. Обстрелы продолжались изредка, но стороны не спешили идти в наступление. Держалось так

называемое перемирие. Оно было, конечно, только на бумаге. Но количество погибших как среди ополченцев, так и мирного населения значительно снизилось. По сравнению с летом жить стало легче. Война постепенно перетекала в плоскость СМИ, хотя они и до этого были задействованы. Но теперь все чаще война велась на бумаге, верней, на экранах телефонов и телевизоров. Медянову иногда становилось тошно от той чуши, которую писала украинская пресса. Да и россияне часто отличались не в лучшую сторону, журналисты иногда совершали промахи, выставляя себя и свой канал не в лучшем свете. Но вскоре это забывалось. Каждая из сторон создавала и подстраивала реальность под себя, под свою аудиторию. Сейчас это необходимая часть театра боевых действий. Егору казалось, что в СМИ пишут про другой Донбасс — мифический. Россияне говорили больше правды, намного больше, но часто перегибали, а кое-где не говорили какие-то вещи, которые, возможно, надо было бы сказать. Они брали только часть правды. Их украинские коллеги писали несусветную чушь и ложь. Медный удивлялся, как людям не стыдно. Они же прекрасно понимают, что переворачивают все с ног на голову. Его больше всего бесила эта установка в украинской прессе: «Россия — агрессор».

«Вы че, гниды продажные! Это же вы нас расстреливали, мрази!» — кричал в душе — и не только — Егор. Он не понимал, как можно быть настолько лицемерными. То есть свой народ расстреливать можно. А когда кто-то за него заступается, тем или иным способом, то это агрессия. Л — логика.

Кстати, Медянов и сам однажды дал интервью. Из Луганска приехал журналист Сергей Литвинов. Молодой парень, ровесник Егора. Они долго говорили, ездили по городу. Медянов показывал места боев, рассказывал какие-то истории, в том числе и о себе. Литвинов писал серию материалов о том, как сейчас живет Ленинск, как восстанавливается. Верней, пытается восстановиться. Журналист провел в городе несколько дней и не раз виделся с Егором. Они прониклись даже некоей симпатией друг к другу, обменялись контактами.

Медный потом читал в газете статьи Литвинова, и никаких замечаний у него не возникло. Странное дело. Не может же так быть, чтобы наши республиканские журналисты, думал Егор, лучше и честнее всех остальных. Или может? Он же правду написал. Или надо рассматривать каждый материал отдельно? Наверняка, Литвинов не всегда писал так, как есть, что-то замалчивал. Наверняка. Но парень-то он хороший. Может, потому, что свой? Егор часто размышлял над этой темой информационной войны. Он понимал, как она важна.

В общем, информационный фон был для него диким раздражителем.

Еще постоянно писала Вероника. Почему когда на человека тебе становится наплевать и ты окончательно перестаешь о нем думать и по нему страдать, то он снова и снова возвращается в твою жизнь? У Егора складывалось ощущение, что она это делала специально.

От нее частенько приходили сообщения, а иногда и целые письма.

«Мой Саша совсем долбанулся. Слушай историю.

Я вчера на двадцать минут ушла раньше него из сарая, чтобы сварить молочный супчик на ужин. После ужина мы собирались ехать к его маме в баню. Думаю: «Пойду приготовлю сразу, чтобы быстрее было». Сказала ему, что пошла. Ты бы видел его — он чуть не лопнул от злости. Начал орать: «Да пошла ты на хэ отсюда, а то я тебе сейчас мозги вышибу, сука». Мне так обидно стало, аж кончики пальцев занемели. Он думал, что я работать не хочу, а решила свалить. Мы до сих пор не разговариваем.

Мне реально так обидно. Как будто я ленивая какая-то. Он как уезжает, я все делаю одна: и ведра ношу, и всех коров обслуживаю — воду наливаю и корм подаю, траву даже кошу, варю кашу свиньям. Господи, я в станице никогда так не работала.

Когда он в дом зашел, я ему, естественно, высказала это все. А он начал вопить: «Ты еще считаешься со мной будешь!» Я говорю: «А что ты вообще на меня орешь, как будто на рабочего, ты мне зарплату не платишь!» Он мне: «Скажи спасибо, что я тебя на порог пустил, шавка ты безродная». Представляешь? Мне так обидно. Мы не общаемся. Как он может так ко мне относиться?

Я вот вспоминаю, как ты меня любил. На руках носил, цветы постоянно дарил, пусть и полевые, но мне было так приятно. А этот... И деваться некуда. Мне нужно гражданство.

Напиши мне, пожалуйста. Ты мне отвечаешь через раз».

Егор прочел письмо и раздраженно убрал телефон в карман. Он не хотел ничего отчаять. Медянов пытался не злорадствовать, но не мог. После всех этих лет его несчастной любви к Нике, бесполезных встреч, жалких попыток создать семью его странно радовала и по-своему веселила мысль, что кто-то с ней теперь обращается, как со швалью. Пусть помучается. И самое интересное, что она ведь даже не любит этого Сашу, но она сама себя убедила, что ей приходится быть с ним. Егор понимал, что неправильно смеяться над бедой Ники, но ничего поделать с собой не мог.

«Блин, зай, со мной какие-то чудеса творятся! Глаза опухают, как с бодуна, во рту вязко, все болит, в груди колет, спина вся хрустит. Я стала так быстро уставать, не помню, чтобы я так выматывалась быстро, выносливая была и в жару работу физическую делала, и нормально. А сейчас ведро воды принести не могу, два раза присяду, и в ушах то звенит, то закладывает».

Егор сухо, как незаинтересованный консультант, посоветовал, чтобы Вероника обратилась к врачу.

На время она притихла. И Медянов нес службу, не отвлекаясь на дела сердечные. С Аней они почти не виделись, тоже только по телефону общались. Иногда эти разговоры заходили очень далеко... Из казарм он мог вырваться только раз в месяц на два дня. В это время он решал накопившиеся дела, не всегда даже ездил домой к маме и Ане.

«Привет, Егорушка! До больницы я так и не дошла, а точнее, не доехала. Мы как ни приедем в райцентр, все некогда. Саша вопит, что “давай быстрее”, и в итоге хрен мне, а не больница. А целенаправленно именно в больницу не везет, ждем-с, когда какие-нибудь делишки накопятся. Вот ездили в ту пятницу, но я опять пролетела по каким-то непонятным мне причинам. Нам опять надо было быстрее назад!»

От следующего сообщения веяло победой.

«Егор, мне, считай, крупно повезло! У моего сильно живот прихватило, прям пипец. Съездили в больницу на УЗИ. Я ему на хвост и упала.

Если честно, обидно, что на мои просьбы он не реагировал, а вот как его прихватило — сразу время и деньги нашлись на платное УЗИ и на бензин для поездки.

Рада, что Сашку прихватило. Если бы не это, то хрен бы мне, а не больница! Какая я все-таки злая и мерзкая женщина. Да? Ты ведь так меня видишь?

Я скучаю по тебе, по твоему отношению ко мне. Я вообще не думала, что можно так относиться к женщине, как относится Саша. Теперь я понимаю, какое ты у меня золотко был».

Прям аж зубы сводит от злости. Послать ее подальше?

«Пришли мне фото Ваньки!» — написал однажды Егор.

«И так башка болит: и поля обрабатывать надо, и корм заготовливать, и поголовье увеличивать! Потом».

«Да ну и Бог с тобой. Как тебе надо выговориться, так строчишь столько, что читать устаешь. А как сам что попросишь, так дулю с маком... — устало подумал

Егор. — И не спросит, как мне служится, как Новый год встретил, как мои дела. Все мы только о себе любимых хотим общаться».

Но однажды она все-таки спросила.

«Нормально, — ответил Егор. — Недавно была попытка прорыва. Полезли на нас укры. Но это оказался отвлекающий маневр, а более крупными силами они атаковали в другом направлении. Обстреляли город, несколько дней перестреливались. Конечно, у них ничего не получилось. Нас с места уже не сдвинешь».

«Тебе бывает страшно?»

«Бывает. Тут надо держать ухо востро».

«Ты ненавидишь Украину?»

«А за что мне ее любить? — ответил Егор. — А ты?»

«Нет, конечно. Если бы не эта война, я не оказалась бы рядом с этим бараном. Задолбал он. Просто невыносимо с ним жить».

«Каждому свое. Это твой выбор. Не нравится — уходи от него».

«Я не могу. Мне нужен российский паспорт. Ваньке нужен российский паспорт. Я уже все документы подала. Сказали, что еще три месяца надо ждать. Зато потом полноценная гражданка России буду!»

«Ага, полноценная».

«Что?»

«С сомнительными моральными принципами, — зло написал Егор. Он обычно держал себя в руках и старался не грубить, но иногда не мог сдержаться. — Чем ты лучше проститутки? За паспорт живешь и спишь с мужиком, который тебе неприятен».

«Я — проститутка? Да я твоего сына родила, придурок! А ты меня проституткой! Я это делаю для того, чтобы он потом мог устроиться нормально в этой жизни. А не как его папаша — всякой хренью заниматься, с автоматиком по посадкам бегать. В детстве не наигрался?»

«Ага. Скажи мне только одно: ты реально веришь, что делаешь это все ради Ваньки?»

«А ты для него что-нибудь вообще сделал? Ты даже его не видел ни разу в жизни! Только на фото».

«Не по моей вине. Пусть с папкой ему не повезло, зато мать — самая лучшая. Только спит с мужиками за паспорт. Куда дальше двинешь? Армения, Грузия, Израиль? Чем больше паспортов, тем больше ты человек. Так, кажется, говорил классик».

После этого общение надолго прервалось. Видимо, Вероника затаила обиду. Егору было все равно. От общения с ней его бросало то в жар, то в холод.

Конечно, через пару месяцев она снова объявилась с очередным электронным письмом.

«У нас черная полоса была. Зай, со мной творится какой-то пипец, я нервничаю, как сука! Эти коровы заколебали, у меня в глазах темнеет от усталости, под сердцем колет и щемит, особенно после того, как я разнервничаюсь. Я не могу уже. Я их как увижу, так сразу беситься начинаю. Я пила пустырник, переборщила, и меня плющило нереально, еле из-за стола вылезла».

Еханный бабай, я не могу успокоиться! Тебе пишу — и руки трясутся, я не знаю, насколько еще меня так хватит!

А Сашка не может меня успокоить, только орет. Нет бы подошел и обнял, я бы успокоилась. А он, наоборот, орет и обзывается.

Вчера ему кое-что высказала в сердцах. Мне паспорт надо делать — это мои проблемы, ребенок в Воронеже, надо его забрать — это мои проблемы, проблемы со здоровьем — это мои проблемы!!! Тупик, Егор. Вообще, как меня все задолбало. Видимо, никогда не иметь мне нормального мужика, который бы и любил, и деньги

хоть какие-то зарабатывал. Ты меня любил, но обеспечить не мог, а этот меня обо-бо и не любит, заставляет работать, и тоже денег не дает.

Еще Ванька там. А я... знаешь, я даже последнее время как бы не чувствую себя матерью. Я же никогда не хотела такой жизни, не хотела детей до тридцати лет, не хотела семью! Хотела одна, чтобы никому не быть должной! Я тварь, да? Что сейчас такое говорю тебе, да?»

Медянов не стал ничего отвечать. Ему надоело все это выслушивать. Она найдет себе еще кого-нибудь, кому можно пожаловаться, это точно. Что же это все так долго тянется с ней? Сто раз уже Егор ставил крест на отношениях с Никой, а все никак она не уходила из его жизни. У него не хватало силы воли окончательно отвязаться от нее. Он уже и сам толком не знал, что чувствует. Он надеялся на Аню, что она поможет отвлечься, но и с ней не особо клеилось, хотя поначалу все казалось таким оптимистичным. Еще этот казарменный режим, будь он проклят. Ну, почему все так сложно?..

Егор чувствовал себя одиноким. Недели проносились, как табун лошадей, одна за одной. И все похожие, практически одинаковые. Иногда более светлые, иногда, когда гибли товарищи, более темные. Время слилось в одну неразборчивую массу. Живой и живи. Чего тебе еще надо?

* * *

Апрель на Донбассе выдался теплым и сухим. Снег как-то быстро сошел, наплил реку, плеск которой иногда доносился до города. Улицы постепенно просохли. «Кто бы тогда, летом четырнадцатого года, мог подумать, что мы доживем до весны?!» — сердце Соколова ликовало.

С другой стороны, ему было одиноко, потому что жена и дочь давно, во время войны, уехали в Крым. Они иногда созванивались. От этих звонков становилось еще тоскливее. А ведь со своей женой Владимир познакомился именно весной. В апреле или начале мая. Ее очень не хватало. С ней он мог расслабиться, она внушала спокойствие. А здесь одни небритые рожи, и постоянно надо быть начеку. Война продолжалась. Слава Богу, не так интенсивно. С лета прошлого года многое поменялось. В каких-то сферах — даже наладилось. Коменданта Ленинска, коим являлся Сокол, народ любил далеко за пределами города. У него была добрая слава.

Он выезжал из города на юг, в Луганск. Глава республики вызывал на совещания. Обычное дело, рутинная работа.

«Вот бы Аля вернулась... Насколько легче тогда было бы жить», — думал Владимир.

Последнее время он часто вспоминал о жене, даже о дочери меньше. А еще вспоминал детство. В то время все было хорошо, мир был безграничным, неизведанным, манящим и обязательно добрым. Почему так устроена жизнь? В детство нельзя не только вернуться, на него даже невозможно снова посмотреть со стороны, как фильм. Только смутные воспоминания, ощущения, чувства. И со временем все смазывается, пропадает четкость, картинки ускользают.

На перекрестке по первой машине сопровождения открыли огонь. Она вильнула и остановилась. Внутри копошились охранники. С нескольких сторон их обстреливали из автоматов. Через несколько секунд движение в автомобиле прекратилось.

«Твою мать!» — подумал Сокол.

Водитель его машины попытался объехать первое авто, повернул влево и вдавил педаль газа. В этот момент по ним выстрелили из гранатомета. Снаряд попал не точно в машину, а рядом с ней, опрокинув ее на бок. Удар был ощутимый. Ав-

томобиль загорелся. Звон как будто произошел не снаружи, а внутри головы Соколова. Он почувствовал себя плохо, потерял контроль над телом, сознание покидало его. Вместе с этим усиливалось чувство боли, сразу во всем теле. Лежавшая на боку машина горела, плавился металл. Водитель и охранник не шевелились. Владимир ощутил теплую кровь, заливающую его лицо. Он слышал автоматные выстрелы, по ним еще стреляли. Глаза Сокола закрывались. Ему показалось, что он уже не сможет их открыть и увидеть этот мир.

* * *

Илларион Романович смотрел на Киев со своего балкона. Он сидел в мягком кресле в спортивных штанах и черной майке. Олигарх последнее время чувствовал себя очень близким к народу. Он и сам задавал себе вопрос: «Почему?» Впрочем, Ерофеев нашел для себя ответ: потому что на него многое навалилось, притеснения со стороны власти, давление на бизнес и его самого. Это сближает с простым народом — чувство, что тебя надурили.

Прошло несколько заседаний суда по его делу. Чтобы остаться на свободе, Ерофееву пришлось отдать большие деньги сначала одному судье, потом второму. После этого его не стали заключать под стражу, оставили под подпиской о невыезде.

Натравили на него этих малолеток-националистов, которые дежурили под его домом чуть ли не каждый день. Это сильно выводило из себя. И вместе с чувством единства с народом приходило и другое чувство — страх перед этим самым народом. Илларион Романович превратился в бледную тень самого себя прежнего. Он слабел с каждым днем. И физически, и морально.

Однажды, это было в феврале пятнадцатого года, Ерофеев решил податься в бег. Он собрал все наличные деньги, сам сел за руль своего бронированного «мерседеса» и поехал в Харьков. Он надеялся вылететь оттуда в Россию. Но его не выпустили даже из Киева. Автоинспекторы устроили погоню, после чего сопроводили до квартиры. А возле дома уже дежурили националисты. Они выкрикивали ругательства и бросались мусором.

Переговоры с администрацией президента не приводили к нужным результатам. Бизнес-империя слабела, предприятия отжимались теми, кто пришел к власти.

Чтобы наладить контакт с властью, Ерофеев должен был убрать Владимира Соколова. Два покушения на него уже провалились. Первое было летом четырнадцатого года. Видимо, работал непрофессионал, который в итоге сам был убит охраной командира. Второй случай и покушением назвать нельзя. Исполнителя раскрыли или он сам раскрылся, еще даже не успев начать подготовку.

И теперь пришла информация, что провалилось и третье покушение. Коротез Соколова подвергся нападению, командир получил сильные ранения, но выжил.

«Не везет так не везет», — нахмурился Илларион Романович. Он одним глотком опустошил стакан с виски и кинул его в стекло балкона. Оно не разлетелось, но покрылось сеткой трещин.

Ерофеев взял телефон и написал бывшей жене: «Я надеюсь, что у тебя все будет хорошо. Я всегда любил тебя. Жаль, что мы разошлись. Поцелуй за меня детей. Вы лучшее, что было в моей жизни. Не скучай».

Он открыл окно и вдохнул бодрящий весенний воздух.

«Вот и конец», — подумал поверженный император.

Илларион Романович выпрыгнул из окна.

Действовать пришлось быстро. Расследование проводить было некогда. Начальник милиции Ленинска Роман Овчаренко и батальон «Беркут» закрыли все въезды в город сразу же после того, как поступила информация о покушении на Сокола. Город переворачивали вверх дном в поисках киллеров.

Недаром есть пословица: на ловца и зверь бежит. На Егора вышел знакомый парень из батальона «Родина». Он рассказал, что за всем стоит именно Юджин. Парень не знал, кто исполнял заказ, но Юджин точно руководил этим. Узнав это, знакомый сразу же решил уйти оттуда, никого не предупредив, и все рассказать.

— Ты уверен?

— Да, Медный. Вам надо его брать. Мне очень жаль Сокола. Не хватало еще своих стрелять. Юджин — урод продажный.

— К нам перейдешь?

— Нет. Я из города сваливаю.

— Спасибо.

Уже через час завод, в котором базировался батальон «Родина», был окружен солдатами комендатуры Ленинска, которых подстраховывали милиционеры.

Медный был в первых рядах. Танк повалил высокие железные ворота, и на территорию предприятия зашел отряд Егора. Им навстречу вышли несколько людей в камуфляжной форме. Они были с поднятыми руками.

— Пацаны, мы не хотим стрельбы. Мы сдаемся!

— В сторону! — держа их на мушке, проорал Медный. — Где Юджин?

— В цехах!

Егор и за ним еще несколько человек направились в здание цеха, которое располагалось левее от ворот. В этот момент откуда-то спереди по ним открыли огонь, положив сразу двоих. Медный упал и отполз за ржавый грузовик без колес. В этот момент танк громыхнул из орудия по большим цистернам. Раздался непонятный вой, свист, похожий на сильный ветер или сирену. Егор даже не мог понять, что это такое. От этих завываний веяло мистикой.

С крыш по ним начали усиленно стрелять. Заработали АГС, выведя из строя танк. От ударов его башня загорелась. Экипаж погиб.

Батальон «Беркут» открыл ответный огонь из укрытий за пределами территории завода. Их противники успешно удерживали вход, не дав с наскока занять двор перед цехами. Странники Соколова до последнего надеялись, что удастся избежать боестолкновения. Тем более что вроде как свои. Они хотели только арестовать Юджина и верхушку батальона «Родина». Те, в свою очередь, поняли, что к чему, и решили повисить ставки.

Небольшой отряд двигался к близлежащей пятиэтажке, чтобы с нее атаковать предателей. Они вышли на крышу, оценили обстановку и собирались дать залп из гранатомета, но вражеский снайпер открыл по ним упреждающий огонь. Ополченцам пришлось укрыться и искать снайпера. Возможно, их было несколько.

АГС стреляли, не жалея ни боеприпасов, ни домов вокруг предприятия. Обстрел велся плотный, на подавление. «Беркутовцы» не ожидали такого яростного сопротивления. Морально они были готовы, но надеялись, что все обойдется брацаньем оружия. Прогадали.

Егор отдышался и успокоился. Камуфляж взмок, он ненавидел это ощущение. Медный находился на линии огня между своими и чужими. Можно было сделать рывок за ворота, они располагались совсем недалеко, однако шансы остаться невредимым сводились к минимуму. Егор не высывался, рассчитывая, что бойцы Юджина про него забудут. Он не стрелял, чтобы не выдать свое местонахождение. Подождал еще немного. Перекрестился. Время действовать.

Медный рванул не к своим, а совершенно в другую сторону — к цеху. Успешно добежал до небольшого кирпичного здания, вероятно, подстанции. С этой стороны не стреляли. Осмотревшись, побежал к цеху. Дверь была приоткрыта, но Медный почувствовал, что это ловушка. За время войны у него обострилась интуиция. Он знал, практически видел, что если войдет именно сюда, то уже никогда не выйдет. Повернул вдоль здания, начал обходить его, все больше отдаляясь от того места, где шел бой.

У ополченцев было много раненых, они терпели поражение. Батальон Юджина успешно отразил попытку штурма. Машины скорой помощи уже ехали, в городе слышались их сирены. Но не только они направлялись сюда. По улицам ехали БТР и орудия. Интенсивность боя снизилась. Снайперы активно искали цель.

Медики забирали бойцов или оказывали им помощь на месте. Кто-то не хотел уезжать и рвался в бой.

Когда все приготовления артиллерии были завершены, завод начали методично уничтожать. С разных сторон на него посыпались снаряды, разбивая железо и кирпич. Предприятию доставалось как никогда. По сравнению с этим годы разворывания завода были золотым временем, ведь тогда он, по крайней мере, был относительно цел. Теперь же он, скорее всего, навсегда ушел в небытие. Ударил «Град», окончательно подавив огонь батальона «Родина». Через короткий промежуток времени сопротивление было сломлено.

Окно находилось высоко. Егору пришлось подпрыгнуть и подтянуться, он еле смог ухватиться за карниз. Заглянул внутрь — какое-то помещение, что-то вроде склада. Вокруг от ударов снарядов трясилась земля и воздух. «Как бы свои по мне не попали», — нахмурился Медный. Он спрыгнул, взял камень и разбил им стекло. Подтянулся и проник в помещение, чудом не поранившись. Никого не было. Он приоткрыл дверь и выглянул. Там находился большой цех, который тоже оказался пустым. В другом конце было заметно шевеление и слышен приглушенный разговор. Разобрать слова было трудно. Аккуратно и бесшумно, пригнувшись, направился туда. Есть шевроны, в руках автоматы. Укрылся за контейнером, оттуда было хорошо видно этих «родиновцев». Достал гранату, выдернул чеку и бросил им под ноги. Раздался хлопок, сразу после которого Егор вышел из-за контейнера и открыл огонь.

С другой стороны тотчас начали стрелять по самому Егору. Чудом не попали, ему хватило мгновения для того, чтобы уйти с линии огня. Он действовал по той же схеме — кинул гранату и выпустил очередь из автомата. Но, судя по непрекращающемуся огню, взрыв гранаты не был эффективен. Медный никак не мог определить укрытие противника. Он периодически высовывался, но в тот же момент приходилось прятаться. По нему стреляли минимум два человека. Ему повезло, что не с разных сторон. Тогда бы его точно задели.

— Сдавайтесь, вы окружены! — Егор решил потянуть время. Может, отзовутся, и он поймет, где их укрытие. — За что вы воюете? За деньги? Их не заберешь с собой в могилу.

В ответ его еще сильнее начали обстреливать. Медный вжался в контейнер.

— Нам нужен только Юджин! — как можно громче прокричал он. — Вы знаете почему!

На разговор они не шли. К этому моменту Егор приблизительно определил, где эти люди находятся. Он кинул гранату. Раздался взрыв, огонь прекратился. Медянов выглянул и осторожно, с автоматом наготове, пошел в их сторону. За огромным металлическим чаном в крови лежали два человека. Один из них не подавал признаков жизни. Егор, чтобы перестраховаться, выстрелил в него. Второй испуганно застонал.

— Где Юджин? Говори или застрелю! Я не пожалею!

Лицо противника было в крови, он держался за живот. Видимо, туда попал осколок гранаты.

— Говори, и я тебя отнесу к врачам.

Боец стонал и вертелся, но силы покидали его.

— Вот же придурок! Зажми рану.

Поднял его под руку и потащил к выходу из цеха. Возле приоткрытой двери пришлось остановиться, чтобы обезвредить растяжку. Егор хотел было выйти на улицу, но недалеко мощно грохнул снаряд. Обстрел продолжался, тянуло дымом. Они прислонились к стене.

— Рискую из-за тебя, неблагодарная ты сволочь.

Через минуту стрельба прекратилась. Соппротивление было подавлено. Отряды «Беркута» заняли территорию завода. Медный вышел к ним навстречу с раненым.

— К медикам его.

Всю территорию завода прочесали. Бойцы батальона «Родина» сдавались один за другим. Убитых было немного, раненых — в несколько раз больше.

«Какое громкое название батальона! — думал Егор. — Только вот не сделали они ничего хорошего для родины».

И тут поступило экстренное сообщение: на больницу, в которую отвезли Сокола, совершено нападение. Часть бойцов осталась на заводе, остальные на бронетранспортерах, грузовиках и «газелях» бросились на помощь.

Егор ехал на джипе вместе с одним из заместителей Соколова — Курганом.

— Вот же суки! — скрипел зубами Курган. — Добить его решили. Юджин — тварь! Даже своих ребят не пожалел, оставил их, прикрылся. А сам поехал деньги отграбачивать. Поймаю — вырву сердце.

Минут за пятнадцать доехали до места. Первым на улицу, где стояла больница, выкатил БТР. И сразу попал под мощный удар. Машина попыталась отъехать, но ее еще раз накрыли огненным залпом. Бойцам удалось вовремя покинуть БТР и занять позиции за домами.

Ополченцы, охранявшие коменданта Ленинска, мужественно держались, пока не прибыло подкрепление. Они стреляли из подвалов и с крыш. Противник не жалел патронов, расстреливая больницу. Пациенты не понимали, что происходит: с самого утра шли бои, даже носились слухи, что это украинские войска заняли город. Но нет, все были как бы свои. Больные укрывались, где могли. Врачи старались невозмутимо выполнять свою работу. Как раз в этот момент проходило три операции. Одна из них была очень серьезная — они пытались спасти жизнь Владимиру Соколову. Им не мешал ни грохот пальбы, ни страх, что в любую секунду в окно может залететь граната или осколок. Они были сосредоточены.

С наскаку отбить больницу не получилось. Оставшиеся бойцы батальона «Родина» остервенело стреляли по двум направлениям — в больницу и по прибывшему подкреплению. Они укрывались за легковыми машинами и КамАЗом, защитой им служили и гаражи возле больницы.

— Влепить бы по этим сукам из танка осколочно-фугасным, да, боюсь, больницу заденем, — сказал Курган Егору.

— Тогда нужны переговоры.

Они прекратили огонь и вышли по рации на отряд Юджина.

— Немедленно сложите оружие! Иначе мы сотрем вас в порошок! — прокричал Курган в рацию.

— Нам и так крышка! — раздалось в ответ.

— Мы отпустим вас! Всех, кроме Юджина.

— Юджина с нами нет. Он нас подставил!

— Выходи, поговорим с глазу на глаз. Стрелять не будем.

Курган вышел на площадку перед больницей, к нему подошел человек, с которым он переговаривался.

— Где Юджин?

— Он свалил. Мы приехали к больнице. Он пообещал каждому по десять тысяч долларов, если уьем Сокола. Когда стало понятно, что завод захватили, то он прыгнул во внедорожник и умотал отсюда. А тут и вы подоспели.

— Куда он поехал?

— Да хрен его знает!

— В общем, вы отвоевались. Помиловать не обещаю, но живы будете. Как вы за какие-то мерзкие бабки могли в своих же стрелять, а?

Егор и его бойцы держали на мушке переговорщика. Остатки батальона «Родина» держали на мушке Кургана.

— С нами уже покончено. Вы нас в живых не оставите, — усмехнулся переговорщик.

— Я даю слово...

Раздался выстрел. Переговорщик выстрелил в Кургана в упор. Снова начался ожесточенный бой. Попытка переговоров провалилась. Медный только и успевал менять рожки, доставая их из разгрузки. Он стрелял и не понимал, кто перед ним. За что они воюют? Они готовы убивать за деньги. Но денег они не получают, командир их предал. Они понимают, что живыми им не выйти из города. Выбора у них не было — осталось только сражаться и погибнуть. Прощения таким людям не заслужить.

Несколько людей Юджина попытались скрыться на автомобиле. Не успели они покинуть двор больницы, как их накрыл залп гранатомета. Снайпер на крыше госпиталя снял трех бойцов «Родины». БТР дал несколько залпов по гаражам, где укрывались остатки заводского отряда. В течение часа территории удалось зачистить.

Егор ходил между покореженными гаражами, вдыхая запах гари, и из пистолета добивал раненых. Потом присел у бетонного забора и закурил. Все руки были липкие от грязи, хотелось помыться и отдохнуть. Может, даже выпить. Тяжелый выдался денек. Давно таких не случалось. И Курган... Кто же знал, что так случится? Не сообразили вовремя. На переговоры явно должен был идти кто-то другой. Сегодня выдался кровавый день. Среди своих были потери, очень много раненных, особенно после боя на заводе. И этих наемников... несколько десятков.

«Война — это проклятье», — Егор пытался выдавить из себя хотя бы одну слезу, но ничего не чувствовал. Внутри пусто. Эмоции захлестнут потом.

О судьбе Юджина стало известно в этот же день, ближе к вечеру. Командир батальона «Родина» на внедорожнике бежал из города. При себе у него была довольно крупная сумма, хотя она была мелочью по сравнению с тем, что у него уже лежало на счету. Через основные дороги Юджин не смог бы покинуть город, поэтому решил ехать полями. Направлялся в сторону украинских блокпостов — на запад. Но Юджин плохо знал, где и что заминировано. Видимо, он совсем не думал об этом. Он удирал, понимая, что не только провалил задание, но и поставил под угрозу свою жизнь. Больше всего он боялся, что не сможет воспользоваться заработанными деньгами. И он не смог. Автомобиль подорвался на mine, в машине сдетонировали боеприпасы. Шансов выжить у Юджина не оставалось. Обгоревшую машину и его тело на поле за городом нашли довольно быстро.

Батальон «Родина», не прославившийся ни смелостью, ни хорошими делами, перестал существовать.

Через пару дней Егор навестил Володю. Тот лежал в палате один. Его глаза были закрыты. Медянов подумал, что комендант спит.

— Привет, Егор, — тихим, но сильным голосом первым сказал Сокол. — Заходи. Медный удивился.

— Привет! Как ты узнал, что это я?

— Да услышал, как ты в коридоре охране представился.

— Точно, — усмехнулся Егор. — Ты всегда был наблюдательным.

Медянов смотрел на человека, которого очень уважал. Наверное, даже любил,

как старшего брата. И его было жалко. Взгляд Егора упал на левую руку, ампутированную по локоть. Конечно, он за время войны уже видел всякое и похуже. Но Сокол... Разве могло с тем такое произойти? Он же был заговоренный, неуязвимый...

— Как ты? — спросил Егор.

— Сам видишь. Нормально. Стрелять и одной рукой можно. Что в городе?

— Все как обычно, командир. Все идет своим чередом. Слышал про Юджина?

— Да, слышал. А про Ерофеева знаешь?

— Ерофеева? Олигарха?

— Про него, — ответил Соколов. — Недавно свел счеты с жизнью. Почти в одно время все это произошло. Связаны мы, значит, трое были. Я, он и Юджин. Мы с Ерофеевым даже созванивались. И не раз. И знаешь, все равно жалко. И того, и другого. Не смогли они меня со свету сжить, сами сгинули. А все равно жалко. Разве ж это нормально? Смерти желать другим? А вот живем же так уже второй год. Но так быть не должно, Медный. Я же механик, а ты автомойщик... Работать надо, а не воевать.

Он надолго замолчал. И смотрел на Егора долго.

— Я не жалею ни о чем, Медный. Только все равно жалко людей. Мне себя не жалко, а их жалко. Знаешь, чего боюсь?

— Чего? — настороженно отозвался Егор.

— Комендантом мне больше не быть. Сместят меня. Будет у вас новый командир. Я сделать лучше теперь не смогу, я теперь никто буду. Обычный инвалид. И как теперь мне жить?

— Володя, для всего города ты — герой, — уверенно и горячо сказал Медянов. — Кто тебя упрекнет? Не ты эту кашу заварил! Ты грудью встал на защиту мирных людей. И мы с тобой вместе.

— Не я... А может, все-таки я? И вообще можно ли было как-то избежать этой войны?

— Сокол, ты не от себя выступал, а от людей. Ты был нам нужен. И до сих пор нужен! Даже если перестанешь быть комендантом! Ты один из тех, кто не запятнал свое имя ни деньгами, ни бессмысленной кровью. Я с первых дней с тобой и ни разу еще не разочаровался в тебе. И я не один такой.

В палату зашла женщина и удивилась, увидев кого-то еще, кроме Владимира.

— Ой, ты не один! Вы разговариваете? Я тогда к врачу загляну.

И она вышла из комнаты.

— Жена моя, — с улыбкой пояснил Сокол. — Может, стоило потерять руку, чтобы она вернулась? Не отходит от меня...

— Ничего. Подлечисься, поедем на рыбалку. Или на охоту.

— Ага, тех зверей, что хочется подстрелить, здесь нет. В Киеве они все сидят... Как там Андрюха?

— Не знаю, мы не общаемся с тех пор, как он из ополчения ушел, — потупил взгляд Егор.

— Почему? — не понял Владимир.

— Да не знаю. Как-то последний разговор у нас не получился.

Сокол кивнул, мол, понял, о чем идет речь.

— Ну и дураки. Что ты, что он. В гости приходите, как выпишут меня. Пива темного хочется.

— Так может...

— Сейчас нельзя. Не до этого пока. Но потом встретимся и отдохнем все вместе.

— Конечно, командир, как скажешь.

На улице собиралась гроза, небо темнело, солнце растворилось в дымке. Слабые капли падали сверху на кожу, скользили по ней. Ветра практически не было. Было просто грустно.

До Андрея идти недалеко, но путь показался Егору слишком долгим. Егор переживал, примет ли его друг? Они очень давно не общались. Медянову было стыдно, что он осудил тогда решение Шишкова.

Как ни странно, Андрей оказался дома. Он даже не удивился приходу Егора.

— О, заползай! — радостно выпалил он.

Егор как-то виновато зашел в квартиру.

— Чего ты как не родной?

— Да... Ты про Сокола слышал?

Они прошли на кухню, Егор достал из пакета две бутылки коньяка. Выпили.

— Слышал, конечно. Как он?

— Держится. Ему руку ампутировали.

— Жесть, — Андрей был явно расстроен. Он налил еще. — За его здоровье!

— Ага.

Пили без закуски. Коньяк обжигал горло и оставлял неприятный привкус.

— Сильный удар по республике нанесли эти скоты, — сказал Егор.

— Нет ничего хуже крыс, — кивнул Андрей.

— Все продают друг друга. Ты извини меня за наш последний разговор.

— Да проехали, — махнул рукой Шишков.

— В чем-то ты был прав... — напрягся Егор. — Не нравится мне это все больше и больше. Тогда я понимал, за что мы воевали. А сейчас я уже ничего не пойму. И знаешь что? Мне даже разбираться не хочется. Меня все достало! Достало, что гибнут ребята каждый день, что командиров отстреливают. И зачастую это, якобы, делают свои. Но на самом деле они нам не свои. Как этот батальон «Родина»... И верить никому нельзя.

— Самое паршивое, Егорыч, что так было всегда, во все времена. Мне кажется, за тысячи лет человек ни капли не изменился. Золотой телец всесилен.

— Бог всесилен. Мы же не продались, значит, золотой телец не всесилен.

— Потому что мы дураки, — улыбнулся Андрей. — Обычные донбасские дурни.

Они засмеялись.

— Уж лучше так, — ответил Егор. — Я бы по-другому не смог. Как этот Черный... Как Юджин... Это люди без души и без сердца. А у Сокола есть все это. Может, поэтому он выжил?

— Егор, революция пожирает своих детей. Так сказал какой-то француз-революционер, казненный своими же соратниками. Знаешь такую фразу? Очень старая. Я боюсь, что она всех нас съест.

— Да и хрен с ней, с революцией. Мы сражались за свою землю! — вспыхнул Егор.

— Люди не должны воевать. Это проклятие рода людского.

— Не должны... Но что нам оставалось? Это нас решили стереть в порошок, нас утюжили артиллерией и авиацией, наплевав на мирных жителей. Я бы не пожалел жизни, чтобы добраться до Турчинова, Порошенко, Яценюка, Яроша. Вот уж кто заслуживает всего самого наихудшего.

Они долго болтали и выпивали. На улице пошел ливень, поэтому в квартире стало особенно уютно. Вышли покурить на балкон. На выстрелы, которые фоном сопровождали их жизнь уже почти год, они не обращали внимания.

— Как вы с Яной?

— Ничего. Живем вместе по-прежнему. Но до свадьбы как-то не дошло, — отозвался Андрей. — Да и вообще отношения стали какими-то... непонятными. А у тебя, что там с твоими?

— У меня еще хуже, — хмыкнул захмелевший Егор. — Нику я послал, хотя мы долго с ней переписывались. А Аня... она не смогла в таком режиме жить. Меня всегда нет рядом. Она собрала вещи и ушла. Написала только смс. Все. Вот

так со мной рассталась. Хотя я даже не знаю, была ли эта любовь с ее или моей стороны? Но в свое время наши с ней отношения мне здорово помогли. Я не безнадежен! — Медный одарил дождливый мир солнечной улыбкой. — Кто-нибудь из девчонок, может быть, еще и влюбится в меня по-настоящему...

— Всеу свое время, Егорыч. Все будет. Мы ведь не видим общей картины, как оно все там наверху задумано. Но я уверен, что все не случайно. Вся эта жизнь не случайна.

— Ты веришь в это?

— Конечно, — уверенно кивнул Андрей.

— Сходим еще за бутылочкой?

— А почему бы и нет? Вечер-то хороший. Друг ко мне пришел.

Егор и Андрей спустились на улицу ниже, в магазине затарились всем необходимым и продолжили уже на лавке во дворе. Как в старые добрые школьные времена. Они общались до позднего вечера. Потом Медный ушел, а Андрей отправился к своей девушке, которая почему-то так и не вышла за него замуж.

* * *

Прошло много-много месяцев, они собирались в годы. Очередной август подошел к концу.

— Ваня, давай, пойдем домой! — раздался ласковый женский голос.

Ваня играл с товарищами на детсадовской площадке. Он ловко преодолевал препятствия, лазал на горку, проходил лабиринты. Его детское воображение рисовало высокие каменные замки, опасных драконов и полчища врагов. Мальчик снял со спины самодельный лук, взял палку и выстрелил ею куда-то вперед, метко поразив невидимого врага.

— Еще чуть-чуть, ма! — твердо ответил Иван.

Детвора потихоньку разбиралась мамами.

Поодаль стоял худощавый невысокий мужчина и смотрел на Ваню. На своего сына. Потом он присел на лавку и закурил. Сам не заметил, как мальчик подошел к нему. Они посмотрели друг другу в глаза.

— Играешься? — улыбнулся мужчина.

— Да, — стесняясь, ответил Ваня.

— Кто ты?

— Я Робин Гуд.

— Это правильно. Хочешь, я тебе дам волшебную пулю? С ней ты победишь самого сильного врага.

— Давай.

Мужчина достал из кармана гильзу и положил ее в руку ребенка.

— Ваня-я-я! — позвала мама.

Незнакомец встал и неспешным шагом пошел прочь. К Ивану подбежала мама.

— Пойдем домой, пора обедать. Что это там у тебя в руках? Откуда это? Сынок, кто тебе дал эту гадость?

Вероника вырвала у малыша гильзу и выкинула ее.

— Кто тебе это дал?

— Вон тот дядя, — показал пальцем на незнакомца вдалеке Ваня.

Мама заметила знакомую фигуру. Она сделала шаг вдогонку.

— Егор! Егор!!!

Он слышал ее крик. Непонятный, отчаянный, испуганный.

На его глазах появились слезы.

Он ускорил шаг, оставив за спиной тех, кого любил.